

Сергей Владич

Тайна Первого Храма

Содержание

Первое и последнее предупреждение

Глава 1. Утопленник

Глава 2. «Возлюби меня, Боже, в Царствии Твоем Небесном...»

Глава 3. Аббат Безю

Глава 4. Досифей

Глава 5. Тайна ордена рыцарей Храма

Глава 6. Дача Ф. М. Дубянского

Глава 7. Меркаба

Глава 8. По следам тамплиеров

Глава 9. Отшельник Китаевской пустыни

Глава 10. В поисках Марии Магдалины

Глава 11. Священное женское начало

Глава 12. Открытие «сезона охоты»

Глава 13. Заговор

Глава 14. Тайна утопленника

Глава 15. Наследники

Глава 16. Жак де Моле

Глава 17. Пропажа жезла

Глава 18. Ложа выходит на связь

Глава 19. Встреча на даче

Глава 20. Бестужев

Глава 21. Хранители ларца

Глава 22. Секретарь епископа

Глава 23. Ларец тамплиеров

Глава 24. Загадки цистерцианского монастыря

Глава 25. Посылка с того света

Глава 26. Гора Фавор

Глава 27. Побег

Глава 28. Преображение

«Иисус сказал: Если двое в мире друг с другом в одном и том же доме, они скажут горе: Переместись! — и она переместится».

Евангелие от Фомы

«Человек заслуживает это имя лишь постольку, поскольку он объединяет в себе мужчину и женщину. Благословение небес исходит лишь туда, где есть такой союз...»

Книга Зоар

Первое и последнее предупреждение

Имена, отчества и фамилии основных действующих лиц, как и происходящие с ними события, являются вымышленными. Любые совпадения случайны и не имеют отношения к реальным людям и событиям.

Автор снимает с себя всякую ответственность за описанные в книге поступки рыцарей, императоров, императриц, великих магистров, епископов, пап, кардиналов, королей, монахов, аббатов, канцлеров, профессоров и членов масонских лож. Они взрослые люди и имеют право поступать так, как считают нужным.

Из всего, что написано в книге, не подлежит сомнению только один факт: Бог существует и Он создал нас такими, какие мы есть. И Он создал нас разными, чтобы процесс развития никогда не останавливался, и Он дал нам Любовь, чтобы мы научились жить вместе.

Короче говоря, автор все это выдумал.

Почти все.

Глава 1

Утопленник

Поздним осенним вечером года 1796 от Рождества Христова сразу в нескольких домах Санкт-Петербурга происходил настоящий переполох.

— Николай Иванович дома? В гостиной? Прошу сейчас же позвать!

— Нам надобен Степан Львович! Они уже легли? Разбудить! Немедленно разбудить!

— Есть ли Михаил Евграфович? В библиотеке? Проведите меня к нему! Тут государево дело! Карета уж подана!

Посланцы Тайной экспедиции Ее Императорского Величества Екатерины II были неумолимы.

Несмотря на поздний час, следователь по особо важным делам городской управы уголовного сыска Николай Иванович Безухов, мужчина крупного телосложения и весьма степенного образа жизни, еще не ложился. Когда за ним пришли, он мирно чаевничал со своей супругой Марфой. Однако чай пришлось оставить. Накинув плащ прямо на домашний костюм, он уже через несколько минут в сопровождении угрюмого приказчика мчался в казенной карете вдоль набережной Невы сквозь промозглую темень балтийской ночи. Зная повадки Тайной экспедиции, Николай Иванович даже и не пытался заговорить со своим попутчиком, сочтя за благо оставить все вопросы на потом. Ему, не первый десяток лет работающему в сыске, и без особых объяснений было понятно, что случилось нечто неординарное, возможно касающееся высоких или даже царственных особ. Карета остановилась возле заднего подъезда неприметного серого здания, в котором Безухов признал городской морг. «Значит, речь идет об убийстве», — подумал он.

По едва освещенным лестницам и коридорам его препроводили в комнату без окон, в которой уже находились доктор медицины Степан Львович Трахтенберг и известный в городе специалист по всяким старинным штучкам и оккультным наукам Михаил Евграфович Рябинин. На их лицах читалось недоумение, а по растрепанному внешнему виду было ясно,

что попали они сюда, как и Безухов, в спешке и в казенных каретах. Не успел Николай Иванович поприветствовать присутствующих, с которыми встречался раз или два на городских приемах, как дверь отворилась и в комнату вошел невысокий, худощавый, даже сухонький человек довольно невзрачного вида в сером форменном сюртуке. Он не представился, хотя, судя по удивленно-вопросительным взглядам, которыми обменялись присутствующие, никто из них с ним знаком не был.

— Добрый вечер, господа. Приношу свои извинения, что нам пришлось прервать ваши дела в столь поздний час, однако обстоятельства, в связи с которыми вы здесь, являются чрезвычайными. Дело тут государево, так что попрошу вас соблюдать впоследствии строжайшую тайну. А сейчас извольте следовать за мной, — сказал он и жестом пригласил всех в соседнее помещение.

Там, посреди холодной, пропахшей формалином прямоугольной комнаты с чисто выбеленными стенами, стоял стол, на котором находилось укрытое простыней тело. Комната освещалась несколькими довольно большими светильниками, стоящими по углам стола. Свечи горели ровно, их пламя лишь слегка колебалось в такт дыхания вошедших людей. Человек в сюртуке подошел к телу и откинул простыню. Под ней оказался труп мужчины средних лет, довольно крупного телосложения, с округлым, даже несколько одутловатым лицом. Никаких видимых повреждений на теле не было. «Очевидно, утопленник», — отметил про себя Безухов. Тело неплохо сохранилось, и черты лица покойного были все еще хорошо различимы. «И утонул, похоже, недавно», — снова подумал Безухов.

— Узнает ли кто-нибудь покойного? — спросил человек в сюртуке и, получив в ответ лишь общее молчание, произнес: — Это Федор Михайлович Дубянский, советник правления Заемного банка, внук протоиерея Федора Иаковлевича Дубянского. — При этих словах Рябинин понимающе кивнул, а Безухов и Трахтенберг обменялись напряженными взглядами — причина всей этой ночной суеты начала проясняться.

— Внук личного духовника императрицы Елизаветы Петровны? — переспросил Безухов на всякий случай.

— Точно так, он самый. Выловлен сегодня из Невы — утонул при странных обстоятельствах. Купаться, конечно, не сезон, но чтобы взрослый, здоровый мужчина вот так взял и утонул... Степан Львович, — обратился человек в сюртуке к врачу, — осмотрите, пожалуйста, тело. Нас интересует ваше заключение о причине смерти. Все необходимое вам сейчас принесут. Мы подождем в соседней комнате.

После этих слов все, кроме доктора Трахтенберга, вышли.

В соседней комнате стоял лишь небольшой стол с двумя толстыми свечами и несколько тяжелых деревянных стульев. Человек в сюртуке жестом пригласил Безухова и Рябинина присесть.

— У нас с вами, господа, тоже есть занятие, пока там медик делает свою работу.

С этими словами он достал из кармана некий металлический предмет и положил его на стол так, чтобы его было хорошо видно. Это был округлый, массивный с виду медальон, очевидно отлитый из темного серебра, со странным выпуклым, будто тисненным рисунком: два треугольника, пересекающихся в виде шестиугольной звезды, внутри которой располагался человеческий глаз.

— Мы нашли эту вещицу в потайном кармане утопленника. Михаил Евграфович, — обратился он к Рябинину, — что вы можете сказать об этом предмете?

Рябинин бережно взял необычный предмет в руки, поднес к светильнику и в полном молчании несколько минут тщательно разглядывал его с обеих сторон. С обратной стороны медальона была отчетливо видна надпись на каком-то непонятном языке. Наконец Михаил Евграфович положил загадочный предмет обратно на стол и осторожно, будто опасаясь чего-то, отодвинул его от себя.

— Эта штука, видимо, весьма почтенного возраста... Я даже не берусь сказать, к какому веку ее можно отнести... — задумчиво произнес он. — Может, ей тысяча лет, а может, и две... Шестиконечная звезда — ее еще называют печатью Соломона — очень древний мистический символ, как и глаз, — уподобление Всевидящего Ока Бога, египетский знак всеведения и вездесущия. В некоторых оккультных учениях такая звезда означает противостояние Бога и сатаны. В иудейских книгах Каббалы упоминаются также шестиконечные щиты, которые использовали воины царя Давида. Впрочем, шестиконечная звезда у иудеев — это еще и зримый символ двух потоков времени, которые связывают настоящее, прошлое и будущее. Настоящее всегда устремлено вверх, к будущему, но оно также неразрывно связано и с прошлым. Вот такая, с позволения сказать, философия, м-да...

Он сделал неопределенный жест, как бы показывая восходящие и нисходящие потоки времени, и продолжил:

— Позже христиане стали считать, что треугольник вершиной вверх олицетворяет триединство Бога Отца, Сына и Святого Духа, а вершиной вниз — дьявольские силы... Такой символ присутствует и в Индии, и в других культурах Востока. Его давно используют в магии, алхимии и разных оккультных практиках. Впрочем, лично я советую поискать в другом направлении — среди франкмасонов: я давеча слышал, что в Петербурге уже действуют несколько масонских лож. Глаз — это их символ, пришедший из глубины веков, из Египта. У вольных каменщиков многие легенды и символы заимствованы от строителей пирамид. Впрочем, и от иудеев они кое-что переняли. К сожалению, это все, что я могу вам сказать, — сам в масонах не состою и дружбу с ними не вожу... Да, язык, на котором выполнена надпись, по-моему, иудейский, или арамейский, но и в этом я не уверен. Прошу прощения, однако иноземной грамоте не обучен.

Воцарилась тишина, которую нарушил вновь присоединившийся к ним Степан Львович Трахтенберг. Когда доктор вошел, человек в сюртуке повернул голову к двери и посмотрел на него вопрошающе:

— Чем порадуете, господин Трахтенберг?

— Господин Дубянский действительно утонул, — произнес доктор, присаживаясь. При этом он продолжал вытирать полотенцем мокрые от мыльного раствора руки, и делал это на редкость тщательно. Закончив с гигиеной, доктор Трахтенберг бросил полотенце на стол и стал расправлять рукава сорочки, закатанные до локтей. — Но, очевидно, не без того, чтобы его стукнули тяжелым предметом по затылку, — продолжил он, — там обширное кровоизлияние, проломлен череп. Похоже, что он умер не сразу и некоторое время плавал в Неве еще живой — в легких покойного полно воды. Ему определенно помогли умереть, — заключил Степан Львович, надевая сюртук и тем заканчивая свой туалет.

— И когда же, по вашему мнению, это случилось?

— Судя по всему, не позже чем вчера или позавчера, — отвечал доктор Трахтенберг. — Затрудняюсь сказать точнее.

— Ну, что же, — человек в сюртуке с удовлетворением кивнул, — благодарю вас, мы так и предполагали. Хотя внешне все выглядит как несчастный случай: позавчера к вечеру

они с компанией возвращались с дачи на лодке. Лодка дала течь, кто-то вскочил, началась паника. Посудина перевернулась, все оказались в воде, однако примечательно, что утонул лишь один Дубянский. А ведь ему недавно всего-то тридцать шесть годков стукнуло, на здоровье не жаловался, да и до берега-то было недалеко. Все, включая дам, выбрались, а этот — утонул! Николай Иванович, — обратился он к Безухову, который до сих пор не проронил ни слова, — утром мы передадим это дело в сыск, и я попрошу вас заняться им лично. К счастью, все остальные, кто был в лодке, остались живы, хотя и разболелись, — осень все-таки, неудачное время для купания. Их потом нужно будет допросить, но, прошу вас, очень осторожно! Если это убийство, то совершил его один из них. О необходимости соблюдения тайны еще раз предупредить вас, милостивые государи, я думаю, излишне. Дед этого утопленника был осведомлен о самых сокровенных тайнах российского императорского двора. Мы навели справки о семье духовника, и вот что обнаружилось: четверо его детей из пяти, включая отца утопленника Михаила Федоровича, умерли при странных обстоятельствах и преждевременно, лишь ненадолго пережив своего отца. Теперь вот внук утоп ни с того, ни с сего... Нам пока неизвестно, что все это означает, но мы это узнаем, будьте покойны. — Он взял медальон со стола и положил себе в карман. — И с этой вещичкой тоже разберемся. Дубянский не стал бы носить с собой в сюртуке иудейские штучки без веской на то причины. А сейчас вас всех отвезут по домам. Покойной вам ночи, господа.

Человек в сюртуке решительно встал и вышел из комнаты.

Однако есть все основания полагать, что никто из присутствующих ни с ним, ни друг с другом больше никогда не встречались. Отчасти потому, что доктор Трахтенберг вскоре скончался, подхватив дифтерию от пациента. Отчасти и потому, что специалист по загадочным явлениям Рябинин загадочным же образом исчез однажды без следа, выйдя на вечернюю прогулку в сад, расположенный возле собственного дома. Следователя Безухова неожиданно хватил удар, а дело об утопленнике по каким-то причинам так никогда и не было передано в сыск. Немногочисленные родственники пропавшего Федора Дубянского еще некоторое время пытались его разыскать, но тщетно. Затем неизвестно откуда появился слухок, что вроде были у него какие-то проблемы по месту службы в Заемном банке, и тогда публике через скромное объявление в местной газете была предъявлена официальная версия: утонул, дескать, в результате несчастного случая, да и все тут. А в 1822 году род Дубянских и вовсе пресекался. Навсегда.

* * *

— Ну и что же, ваше сиятельство господин канцлер, все это презабавно, но при чем же тут я? — поинтересовался Сергей Михайлович Трубецкой, известный киевский специалист по древним рукописям. Высокий, худощавый, слегка небритый, с кудрявой шевелюрой и умными, живыми глазами, он был ходячим олицетворением академической свободы. Вот и сегодня Сергей Михайлович, одетый в свитер и джинсы, с наслаждением растянулся в кресле возле камина на даче своего старого приятеля, профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре истории Артура Александровича Бестужева, которого друзья и коллеги в шутку величали «канцлер» в честь его знаменитого однофамильца — великого канцлера времен императрицы Елизаветы Петровны графа Бестужева-Рюмина. Во время

путешествия по маршруту «из греков в варяги» Трубецкой основательно продрог и теперь отогревался под треск дров в камине, потягивая любимый коньяк «Remy Martin».

Сергей Михайлович и Артур Александрович были знакомы уже много лет. Все началось с совместного проекта по славянским рунам, которые, как утверждали некоторые историки, были предтечей славянской письменности до появления не то что кириллицы, но даже и глаголицы. В Санкт-Петербурге этой проблемой занимались еще со времен Ломоносова; здесь работали лучшие специалисты и была собрана богатейшая библиотека. В свою очередь, киевская историческая школа была знаменита исследованиями древнейших памятников письменности и праславянского наследия Скифии, а также рукописей времен Киевской Руси.

— Да я, князь, собственно, только подошел к сути дела, — в тон ему ответил Бестужев. Артур Александрович, надо признать, как характером, так и внешностью действительно напоминал елизаветинского канцлера — выдающегося политика и интригана, что служило поводом для бесконечных шуток и намеков со стороны друзей на внебрачные связи бестужевских предков. Некоторые коллеги Бестужева небезосновательно утверждали, что его невысокой, коренастой фигуре очень даже пошел бы приталенный сюртук и панталоны, а лицо с несколько крупноватым носом, волевым подбородком и хитрыми глазами чудесно смотрелось бы в обрамлении завитого парика.

— Дело в том, что вся эта позабытая и, прямо скажем, не самая выдающаяся, на первый взгляд, история получила неожиданное развитие примерно две недели тому назад, — продолжил Бестужев. — Все началось весьма прозаично: у нас тут в Малом Эрмитаже — «маленьком уединенном уголке» императрицы Екатерины II, выстроенном в свое время рядом с Зимним дворцом, — затеяли ремонт. При этом строителям пришлось вскрывать просевшие местами полы и менять подземные коммуникации. Тогда и оказалось, что здание Малого Эрмитажа построено на фундаменте старой церкви Преображения Господня, в середине XVIII века находившейся в доме личного духовника императрицы Елизаветы Петровны, того самого Федора Иаковлевича Дубянского, внук которого якобы утонул в Неве. Этот Федор Иаковлевич, судя по отзывам современников, был умницей и очень образованным для своего времени человеком. Не случайно государыня сделала его своим ближайшим доверенным лицом. Так вот, по ходу ремонтных работ нужно было передвинуть старый алтарный камень. Когда его сдвинули с места, там оказался тайник.

— А в нем — сундук, а в сундуке — заяц, а в нем — утка, а в ней — яйцо, в котором игла и смерть Кощеева? — вставил реплику Трубецкой.

— Тебе бы все шуточки шутить, знаток фольклора... Впрочем, — Бестужев картинно развел руками, — в этот раз ты угадал. Сундук там действительно был, причем с весьма любопытными документами. А вот запечатан он был печатью, на которой был изображен точно такой же рисунок, как на медальоне утопленника, — шестиконечная звезда с глазом внутри.

— Да ты что? — Трубецкой поставил бокал с коньяком на столик. — Ты хочешь сказать, что под алтарем бывшей церкви вам удалось найти тайник с документами масонов? Но ведь масонские ложи, как правило, не ведут архивов — это же общеизвестно, а если и ведут, то хранят уж точно не в церквях... Кстати, а ты откуда в таких подробностях знаешь о встрече в городском морге ночью 1796 года?

— А мы в архивах Тайной экспедиции Ее Императорского Величества порылись. Да-да, не удивляйся. Слава богу, что хоть у императоров с архивами все было в порядке. Видишь

ли, как презабавно все вышло: когда в 90-х годах прошлого века в России было модно громить тайные службы политического сыска, множество архивных материалов, которые веками хранились в подвалах госбезопасности, было рассекречено и передано в научно-исследовательские институты. Вот и нам среди многих прочих бумаг достались материалы по делу утопленника Дубянского. Удивительно, конечно, как это все сохранилось за столько лет, но факт есть факт... В коробке с документами был тот самый медальон, а также сухая запись, нечто вроде отчета о встрече с Безуховым, Трахтенбергом и Рябининым, сделанная анонимом, которого я назвал «человеком в сером сюртуке». Я тебе это все так художественно рассказал просто для того, чтобы немного развлечь. А как сложилась дальнейшая судьба господ, которые участвовали в ночной встрече, мы уже потом установили, по сохранившимся гражданским архивам.

— Понятно... — кивнул Трубецкой. — Ладно, не томи, что же было в этом сундуке?

— Там находилось — и я ничуть не преувеличиваю — несколько просто сенсационных документов, о которых мы пока еще даже не сообщали в научной прессе, — изучаем. Однако, на первый взгляд, ничего, напрямую связанного с масонами. К примеру, среди прочего мы обнаружили свидетельство о тайном морганатическом браке императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. Об этом браке говорили тогда все, а в исторической литературе и поныне ведутся ожесточенные споры на эту тему, имеется множество публикаций, различных версий, спекуляций и все такое. Но сейчас мы впервые получили письменное подтверждение, что брак этот все-таки имел место! Ты, наверное, знаешь, что малороссийский казак Алекса Розум был любимцем и фаворитом императрицы. Он помог ей взойти на трон в результате переворота 1741 года и, как теперь выяснилось, стал ее мужем в 1742 году. Дубянский, дед утопленника, сам венчал их тайно где-то под Москвой. Он даже, как следует из записей найденного дневника, который мы пока только бегло просмотрели, был инициатором их союза! Конечно же, брак этот не мог быть признан официально ни в России, ни в Европе, и даже сам факт этого брака долгое время оспаривался. Однако теперь, кажется, получено документальное подтверждение из первых, так сказать, рук.

Не меньший интерес для нас представляют и отрывки из дневника протоиерея Дубянского. В дневнике содержится множество свидетельств о событиях, происшедших при дворе императрицы Елизаветы Петровны на протяжении 1742—1745 годов, которые в значительной степени предопределили дальнейший ход российской истории. Среди них, например, подробности козней, которые строил при русском дворе французский посол Шетарди, и тому подобное. Но вот один из материалов напрямую касается Киева: в нем говорится о поездке императрицы на Украину — на языке того времени, в Малороссию — в 1744 году и о посещении ею Китаевской пустыни, монастыря в пригороде Киева. Я думаю, тебе стоит самому ознакомиться с этими записями: они содержат чрезвычайно любопытную информацию и, с моей точки зрения, представляют огромный интерес как сами по себе, так и в контексте расследования гибели внука Дубянского. Интуиция мне подсказывает, что дело это не совсем простое и им стоит заняться. Для этого я тебя и пригласил.

Глава 2

«Возлюби меня, Боже, в Царствии Твоем Небесном...»

Несколько последующих дней Сергей Михайлович провел в отделе редких рукописей библиотеки Санкт-Петербургского университета. Для начала, как и просил Бестужев, он занялся разбором записей из дневника духовника императрицы Елизаветы Петровны в той их части, которая касалась ее поездки в Киев. В большинстве своем записи в дневнике были весьма неразборчивы, чернила выцвели, текст пестрел росчерками и завитушками, а также характерными для времен Елизаветы «ятями» и витиеватыми оборотами речи. Все это, конечно, затрудняло анализ рукописного материала, который фактически следовало не просто разобрать, но и переложить на современный русский язык. Кроме того, в тексте имелись значительно более поздние вставки и исправления, выполненные местами другой рукой, как если бы автор или кто-то иной, получивший доступ к дневнику, перечитывал написанное годы спустя и дополнял текст своими комментариями, что требовало особого внимания к некоторым отрывкам.

Надо сказать, что Трубецкого рассказ Бестужева заинтриговал и поэтому работа над архивом Дубянского стала не просто техническим проектом. Подсознательно Сергей Михайлович искал среди рукописных завитушек ответ на вопрос: как и почему эти документы оказались спрятанными таким странным образом — под алтарным камнем в церкви? Какая связь между архивом протоиерея Дубянского и медальоном с масонской символикой? Впрочем, медальон интересовал его еще и потому, что теперь этот прелюбопытный артефакт пребывал в нежных руках Анны Николаевны Шуваловой — очаровательной молодой женщины и одновременно одного из лучших в университете специалистов по средневековой истории Европы. Она работала на кафедре Бестужева под его научным руководством, и именно ей было поручено исследование округлого предмета, найденного в потайном кармане уопленника. Сергей Михайлович, покоренный красотой и интеллектом Анны Николаевны, с согласия Бестужева вызвался ей помочь, если таковая необходимость возникнет. Себе же Артур Александрович, как и положено начальству, отвел роль координирующую и направляющую. Так началась их совместная работа над этим проектом.

Из дневника Ф. И. Дубянского:

«С Божьей помощью и милостью Всевышнего в лето 1744 года от Рождества Христова императрица Елизавета Петровна посетила славный и милый ее сердцу Киев. Приготовления к этому путешествию заняли целый год, и было оно многочудным и достойным, чтобы о нем знали потомки.

Первый поезд из двух дюжин карет отбыл из Петербурга в Киев 26 июля. В каретах того поезда находились наследник престола великий князь Петр Федорович с обрученной невестой своей — великой княгиней Екатериной Алексеевной и ее матерью, принцессой Елизаветой Ангальт-Цербстской. Сама императрица отправилась в Малороссию на следующий день. В ее свите, состоявшей из 230 человек, были граф Михаил Воронцов, только что назначенный вице-канцлером, а также епископы Платон Малиновский и Арсений Могилянский (комментарий на полях гласил: «Позднее епископ Арсений стал митрополитом Киевским»). Тешился и я оказии вновь посетить чудный град Киев и Могилянскую академию, где сам учился и умом прозрел.

Упомянем особо, что в путешествии государыню нашу неотступно сопровождал тайный супруг ее граф Алексей Разумовский, который родом был из Козельца, что под Киевом. Брак этот я благословил собственноручно и венчал их 24 числа ноября месяца 1742 года вдали от

светских сплетен и дворцовой суеты в церкви Воскресения села Перово, что под Москвой. И был их союз угоден Господу, ибо по воле Божьей всякому человеку свойственно, и надобно, и надлежит жить в паре и по любви, а они истинно любили друг друга.

Ибо сказал святой апостол Павел в послании к коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я подобен меди звенящей или кимвалу бряцающему; Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто; И если я раздам все, что имею, и отдам тело мое на сожжение, но любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь терпелива, любовь добра. Любовь не завидует, не творит зла, не гордится, не бесчинствует, не знает грубости и корысти, не спешит гневаться, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Любовь все покрывает, всему верит, всегда надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» Для царственных же особ соединение по любви есть редкость и роскошь чрезвычайная, о которой они часто и не помышляют. А ведь то, что Господом предопределено в судьбе человеческой, свершиться может лишь по взаимному согласию двоих и через их душевное притяжение. Ведь спросили же Иисуса: «Когда придет Царствие Божие?» И ответил Спаситель: «Царствие Божие уже пришло тогда, когда двое перестали быть двумя и стали едины...» Потому и совершил я это богоугодное дело по своему разумению, во имя Господа нашего Иисуса Христа и на благо России...

Итак, случилось это путешествие в 1744 году. Однако приготовления к венценосному визиту начались годом ранее. Сразу по уведомлении о планах императрицы тогдашний киевский генерал-губернатор генерал-аншеф Михаил Леонтьев, который в свое время побывал президентом Малороссийского правления и в том качестве снискал себе особое покровительство императрицы, строго предписал чиновникам на местах привести в порядок дороги и мосты, находящиеся на пути следования императрицы по большому тракту Санкт-Петербург—Киев. Назначенные им офицеры для особых поручений согнали на эти работы огромное количество крепостных людей. Одна только Киево-Печерская лавра, имевшая обширные заселенные земли за Днепром, в течение нескольких месяцев ежедневно высылала на работы более тысячи принадлежавших ей крестьян.

Тем временем Михаил Леонтьев самолично подыскивал апартаменты для размещения высокой гостыи. Поначалу он намеревался предоставить в распоряжение императрицы губернаторский дом. Кроме того, в 1744 году планировалось окончание возведения на средства лавры части Кловского дворца, где можно было бы поместить императрицу и челядь. Однако в апреле 1743 года архимандрит Киево-Печерской лавры Тимофей Щербацкий написал в Петербург графу Алексею Разумовскому письмо. В оном он сетовал на то, что «для пребывания императрицы местное начальство хоть и назначило дом, в котором прежде жили губернаторы, но поелику он стоит на скудном месте и даже не имеет при себе сада, то не благоугодно ли будет Ее Величеству остановиться в лавре, в архимандритских кельях, имеющих для себя различные удобства, с садом, виноградником для прогулок и прекрасным видом на Днепр и Заднепровье. Притом для государыни будет приятнее это помещение и потому еще, что родитель ея, император Петр I, во время посещения Киева всегда жил в сих кельях».

Предложение архимандрита было благосклонно принято в столице, и в июне архимандрит Тимофей получил от графа Разумовского ответное послание с уведомлением, что государыня изволила назначить свое пребывание в лаврских архимандритских покоях и

что для обустройства оных назначен особый офицер. Тогда же указом сената и по требованию генерал-губернатора лавре было предписано выделить лошадей, заготовить провизию и всякую потребную для проживания высокой гостии утварь.

К слову сказать, царица опасалась заразиться в Киеве оспой, резонно заметив как-то, что в Киев на богомолье стекаются тысячи недужных простолюдинов, в том числе и из губерний, где в тот год свирепствовала прилипчивая болезнь. Посему из столицы пришло повеление предпринять самые суровые меры предосторожности, дабы избавить венценосную путешественницу от опасного заражения.

Поезд наш двигался через Глухов на Киев. Во время путешествия императрица часто выходила из экипажа и по несколько часов кряду шла пешком. К тому же в те дни императрица все еще была расстроена историей с высылкой из Петербурга французского посла Шетарди, однако вскоре настроение Ее Императорского Величества улучшилось. (В этом месте рукописи была сделана, очевидно, более поздняя вставка, написанная явно другой рукой: «Высылкой Шетарди закончились его интриги против сенатора и вице-канцлера Бестужева-Рюмина. Как и большинство деятелей при дворе, тот весьма охотно брал взятки; тем не менее ни французской, ни прусской дипломатии не удалось его подкупить. Назло всем врагам и друзьям он вел ту политику, какую считал нужной. Именно по указанию вице-канцлера была перехвачена, дешифрована и представлена Елизавете переписка Шетарди с версальским двором. Императрица нашла в письмах нелестные отзывы и комментарии о придворных нравах и быте Петербурга, а главное — о себе самой. В июне 1744 года с громким скандалом Шетарди был выслан из России. Разоблачение Шетарди укрепило положение графа Бестужева-Рюмина, который в июле 1744 года был назначен великим канцлером. Хитер был граф, мстителен, неблагодарен и жизни невоздержной, но трудолюбив и умом разборчив».)

В селе Толстодубово, что на Глуховском тракте, была приготовлена особо торжественная встреча государыни, которая и удивила, и позабавила Ее Величество. Десять реестровых полков, два компанейских и несколько команд надворной гетманской хоругви под начальством генерального обозного Якова Лизогуба расположились у Глухова в одну линию, в две шеренги. Первый полк, отсалютовавши государыне знаменами и саблями, пропустив ее экипаж вперед, поворачивался рядами с правого фланга и проходил позади прочих полков в конец линии, где опять становился во фронт. То же делал второй полк и прочие. Таким образом, получилась непрерывная линия войск от Глухова до самого места ночлега императрицы.

За шесть десятков верст до Киева императрицу встретили несколько достойных представителей киевского духовенства и граждан. Студентами Киевской духовной академии деланы были к ее удовольствию разные явления. Так, выезжал за город и за Днепр важный старик самого древнего виду, великолепно прибранный и украшенный короною и жезлом, но сделанный с молодого студента. Колесница у него была — божеский фэтон, а в него впряжены два пиитических крылатых коня, называемые пегасы, прибранные из крепких студентов. Старик сей значил древнего основателя и князя киевского Кия. Он встретил государыню на берегу Днепра, у конца моста, приветствовал ее важною речью и, называя ее своей наследницей, просил в город, яко в свою вотчину, и поручал его и весь народ русский в милостивое ее покровительство.

Императрица вступила в пределы Малороссии в середине августа, а 25 августа Елизавета Петровна торжественно въехала в Киев через специально построенные на

площади, что между крепостным укреплением и городом, триумфальные ворота великолепной и отменной работы. Ворота те были расписаны мастерами лаврской живописной школы и украшены портретами высочайших гостей, витиеватыми орнаментами... Население города усыпало Киевские горы, заполонило улицы. Два митрополита — киевский, Рафаил Заборовский, и белгородский, Антоний, — в окружении духовенства округа приветствовали венценосную путешественницу с благополучным окончанием дальнего пути и прибытием к цели путешествия. Народ ликовал, звон колоколов великолепных киевских храмов сливался с радостными возгласами горожан.

Царица была от души тронута такой радостной и восторженной встречей. Она вышла из кареты и, прослезившись, произнесла:

— Возлюби меня, Боже, в Царствии Твоем Небесном так, как я люблю народ сей, благодарный и незлобивый...

Ступив через Святые врата на территорию лаврской обители, императрица сразу же направилась в Великую Успенскую церковь и после краткой литургии проследовала наконец в архимандритские покои.

Пребывая в Киеве, государыня многократно посещала Ближние и Дальние пещеры лаврские, бывала в Софийском соборе, Михайловском и Флоровском монастырях, в других киевских храмах, скитах, святых урочищах. 5 сентября, в день тезоименитства Елизаветы, в лавре отслужили торжественную литургию, после которой был совершен молебен о здравии государыни с коленопреклонением, колокольным звоном и пушечными выстрелами с крепостных бастионов. Елизавета Петровна лично присутствовала при закладке церкви Святого Андрея Первозванного на том самом месте, где, по преданию, Святой Апостол благословил Киев. Позже она пожаловала на возведение церкви 20 тысяч рублей, выделив сразу же одну тысячу серебром. Лавре государыня пожаловала ризы богатые сребренной на белой земле парчи с золотыми на ней травами и разными шелковыми букетами расшитыми и роскошную серебряную панагию с распятием на финифти, богатыми алмазами и бриллиантами украшенную.

Довольно долгое время Елизавета Петровна прожила в доме Разумовских в городе Козельце. Тогда же казаки подали через Разумовского прошение о восстановлении гетманства, и оно было милостиво принято государыней. Гетманом же стал брат Разумовского Кирилл.

Но особо знаменательным для императрицы в сем путешествии стало посещение Китаевской пустыни и встреча с великим провидцем земли русской старцем и отшельником Досифеем...»

Глава 3

Аббат Безю

Начало осени 1117 года в небольшом, приютившемся у подножия гор французском городке Сито ознаменовалось целой чередой странных событий. Сначала бесследно исчез равнин местной синагоги, что вызвало волнения и тревогу в иудейской общине городка. Потом пропали два его помощника, а через некоторое время обезображенное тело одного из них со следами жестоких пыток было выловлено в местной речушке. А когда одним пасмурным утром, лишь только развеялся туман с гор, в город вступил отряд рыцарей-крестоносцев под

предводительством знатного рыцаря Гуго де Пейна, перепуганные местные жители иудейского вероисповедания просто попрятались по домам. Однако крестоносцы в городе не остановились, а сразу же проследовали в расположенный неподалеку цистерцианский монастырь, настоятель которого, аббат Безю, ожидал их с великим нетерпением. Более того, он сам пригласил известного своей храбростью рыцаря в монастырь по делу чрезвычайной важности.

Лишь только рыцари спешили в монастырском дворе, аббат поторопился выйти, чтобы поприветствовать их лично.

— Прошу вас, благородный Гуго де Пейн, к огню, отведайте нашего монастырского вина, в этом году урожай винограда был просто отменный. — Аббат был необыкновенно приветлив с гостем и немедленно пригласил его в свои покои. Он налил большую чашу вина и подал ее Гуго. Рыцарь принял чашу, уселся в обитое грубо выделанной кожей деревянное кресло и с удовольствием вытянул ноги. Рослый, крепкого сложения, черноволосый, с манерой пристально смотреть на собеседника не мигая, он даже внешне вызывал у друзей уважение, а у врагов — трепет.

— Мы провели в дороге весь день и всю ночь. Преподобный Бернар из Клерво, которому я верю как самому себе и к которому благоволит сам Папа, передал мне твое письмо. Его гонец также сказал, что ты просишь прибыть без промедления, но не сказал, в чем же заключается дело. Надеюсь, ты не разочаруешь меня, в противном случае — берегись, ибо мне трудно будет объяснить своим людям, по какой причине мы так мчались, что едва не загнали лошадей. — Гуго де Пейн говорил медленно и с достоинством. Он, несомненно, знал себе цену.

Суетливый аббат, у которого на бритой макушке заблестели капельки выступившего от волнения пота, поспешил успокоить гостя:

— Уверяю, что дело, по которому я позвал вас, благородный рыцарь, необыкновенной важности. Речь идет о тайне, раскрытие которой может стоить всем нам головы, а может — возвысить, дать власть и богатство.

Он присел на кресло напротив Гуго и осторожно продолжил:

— Но прошу вас: то, что я скажу, должно оставаться между нами до выяснения всех обстоятельств, ибо они весьма и весьма необычайны... — После короткой паузы аббат заговорил вновь: — Дело же заключается вот в чем. Около двадцати лет назад в наш город прибыло на поселение несколько семей иудеев, бежавших из Святой земли после освобождения Иерусалима славным воинством Иисуса Христа. Они стали частью местной иудейской общины, которая у нас числом хоть и невелика, но все же заметна. И вот только недавно я случайно узнал от одного из прихожан, а он услышал от помощника местного раввина, который проболтался в трактире, что беженцы эти привезли с собой из Иерусалима какие-то древние рукописи, содержащие некие тайные сведения, связанные с Господом нашим Иисусом Христом. Не мешкая, мы попросили раввина показать нам эти рукописи и перевести их с древнееврейского языка на латынь. Однако он отказался. Мы привезли его в монастырь и применили доступные нам по воле Всевышнего, — при этих словах аббат поднял глаза к висящему на стене распятию и перекрестился, — средства убеждения, но раввин упорствовал, и в конце концов Господь прибрал его к себе... Тогда мы тайно схватили двух его помощников. Один из них тоже не выдержал допросов, а вот второй оказался сговорчивее, и мы получили перевод. Вот он. — Аббат протянул рыцарю испещренный письменами свиток.

— Я не умею читать, — раздраженно произнес тот, — это твое ремесло.

— Да-да, конечно, — настоятель был подчеркнуто учтив с гостем, — прошу прощения...

Я прочитаю его вам, но тогда уж не откажите в любезности поверить мне на слово, ибо написанное там весьма и весьма необычно. — Он несколько замешкался, как будто не решаясь продолжить. — В этих рукописях утверждается, что якобы Господь наш Иисус Христос — Сын Божий и Спаситель — приходил в Иерусалим не один, но со своею Божественною спутницею и супругою, — выдохнул он.

Воцарилась тишина. Казалось, что произнесенная аббатом кощунственная фраза повисла в воздухе, заполняя собой все пространство кельи. Вдруг стало душно. Рыцарь медленно допил вино, поставил пустую чашу на стол, затем склонил голову набок и внимательно посмотрел на священника.

— Что я слышу? Правильно ли я тебя понял? — спросил он охрипшим голосом, в котором чувствовалась угроза. — Иисус Христос приходил не один, а с женой? И кто же она? Ты понимаешь, что говоришь?

— Там написано, — аббат ткнул пальцем в пергамент, — что Божественной спутницей Иисуса была Мария, Мария Магдалина.

— Блудница и грешница — супруга Господа и Спасителя нашего?! — вскричал рыцарь и в гневе вскочил с кресла. Его голос яростно гремел под сводами каменного зала. — Как такое может быть? Что за ересь ты проповедуешь? Ты в своем уме? Это христианский монастырь или прибежище клеветников на святую веру?

Он уже доставал из ножен меч.

— Сначала выслушайте меня, умоляю вас! — попытался остановить его аббат. Он сложил руки в молитвенном жесте и торопливо заговорил: — Как выяснилось, среди приблудившихся к нам иудейских семей есть в двадцатом колене потомки коэнов — служителей Иерусалимского Храма. Их первосвященник был единственным, кто имел доступ в Святая Святыя Храма — место, где хранились самые главные сокровища иудеев. И что это были за сокровища! — Аббат то ли восхищаясь, то ли сокрушаясь о чем-то, покачал головой. — В Первом Храме — Храме Соломона — находился Ковчег Завета, который был утерян незадолго до разрушения Храма вавилонским царем Навуходоносором почти за шесть веков до Рождества Христова. Во Втором Храме главной реликвией была Золотая Минора, которая тоже бесследно исчезла, на сей раз после разграбления Иерусалима римской армией Тита в семидесятом году. Однако, как оказалось, кроме этих сокровищ, а также большого числа золота и серебра, в Храме хранились и древние рукописи — иудейские, египетские, греческие, арамейские... Там же находились списки, в которых иудейские священники собирали свидетельства обо всех важных событиях в жизни народа Израиля. Среди прочих записей в них имелись и довольно подробные свидетельства о пророчествах некоего Иешуа из Назарета, сыне плотника Иосифа и Мириам... Как мы теперь знаем, иудеи не признали его тем Мессией, сыном Давидовым, приход которого был предсказан пророками Израиля, однако жизнь и служение Спасителя не могли остаться незамеченными. Так вот, выяснилось, что незадолго до того, как римляне разрушили и сожгли Второй Храм, коэны по приказу первосвященника разделили между собой те священные свитки, чтобы сберечь их от уничтожения. Они поклялись вновь собрать документы воедино, когда Храм будет восстановлен в точном соответствии с указаниями их святых книг. И вот уже десять веков эти рукописи переходят из поколения в поколение. Если пергамент начинает гнить или порча какая на него нападает, они, чтобы сберечь записи, его

переписывают — буква в букву. Так, во всяком случае, утверждает помощник раввина... и именно так эти свитки попали к нам. То, что я сказал вам о Спасителе и о Марии Магдалине, в них и написано.

Однако это еще не все. В том переводе иудейских рукописей, который сделал помощник раввина, говорится, что на самом деле Дух Святой являет собой не что иное, как некое женское начало самого Всевышнего Творца, и что жизнь вечная обретается не только через спасение и искупление грехов, но и через воссоединение разделенного мужского и женского в Боге и в человеке. Вот, слушайте. — Аббат развернул свиток и стал читать, сбиваясь и краснея от волнения: — «...когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их... И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь...» И еще: «Бог создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего». А также: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того как она отделилась от него, появилась смерть. Если она снова войдет в него и он ее примет, смерти больше не будет, поскольку как дух без тела, так и тело без духа есть легкая добыча для сатаны». — Аббат положил свиток на стол и продолжал торопливо говорить: — Но вот что самое важное: по словам этого иудея, которые мы выпытали у него на допросах, в Иерусалимском Храме, где теперь, как вы знаете, высится Храмовая гора, хранились предметные доказательства, некие вещественные свидетельства двуединой сущности Всевышнего. И коэны утверждают, что эти сокровища все еще могут быть там, ибо спрятаны они были в особой потайной комнате рядом с Святой Святых, куда римляне не добрались!

Если допустить, хотя бы только на мгновение, что они говорят правду и упомянутые сокровища можно найти, это будет означать, что иудейские рукописи истинно повествуют о Его Божественном замысле даровать нам спасение уже в земной жизни через воссоединение двух начал... И именно таким образом сделать это, чтобы видимые образы мужского и женского в Творце — Иисус и Мария — вместе принесли благую весть ради спасения мира... И что именно так следует понимать тайный смысл заповеди Господа нашего Иисуса Христа «Да любите друг друга», вложенной в Его уста самим Всевышним.

Аббат сделал еще один глоток вина, чтобы смочить горло, и заговорил снова, на этот раз очень медленно. Гуго его больше не перебивал, лишь внимательно слушал.

— Мне страшно даже подумать о том, какой ересью являются все эти так называемые свидетельства о союзе Господа нашего Иисуса Христа и Марии, и чем грозит распространение такой ереси, — произнес Безю. — Сейчас невозможно ни проверить, ни опровергнуть слова этого иудея, поскольку никто в городе больше не знает древнееврейского языка, а ведь все это может быть просто его злобной выдумкой, грубой ложью, призванной опорочить светлый лик Спасителя. — При упоминании о Господе аббат перекрестился. — Впрочем, я теперь опасаясь показывать эти рукописи кому-то еще. Возможно, помощник раввина сказал нам неправду, но возможно и обратное... Однако... — Аббат перешел на шепот и, пристально глядя в глаза сидящего напротив рыцаря, продолжил: — Только представьте себе, какую власть сможет получить тот, кто найдет сокровища Иерусалимского Храма... Я хочу предложить вам снова отправиться в Святую землю, в Иерусалим. Только там, в недрах горы Мориа, можно найти подтверждение тому, что написано в иудейских рукописях. Ваша знаменитая вера, отвага и честность рыцаря Иисуса Христа станут залогом успеха, я уверен в этом. — «А еще, — подумал аббат, — хорошо то, что вы не умеете ни читать, ни писать...»

— Что тебе с этого, аббат? — уже ровным голосом спросил Гуго де Пейн. Он хорошо понял смысл предложения, и оно его заинтересовало: он был совсем не против снова отправиться в Святую землю, но на этот раз не в составе армии крестоносцев, а за сокровищами иудеев. Гуго де Пейн был знатен, однако беден, ибо крестовый поход принес ему славу, но не богатство, и такое состояние дел начинало его тяготить.

— Я не хочу всю жизнь прожить в этом забытом Богом городке, — ответил аббат. — Предлагаю заключить союз: в случае, если подтвердится то, о чем говорил помощник раввина, и вам удастся найти сокровища Храма, вы поможете мне перебраться в Рим и получить выгодный приход, а там — кто знает! — может, и сам римский престол. В благодарность я сделаю вас самым богатым и влиятельным рыцарем, который когда-либо брал в руки меч и давал клятву верности Иисусу Христу. Езжайте в Святую землю. Возьмите с собой только нескольких людей, самых смелых, надежных и проверенных, свяжите их страшной клятвой, чтобы исключить даже малейшую возможность измены. Вот вам деньги на путешествие.

Аббат встал, подошел к стоявшей на столике в углу комнаты деревянной шкатулке, достал оттуда кожаный кошелек, в котором звенели монеты, и передал его Гуго де Пейну.

— Здесь хватит на отряд в десять человек, — сказал аббат и благословил рыцаря крестным знаменем: — Да хранит вас Всемогущий Бог. Сейчас вас проводят в ваши покои, а утром — в путь!

Утром следующего дня благородный рыцарь Гуго де Пейн сообщил аббату, что он принимает условия предложенного союза и немедленно отправляется в Иерусалим. Он отобрал девять самых надежных, закаленных в боях и лишениях рыцарей — крестоносцев из своего отряда, а остальным приказал оставаться в монастыре и ждать дальнейших распоряжений. Тогда еще никто не знал, что оставшиеся в аббатстве рыцари будут дожидаться новых распоряжений от своего патрона ни много ни мало, а целых девять лет и что еще задолго до этого срока одним пасмурным утром аббат Безю скоропостижно скончается в своей келье от неизвестной болезни так и не дождавшись добрых вестей из Иерусалима...

Глава 4

Досифей

Работа над обнаруженными в тайнике дневниками продвигалась весьма успешно, хотя, откровенно говоря, содержание записей не представляло для Трубецкого особенного интереса. Одно дело — изучение древних уникальных рукописей, расшифровка которых дает шанс на открытие, другое, как в данном случае, — анализ плохо сохранившегося, но относительно молодого — по историческим меркам — материала, в котором речь шла о множестве подробностей из жизни двора Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны. Для Сергея Михайловича все эти интриги и дворцовые сплетни были лишь чем-то вроде театральных декораций для спектакля о запутанной российской истории XVIII века. Впрочем, один из описанных Дубянским эпизодов, случившихся во время киевского вояжа государыни-императрицы, по-настоящему привлек его внимание. Два дня Трубецкой потратил на то, чтобы разобрать и изложить современным языком записи духовника императрицы. И вот что у него получилось.

Из дневника Ф. И. Дубянского:

«Плененная чудным местоположением лавры, государыня путешествовала также и по окрестностям ни с чем не сравнимого в сем отношении Киева. Наслышавшись из рассказов окружавших ее лиц о живописной местности Китаево и о славной истории Свято-Троицкого монастыря в Киево-Китаевской пустыни, она до крайности заинтересовалась ею и пожелала немедленно посетить его. Никак не могла императрица минутъ сей древний монастырь, ставший чудесным образчиком крепости веры и служения Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу.

Прибыв туда со многими духовными и светскими чиновными особами и поклонившись тому месту, где жил некогда предок ее, великий князь Андрей Боголюбский, государыня услышала о богоугодно жившем близ монастыря пещернике и провидце старце Досифее и пожелала видеть его.

Пещера же Досифеева была устроена высоко на крутой, заросшей густым лесом горе Китаевской, но императрица лично возжелала взойти к ней. Для сей цели наскоро были сделаны деревянные колышки, которые прибиты были затем по всему подъему горы к земле и изобразили, таким образом, подобие ступенек. По ним-то государыня Елизавета Петровна со свитой и поднялась пешком на гору Китай, где в рукотворной пещере в строгом отшельничестве обитал старец Досифей, славившийся по всей Руси своей мудростью. Говаривали, что ни к кому и никогда не выходил сей затворник из своей пещеры, но принимал страждущих и наставлял их на путь истинный через маленькое окошечко. И еще слух шел о нем как о просветленном провидце, которого за служение и чистую веру Господь наградил даром предвидения, высокой святостью и необыкновенной крепостью духа.

Подошедши к пещере Досифеевой, государыня повелела вызвать обитавшего там отшельника. С нескрываемым изумлением отворил Досифей отверстие своего пещерного жилища и узрел пред собою державную посетительницу. Кто-то из свиты громко объявил присутствие императрицы. И тогда отворилась дверца пещеры, и вышел старец на свет Божий. Он был невелик, даже весьма мал ростом, и одет в черную монашескую рясу. Досифей поклонился государыне в пояс, да так и замер. Его низко склоненная голова была покрыта монашеским убором, и лица его нам было вовсе не разглядеть.

— Мир тебе, Досифей! Давно ли спасаться стал, раб Божий? Отчего же ты избрал для себя такую суровую жизнь? — ласково спросила его Елизавета Петровна.

— Да хранит тебя Господь, матушка-императрица, — смиренно ответил старец тихим голосом, не показывая лица. — С тех пор спасаюсь, как душа моя иной жизни не приемлет. Какая печаль привела тебя ко мне?

— Наслышана я про подвиги духа твоего, а говорить с тобою хочу о судьбах России! — сказала государыня.

— Тогда прошу, матушка, удалить пришедших с тобою людей, ибо то, что я скажу тебе, только тебе знать и надобно, — негромко, но с твердостью в голосе рек Досифей.

Дивилась императрица сим словам, однако затем взмахом руки удалила всех с горы Китаевской и осталась одна со старцем. Далее пишу со слов государыни, сказанных мне одному тем же вечером.

— Кто ты? — спросила государыня старца. — Откройся мне!

Вместо ответа Досифей выпрямился, скинул покрывающую голову накидку и взглянул на императрицу. Вдруг перед Елизаветой оказался вовсе не старец, но — можно ли в это

поверить?! — молодая женщина, лишь с коротко обрезанными волосами. Чуть обострившиеся черты ее исхудавшего лица свидетельствовали о строгом посте, а чрезвычайная бледность — о затворнической жизни. Тонкая белесая кожа, через которую просвечивали синие жилки, плотно обтягивала скулы, крупный подбородок, прямой нос и широкий, без морщин лоб. Взор притягивали огромные серые глаза, какие императрица видела еще только разве на святых иконах... Досифея была не то чтобы красива, но будто вся светилась изнутри каким-то особенным, неземным светом.

— Ты — женщина? — воскликнула удивленная без меры Елизавета.

— Что есть женщина и что есть мужчина для слуг Божьих? — смиренно потупив глаза, отвечала Досифея. — В чем разница? По телесным ли формам судить нужно или по силе духа? Иные быка могут руками задушить, но не знают, что за чудо есть солнечный луч в капле росы... Ведь как Симон Петр сказал апостолам в Евангелии от Фомы? «Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни». Иисус же сказал: «Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие Небесное...»

— Чудно говоришь ты, — сказала на то Елизавета. — Разве только став мужчиной, женщина войдет в Царствие Небесное? Как возможно сие?

— Но ведь и мужчина не приблизится к воротам рая без женщины, — ответствовала Досифея. — Ибо сказал также Иисус: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной... тогда вы войдете в Царствие».

— Знаменита ты силой духа своего, и в словах твоих чую эту силу... — начала было говорить Елизавета.

— Я и послана Силою, — вдруг произнесла Досифея.

— Как-как? Послана Силою? О чем это ты?

— О Вере, — ответствовала Досифея, — и о Любви, ибо нет большей Силы под Небесами... Так в «Деяниях апостолов» устами святого Петра говорится, что Бог помазал Иисуса Христа «Духом Святым и Силою». Это та самая Сила, которая по воле Всевышнего входит однажды в человека и остается с ним до скончания дней его. И множится эта Сила с деяниями праведными, но покидает грешников, какие преступили Закон Божий... Ибо нет в этом мире страшнее наказания, чем лишить живую душу Божьей Любви и Веры.

— Но что значит эта Сила? Можешь ли ты видеть далее дня завтрашнего, как о том говорят люди? — вопрошала государыня. — Что знаешь ты о грядущей судьбе России? Скажи, открой ее мне!

— Я — только слуга Господня... Спаситель же сказал: «Тот, кто напился из моих уст, станет как я, и я также стану им, и тайное откроется ему...» — смиренно отвечала Досифея. И вдруг спросила, пристально глядя императрице прямо в глаза: — Узнаешь ли во мне будущее дочери своей?

— Что говоришь такое? Ведь нет у меня детей, как же можешь вопрошать о дочери моей? — вскричала пораженная государыня.

— Вот что скажу, чего ты и сама не ведаешь... Не пройдет и года, как родишь ты дочь от мужа твоего. И будешь беречь ее сорок лет, прятать в землях дальних, чужих, ибо не признают ее в законные наследники трона. Но сохранишь свое дитя лишь для Господа...

Против воли своей пострижена будет она в монахини и наречена Досифеей. И еще скажу. Царствие твое будет отмечено делами славными, для народа и Отечества благими. Но вот наследник твой, Петр Федорович, недолго править будет, а хоронить его будут дважды и коронуют только после смерти. Ибо грех на тебе, государыня, пусть и невольный... И грех этот имя имеет, и я скажу его тебе. Звать его — Алексей Шубин. На страшную долю обрекла сего мужа любовь к тебе. Любовь, которую ты сначала приняла, а затем и позабыла... Он же за нее нелюдские муки претерпел, лишен ныне всего, даже своего имени. Но он жив, ибо крепок верою, и заслужил прощение! В твоей власти спасти его...

Досифея вдруг замолкла, будто собираясь с думами. Но потом просто сказала, как выдохнула:

— Ступай теперь с миром, государыня, все в руках Божьих...

Императрица, пораженная сим пророчеством, была не в силах вымолвить и слова. Провидица же накинула монашеский убор, прямо на глазах сгорбилась и вновь обратилась в старца-отшельника. Уже было удалилась она в свою пещеру, как вдруг перед самым порогом остановилась, снова повернулась к императрице и произнесла:

— Помни, государыня, всякий час помни, что Бог всемогущ и милостив. Он с нами во все дни, здесь и сейчас, и, ежели Он чего захочет, Он просто говорит этому: «Будь!» — и оно становится. И наделить Силой и отнять ее — все в Его благой воле... А любовь Его, дарованная нам, не имеет ни границ, ни преград, и все злато мира, и всякая власть земная — ничто перед ней. Помни об этом и молись, чтобы не обошла тебя и Россию Его Сила и Его Милость!

С этими словами дверь в пещеру затворилась.

Задумчива стала царица наша Елизавета после той встречи. Многих затем расспрашивала она об отшельнике и после долгих разговоров узнала, что все почитают его как мудрого старца, на которого снизошла благодать Господня. И тогда, чтобы умилостивить Всевышнего, повелела государыня выстроить в селении Пирогово близ Китаевской пустыни большую деревянную церковь. (В этом месте пометка на полях гласила: «Церковь-то эта вскоре, увы, сгорела. Впрочем, на ее месте тотчас выстроили новый каменный храм».)

12 сентября государыня-императрица, напутствуемая благословениями духовенства, отбыла из Киева, оставив в городе добрую память о себе. А в году 1745, как и было предсказано Досифеей, родила она дочь от мужа своего Алексея, которую нарекла Августой — в память о дне 24 ноября 1742 года, когда обвенчались они с Разумовским, а в день этот поминают также мученицу Августу...»

Более в записях Дубянского ни о пребывании Елизаветы в Киеве, ни о встрече с Досифеем не упоминалось, а изложенные далее в дневнике хитросплетения дворцовой политики при дворе Ее Императорского Величества Трубецкого занимали мало. Сергей Михайлович был настолько заинтригован историей о Досифее, о которой ранее ничего не слышал, что решил немедленно по возвращении в Киев посетить Китаевскую пустынь, чтобы на месте убедиться в истинности удивительного рассказа о таинственной затворнице. Однако прежде он решил выяснить, исполнилось ли хоть что-нибудь из предсказанного старцем-девицей. И Сергей Михайлович обратился за помощью к Шуваловой.

Для начала Анна Николаевна подтвердила существование в российской истории легенды о некой Августе Таракановой, которая считалась дочерью Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского, рожденной не то в 1744, не то в 1745 году. Говорят, ее фамилия происходила от родственников Разумовского Дарагановых, которым Августа была поручена

на воспитание, а затем молва в России искривила фамилию на Таракановых. Сорок лет провела Августа за границей, откуда силой по приказу Екатерины II была привезена в Россию в 1785 году и пострижена в монахини московского Ивановского монастыря под именем... Досифеи. Там в строжайшей тайне и прожила она до своей смерти в 1810 году. Даже службу для нее служили отдельно, и никто не мог видеть ее лица... Но вот в келье ее видели большой портрет Елизаветы Петровны, а на похоронах таинственной монахини, судя по архивным записям, присутствовали родственники Разумовских и вся московская знать. Была ли это в действительности дочь Елизаветы — история о том умалчивает, но поразительное сходство истории об Августе Таракановой с пророчеством старца Досифея отрицать было невозможно.

Также удивительным образом свершилось и предсказание отшельника Китаевской пустыни о короновании после смерти и повторных похоронах Петра III, которые случились осенью того самого 1796 года, когда погиб Федор Дубянский. Такое совпадение сначала выглядело не более чем случайностью, однако Анна Николаевна взяла его на заметку и со временем обнаружила-таки удивительную связь предсказания девицы-старца с тайной серебряного медальона. А вот кто такой был этот Алексей Шубин и почему именно о нем помянула Досифея в разговоре с императрицей, так и оставалось загадкой, правда, до поры до времени.

Глава 5

Тайна ордена рыцарей Храма

Отряд Гуго де Пейна прибыл в Иерусалим лишь к началу весны 1118 года. Ведь нет простой дороги в Город Мира. Будь то по суше или по морю, через Салоники или Андрианополь, — тысяча опасностей подстерегает каждого, кто решится отправиться в столь дальний путь. Короткий, как по военным меркам, переход от побережья до горы Мориа в те времена мог занять и два дня. И неважно, какой дорогой идти — с севера, от Кейсари, или с юга, от Яффо, — все равно примыкающая к морю узкая полоса песчаных дюн, которые перемежаются островками пальмовых деревьев, сменяется равниной, затем горами, густо заросшими лесом. Горы эти, в свою очередь, становятся все выше, лес уступает место кустарнику, который потом исчезает вовсе... Наконец, в крайней точке соприкосновения гор с Иудейской пустыней встает на вершине Мориа величественный, построенный царем Давидом город. Но счастье увидеть Иерусалим ожидает не каждого. Город Мира примет в свои объятия лишь тех, кому удастся избежать встречи с кочующими по Иудее воинственными арабскими отрядами или, в случае нападения, защитить свою жизнь в бою. Именно так, злой смертью от рук неверных, погиб один из храбрых рыцарей Гуго де Пейна, когда вблизи маленького города Рамлы их ночью коварно атаковали бедуины. Остальной отряд благополучно достиг стен города и предстал перед очами короля иерусалимского Балдуина I — брата прославленного герцога Готфрида Бульонского, легендарного освободителя Иерусалима.

Но еще до того, как представиться королю, Гуго де Пейн и его благородный товарищ Жоффри де Сент-Омер тайно посетили Храм Гроба Господня. Воздвигнутый по приказу царицы Елены, матери византийского императора Константина Великого, на том самом месте, где, как гласили предания, был распят, похоронен, а затем воскрес Иисус Христос,

этот Храм с IV века стал главной святыней христианства. Много раз с благоговением в сердце воины-крестоносцы преклоняли колени перед его алтарем, но в этот раз их миссия была не совсем обычной. И причиной тому стала удивительная встреча на пустынной дороге Малой Азии, которая круто изменила всю дальнейшую жизнь благородных рыцарей...

* * *

Проведя в седле весь день, ближе к вечеру, когда безжалостное солнце уже почти спряталось за неприступными скалистыми горами Анатолии, отряд остановился в ложбине на ночлег. Напоив коней, рыцари сняли седла, чтобы дать животным отдохнуть, и расположились кругом вблизи костра. От усталости даже говорить не хотелось, и вскоре после короткого ужина большинство из них уже спали глубоким сном. Гуго де Пейн и Жоффрей де Сент-Омер вполголоса обсуждали планы на следующий день и тоже готовились отойти ко сну, как вдруг прямо из непроницаемой темноты ночи перед ними возник человек, одетый в монашескую сутану с капюшоном на голове. На плече у монаха висела холщовая дорожная сумка.

— Мир вам, славные рыцари, и да сопутствует вам святой Георгий, — сказал он хрипловатым голосом. — Не позволите ли странствующему монаху провести ночь вблизи вашего костра? Ночью в пустыне одинокому путнику небезопасно.

— Сначала скажи, кто ты, откуда и куда идешь? — спросил Жоффрей.

— Я иду из Иерусалима и теперь держу путь в Эфес, а далее в Константинополь, — ответил путник.

— Обет рыцарей Иисуса Христа велит нам давать приют страждущим братьям во Христе, но мы все же хотели бы знать, что ты делаешь ночью тут, в забытых Богом пустынных горах Малой Азии, — произнес Гуго де Пейн. — Кроме того, ты не открываешь своего лица, — заметил рыцарь, — мне это не по душе.

— Прошу, позволь мне не делать этого. Страшная болезнь много лет назад изуродовала мое лицо, и с тех пор я предпочитаю, чтобы его видели только мои глаза да око Господа.

— Ладно, подсаживайся к нам и расскажи, что ты делал в Святом Городе и почему теперь тебе нужно в Эфес и в Константинополь, — смягчился Жоффрей. — Мы бедные рыцари, но закон гостеприимства блюдем.

— Да благословит вас Господь! Так сказал Иисус: «Блаженны бедные, ибо ваше есть Царствие Небесное», — смиренно заметил монах и сел к огню. — Изначально я послушник бенедиктинского монастыря, что в Везеле, это в Бургундии. В Иерусалим пришел вслед за Христовым воинством восемь лет назад, чтобы помогать больным и страждущим. Но теперь я принял новый обет взамен старого и должен его исполнить.

— Что же это за обет такой, если ради него ты оставил столь благородное и богоугодное дело? — спросил удивленный рыцарь.

— Я принял обет служения Господу нашему Иисусу Христу и его Божественной Супруге Марии Магдалине.

— Что?! — воскликнул Жоффрей, не веря своим ушам. — Что ты сказал? Как смеешь ты, богохульник!

Он вскочил, выхватил из ножен меч, одним прыжком повалил монаха на спину и занес над ним оружие. Гуго кинулся к товарищу и сжал его руку, пытаясь удержать от греха.

— Опомнись, — угрожающе прошипел Жоффрей. Он готов был немедленно растерзать кошунствующего монаха. — Что говоришь ты? Я не ослышался? О какой супруге Иисуса идет речь? В своем ли ты уме? Как Сын Божий мог быть женат?

— Подожди, Жоффрей, — произнес Гуго примирительно, продолжая удерживать занесенную над монахом руку с мечом, — дай ему сказать, убить его мы всегда успеем.

Жоффрей опустил оружие.

— Ладно, пусть будет по-твоему, но право прикончить этого богохульника я оставляю за собой.

Монах стал подниматься, и в этот момент пламя костра осветило его лицо, более не прикрытое капюшоном. Жоффрей и Гуго застыли от ужаса. Лицо монаха и правда было изуродованным, но не болезнью. Его пересекали несколько ужасных глубоких шрамов, какие оставляют на человеческом теле острый меч или нож.

Монах поспешно накинул капюшон, снова сел у костра и смиренно произнес:

— Я лишь скромный слуга моей королевы, и смерть мне не страшна, я уже смотрел ей в глаза, причем не раз, и больше не боюсь. Один мудрец как-то сказал мне: «Если хочешь жить, не бойся смерти, она чаще приходит туда, где от нее прячутся».

— Мне по душе твои слова, — к удивлению Жоффрея заявил Гуго. — Мы тебя выслушаем, но будь правдив, иначе горе тебе!

И монах поведал им удивительную историю, которая приключилась с ним за несколько лет до описываемых событий.

— На протяжении длительного времени я ухаживал за ранеными рыцарями и слабыми здоровьем паломниками в госпитале, посвященном святому Иоанну, что неподалеку от Храма Гроба Господнего. И вот однажды на порог этого госпиталя явился странный старик. Он едва смог дойти до дверей и упал, потеряв сознание, — настолько этот человек был истощен. Я подхватил его, перенес внутрь и ухаживал за ним до самого конца, пока Господь не призвал его к себе. Старик этот оказался греком, паломником из монастыря Святого Лазаря, что в Константинополе. Он много лет изучал древние книги в Египте и Сирии и нашел там множество мудрых свидетельств о Спасителе, коих не знают и поныне... И пришел он в Святую Землю не только поклониться Гробу Господнему, но решил также сам пройти весь путь служения и проповеди Иисуса Христа — в Галилее, Самарии и в Иудее. По дороге он не ленился говорить с людьми, учиться у местных раввинов и священников... Так он попал в местечко Мигдал-Эль, откуда родом была Мария Магдалина. И там узнал он, что название этого города означает не что иное, как «высокий храм Божий», и что на самом деле была Мария благородной крови...

— Но ведь Святое Писание говорит, что Мария блудницей была, из нее сам Господь семь бесов изгнал! — перебил его Жоффрей.

— Нет, неправда все это, истинно говорю я вам! Нет такого в Святом Писании! Нигде — ни в евангелиях, ни в посланиях апостолов — об этом ничего не сказано, — воскликнул монах, — я сам их все прочитал! Но слушайте дальше. Так прошел этот старик все селения вокруг Тивериадского озера, Галилею и, когда пришел час возвращаться в Иерусалим, решил удалиться, по примеру Спасителя, в пустыню Иудейскую на сорок дней, чтобы очиститься и укрепить дух свой. И на исходе последнего дня было этому старику видение: явилась ему прекрасная дева в золотом сиянии и сказала: «Земную твердь, и Небеса, и все живое и неживое в этом мире создал Творец. Но после него жизнь всему существу на земле дает женщина, и в этом она сродни Творцу... Ибо сказано: Адам произошел от двух дев: от

Святого духа и Земли девственной». И еще она сказала, что настанет золотой век для людей, и будет он отмечен пришествием Великой Матери Мира... Старик записал ее пророчество, вот оно, я помню его, слово в слово:

«В тысячелетии, следующем за этим тысячелетием, люди наконец откроют свои глаза.

Они больше не будут закрепощены в своих головах и своих городах, но будут способны видеть от одного конца Земли до другого и понимать друг друга.

Они будут знать: то, что приносит страдания одному, причиняет боль другому.

Люди образуют одно громадное существо, в котором каждый будет крошечной частицей. Все вместе они образуют сердце этого существа.

Будет общий язык, на котором будут говорить все, и так наконец возникнет славное человечество... Потому что прибудет Женщина, чтобы царствовать в высочайшей степени.

Она обусловит ход будущих событий и предпишет свою философию человеку.

Она будет матерью этого тысячелетия, следующего за нашим тысячелетием.

Она будет, после эпохи дьявола, излучать ласковую нежность матери.

Она будет, после эпохи варварства, воплощать красоту.

Тысячелетие, следующее за этим тысячелетием, превратится в эпоху озарения: люди будут любить друг друга, всем делиться, мечтать, и мечты будут осуществляться...

Так человек получит свое второе рождение.

Духовное начало будет владеть массой людей, которые будут объединены в братство.

Так будет провозглашен конец варварства.

Это будет эпоха новой силы веры.

За днями невежества в начале тысячелетия, следующего за этим тысячелетием, последуют дни ликования: человек снова найдет праведный путь человечества, а Земля снова найдет гармонию...

Будут дороги, соединяющие один конец Земли и Неба с другим.

Леса снова станут густыми, пустыня снова будет орошена, и вода снова будет чистой.

Земля будет похожа на сад.

Человек будет заботиться о каждой живой твари, и он очистит все, что загрязнил.

Он будет понимать, что вся Земля — это его дом, и он будет со здравым смыслом думать о завтрашнем дне.

Человек будет знать все на Земле и свое собственное тело. Болезни будут излечиваться до того, как они проявились, и все будут лечить себя и друг друга.

Человек поймет, что он должен помогать самому себе стоять прямо. И после дней скрытности и алчности человек откроет свое сердце и свой кошелек для бедных.

Он определит себя хранителем человеческого вида, и так, наконец, начнется новая эра.

Когда человек научится отдавать и делиться, горькие дни одиночества будут сочтены.

Он снова будет верить в духовное начало, а о варварах будет ничего неизвестно...

Но все это произойдет после войн и пожаров.

Все это возникнет из пепла сожженных вавилонских башен.

И понадобится сильная рука, чтобы наводить порядок среди хаоса и ставить человека на правильный путь.

Человек узнает, что все создания являются свет приносящими и что все создания нужно уважать.

Человек в течение всей своей жизни будет жить больше, чем одну жизнь, и узнает, что свет никогда не угаснет...»

Голос монаха звучал в тишине ночи торжественно и проникновенно. Затем он замолчал и после паузы сказал:

— Эта прекрасная дева была Мария Магдалина.

Гуго с Жоффреем переглянулись.

— И что случилось дальше с этим стариком? — спросил Гуго.

— Сил телесных ему хватило только на то, чтобы дойти до Иерусалима. Через несколько дней он умер у меня на руках. Но такая необычайная сила духа пребывала в нем до самого конца, что в тот самый момент, когда призвал его Всевышний, я принял обет и решил узнать, по чьему же замыслу Мария Магдалина, спутница и супруга Христа, блудницей объявлена и что означает ее чудесное пророчество.

Ведь древние устами самого апостола Филиппа свидетельствуют: «Трое шли с Господом все время. Мария, его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли его спутницей. Ибо Мария — это имя и его сестры, и его матери, и его спутницы... И спутница Сына — это Мария Магдалина. Господь любил Марию более всех учеников, и он часто лобзал ее уста. Остальные ученики, видя его любящим Марию, сказали ему: «Почему ты любишь ее более всех нас?» Спаситель ответил им, он сказал им: «Почему не люблю я вас, как ее?» Ответ мы находим в Евангелии от Марии, в словах Левия Матвея, обращенных к Петру: «...Но если Спаситель счел ее достойной, кто же ты, чтобы отвергнуть ее? Разумеется, Спаситель знал ее очень хорошо. Вот почему он любил ее больше нас. Лучше устыдимся! И, облекшись совершенными человеками, удалимся, как он велел, и проповедуем Евангелие, не ставя ни другого предела, ни другого закона, кроме того, что сказал Спаситель». Воистину, имеющий уши, да услышит!

И еще сказано в Евангелии от Филиппа: «Подумайте, если бы женщина не отделилась от мужчины, она бы не умерла вместе с мужчиной. Их разделение было началом смерти. Потому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло вначале, объединить обоих и тем, кто умер в разделении, дать жизнь и объединить их».

И еще сказано о Пресвятой Деве: «Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда бывало, чтобы женщина зачала от женщины? Мария — дева, которую Сила не осквернила...» И так именно потому, что женское начало отражает духовную часть бытия.

— Но ведь то, что ты говоришь, не доказывает ее Божественного происхождения, равно как и не подтверждает их союз, — сказал Гуго, — ты ведь все это сам измыслил, признайся. Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, его подвиги известны. Гроб Господень — вот он, в Иерусалиме. Там же Спаситель был распят и воскрес. А где же прошли дни Марии Магдалины и где упокоилось тело ее? Если, как говоришь ты, они равны в своей Божественной сути, то что же случилось с ней?

— Но что такое Гроб Господень? Как может быть гроб того, кто воскрес? То, что вы называете Гроб Господень, лишь камень, на котором, по преданию, лежало тело Спасителя... Однако никто не доказал, что *это* — *тот самый камень*. Сам отец истории Церкви Евсевий Кесарийский подвергал сомнению поиски гробницы Спасителя иерусалимским епископом Макарием именно в том месте, где по велению царицы Елены теперь воздвигнут Храм, что уж нам... Но о воскрешении Иисуса скажу я вам так: не зря и не по воле слепого случая Мария Магдалина первая узнала о воскресшем Спасителе. Теперь учат, что Иисус ей явился по воскрешении... но как призрак, или как дух, или как человек? Нет, я вижу: все не так было. — Монах вдруг начал говорить, как будто входя в транс: — В момент тот, когда

земное тело Иисуса, мужа ее Божественного, уже не удерживало Его душу и сила покинула Его, узнала Мария, что воскреснет Он в своих учениках. И будет воскресать вновь и вновь в каждом, кто примет Его в свое сердце. И так будет продолжаться вечно... Кто, как не жена, стояла у креста, когда Его распинали, и плакала о Нем; кто, как не жена, первой узнала о Его воскрешении, уверовала в него и весть эту остальным ученикам принесла?

Монах замолчал. Затем добавил:

— Сама же Мария Магдалина, как говорят нынешние книжники, пребывала у греков в Эфесе вместе с Иоанном Богословом и Пресвятой Девой — Матерью Божьей, там и скончалась, но прах ее затем будто бы был перенесен в Константинополь. Я хочу сам найти его, увидеть все и узнать ее судьбу.

На том монах закончил свой удивительный рассказ.

Они и не заметили, как наступил рассвет. И хотя Гуго и Жоффрей так и не сомкнули глаз, они не чувствовали усталости. С первыми лучами солнца монах встал, поблагодарил за приют и испросил разрешения отправиться дальше в путь.

— Прощай, — сказали ему пораженные услышанным рассказом рыцари, — пусть дорога твоя будет легкой.

— Прощайте и вы, да бережет вас Господь, — отвечал монах.

Затем он поклонился им и отправился восвояси. Однако, пройдя несколько шагов, вдруг остановился, обернулся и после паузы молвил, как будто бы не решаясь произнести эти слова:

— Еще скажу я вам вот что: вы найдете в Святой Земле то, что ищете, и получите то, чего жаждете, но не совладеете с тем, что откроется, и в огне сгорит все, что будет создано...

Он замолчал и повернулся, чтобы продолжить путь.

— Постой! — вдруг окликнул его Гуго. — Как звать-то тебя, монах? И что означают твои слова? Я чувствую в них угрозу.

— Братья кличут меня Иоанн, по прозвищу Иерусалимский, — ответил тот, — а слова... Что ж слова? Говорю лишь о том, что вижу и что знаю, уж не взыщите. За то и лицо мне исполосовали добрые люди...

Монах ускорил шаг и вскоре скрылся за поворотом дороги.

* * *

Надо ли говорить, что Гуго и Жоффрей ничего не сказали своим спутникам о необыкновенной ночной встрече. Но по прибытии в Иерусалим они первым делом отправились в Храм Гроба Господня. Пользуясь привилегией благородных крестоносцев, они прошли прямо в базилику, удалили клириков и остались там одни. Совершив короткую молитву, Гуго и Жоффрей взялись за края образующей крышку «гроба» каменной плиты и приподняли ее. Оказалось, что каменный саркофаг сооружен вокруг плоского выщербленного камня, в котором угадывалось ложе. Ничего более внутри саркофага не было.

Глава 6

Дача Ф. М. Дубянского

Прошла неделя, как Трубецкой обосновался в Санкт-Петербургском университете. Работалось ему в удовольствие. Он практически закончил свою часть работы над дневниками Ф. И. Дубянского, но решил не останавливаться на достигнутом. Теперь предметом его интереса стала собственно фигура личного духовника императрицы, который, по свидетельствам современников, пользовался изрядной благосклонностью Ее Величества. К примеру, дача, где отдыхала компания друзей накануне той роковой для Ф. М. Дубянского ночи, была дарована протоиерею именно Елизаветой Петровной. Сергей Михайлович обнаружил упоминание об этом факте в одной из редких книг времен Елизаветы, хранящихся в университетской библиотеке. Он все утро провел в поисках полезной для дела информации, и небезуспешно. «Было бы неплохо посетить это место», — подумал Трубецкой и с чувством выполненного долга отправился выпить кофе.

В импровизированной общественной кухне, устроенной сотрудниками исторического факультета, он столкнулся лицом к лицу с Анной Николаевной Шуваловой, которая с дымящейся чашкой свежеприготовленного напитка уже возвращалась к себе на кафедру.

— Анечка, а не выпить ли нам кофе вместе? — предложил он, внутренне радуясь удаче, ведь Анна Шувалова была не только красивой — ладно сложенной, зеленоглазой, с густой копной вьющихся каштановых волос, — но и умной женщиной, и Сергей Михайлович ценил каждую возможность общения с ней. Они уже встречались несколько раз на кафедральных семинарах у Бестужева, и Трубецкой успел убедиться в высоких профессиональных качествах Анны Николаевны.

— Конечно же, с удовольствием, — последовал ответ, и они присели за единственный в крошечной кухне столик.

Надо сказать, что с самого начала этого дела настроение у Анны Николаевны было просто замечательное. Для любого историка работа с действительно уникальным артефактом является редкой удачей, а тут — древний медальон, возраст которого, как удалось установить после проведения необходимых тестов, оказался близким к двум с половиной тысячам лет! По замыслу Бестужева ей предстояло не только ответить на вопрос, что означают отлитые на медальоне надписи и символы, но и попытаться выяснить, откуда этот медальон взялся у Дубянского.

— Как продвигается ваше исследование? — поинтересовался Сергей Михайлович. — Мне кажется, что среди всех загадок этой истории вам досталась наиболее трудная.

— Скорее, наиболее интересная, — ответила Шувалова. — Так вот, у нас есть некоторые успехи. К примеру, мне удалось разобрать надпись с обратной стороны медальона. Это — древнееврейский язык.

— Неужели? И что же там написано?

Анна Николаевна достала ручку, взяла салфетку и каллиграфическим почерком вывела: אדם קדמון.

— Это на иврите означает «Адам Кадмон».

— Адам Кадмон? Человек Первоначальный? Весьма любопытно...

— Браво, я приятно удивлена, что вы знаете это понятие. — Анна Николаевна с интересом посмотрела на Трубецкого.

— Анечка, но старинные рукописи — это моя специальность и понятие «Адам Кадмон» встречалось мне в различных источниках, причем неоднократно. Однажды я входил в группу

исследователей одного из древних текстов основной книги Каббалы «Зоар» — «Сияние» и почерпнул оттуда немало любопытного о мистических традициях иудаизма. Тогда-то я и узнал, что такое «Адам Кадмон». Сложносочиненные формулировки Каббалы нелегко воспроизвести по памяти, но я попробую... Если я не ошибаюсь, то это нечто вроде первообраза человека и всего окружающего мира, который, как говорят каббалисты, «заключает в себе все миры горние и дольные», и именно этот образ был избран Всевышним для себя самого, когда Он задумал создать человека «по своему подобию». В трактовке «Зоара» Адам Кадмон представляет собой абсолютное, духовное явление человеческой сущности до начала времен, это некий духовный первочеловек, изначальная форма человеческого существа, живущего с Богом в Эдемских садах. Кроме всего прочего, согласно каббалистической традиции, первочеловек — Адам Кадмон — имел андрогинную природу, то есть олицетворял единство мужского и женского начал и тем самым был идеалом человеческого совершенства. Вот! — Трубецкой удовлетворенно улыбнулся.

— Просто нечего сказать — исчерпывающий анализ. — Анна Николаевна улыбнулась в ответ и удивленно покачала головой. — Вижу, нам с вами нужно чаще общаться, — я и не думала, что вы специалист по книге «Зоар» и по Каббале, а эта тема меня очень интересует. Вот вы, например, знаете ли, что имя первочеловека объяснялось некоторыми каббалистами просто как сокращенное название четырех сторон света: Анатоле — восток, Дюсис — запад, Арктос — север, Месембрия — юг? А ведь в классической ветхозаветной трактовке Адам означает вовсе не романтические понятия — «глина», «земля», «почва». Впрочем, следует ожидать, что есть и другие варианты расшифровки имени первого человека, ведь почему-то его так называли? Хотя в нашем случае это особого значения не имеет. Важно то, что надпись соотносится с рисунком, поскольку шестиконечная звезда — символ взаимопроникновения «небесного» и «земного» человека, знак космического единства мужского и женского начал, огня и воды, духа и материи, Эроса и Логоса — и есть древнейший символ Адама Кадмона.

— Вполне может быть, — согласился с ней Трубецкой. — Вот только что там делает глаз? Я что-то не припомню, чтобы такая комбинация символов встречалась мне ранее.

— Вот над этим я сейчас и размышляю. Изучаю все имеющиеся источники по древней символике, магическим знакам и тому подобным штукам. Известно, что глаз — египетский символ бога Гора. Именно из Египта он перекочевал к иудеям, а затем стал частью и христианской традиции, как католической, так и православной. У христиан глаз обычно помещают внутри треугольника вершиной вверх, и означает этот символ Всевидящее Око Бога в окружении Троицы. Знаете, на некоторых иконах Бог Отец изображается с нимбом в виде треугольника вершиной вверх, отсюда этот символ и возникает. В то же время он является, конечно же, и масонским знаком. Глаз внутри «печати Соломона» как цельный символ встречается в некоторых средневековых рукописях по магии и алхимии, но не в Каббале, в этом вы совершенно правы. Кроме того, весьма похожее изображение украшает индуистские храмы Непала — это так называемый культ богини Кумари. Кстати, шестиконечная звезда появилась в Индии задолго до того, как она стала известна на Ближнем Востоке и в Европе, и это факт. — Анна Николаевна вздохнула. — Пока это все, что мне удалось установить. Так что будем продолжать думать над этой загадкой.

— Послушайте, — Сергей Михайлович вдруг сменил тему, — это все безумно интересно, но у меня есть одна идея, которой я хотел с вами поделиться. А не провести ли нам оставшуюся часть дня в полевых условиях, на природе? Например, можно было бы посетить то место, где у Дубянских была дача, с которой они возвращались тем трагическим

вечером, когда он утонул. Я тут между делом навел справки, и оказалось, что государыня-императрица Елизавета Петровна была весьма щедра к своему духовнику. Время от времени она одаривала его землями: тут и Керстовская вотчина в Ямбургском уезде, и мыза Порецкая в Шлиссельбургском. Кроме того, весьма обширные земельные наделы были выделены ему в селе Шапки близ реки Тосна. Я точно не знаю, где это, но мне кажется, что это как раз то село, куда стоит наведаться, — в найденных протоколах Тайной экспедиции упоминается, что дача располагалась на берегу реки. Как вам мое предложение?

Анна Николаевна размышляла всего несколько секунд. Она не принадлежала к числу коренных петербуржцев и не очень хорошо знала окрестности города, однако неожиданное предложение Трубецкого показалось ей уместным. Помимо всего прочего она вдруг явственно ощутила растущую симпатию к киевскому гостю и поэтому с удовольствием согласилась продолжить знакомство, совмещая к тому же приятное с полезным.

С идеей спонтанной экспедиции они, не мешкая, обратились к Артуру Бестужеву, который решительно их поддержал. Как оказалось, Артур Александрович и сам недавно заинтересовался местом, где располагались загородные дома петербургской знати в конце XVIII века, однако его версия относительно месторасположения дачи Дубянского с предположением Трубецкого не совпала. То есть он подтвердил, что в селе Шапки Дубянские действительно имели дом, однако, по его мнению, имение духовника Елизаветы Петровны, которое могло бы их заинтересовать с точки зрения расследования, располагалось не в Шапках, а вблизи деревни Богодуховка, что на правом берегу Невы, теперь это Всеволожский район Ленинградской области. Он сразу предложил ехать туда на его машине — благо в бывший дачный поселок, который теперь активно застраивался фешенебельными особняками, вели нынче мосты и дороги, и не было нужды переправляться через Неву лодкой, как в ту гибельную для Федора Дубянского ночь 1796 года.

Трубецкому с Шуваловой ничего другого не оставалось, кроме как принять версию Бестужева и согласиться на поездку в Богодуховку.

Через полчаса их машина уже мчалась по трассе, что вела из города на юг, в направлении поселка Отрадное. Бестужев, который был за рулем, очевидно, хорошо знал дорогу и вел свой «Пежо 407» очень уверенно. Они проехали Октябрьскую набережную и уже почти выехали из города, когда Артур Александрович взглянул в очередной раз в зеркало заднего вида и вдруг слегка притормозил.

— А за нами, между прочим, хвост, — сказал он и снова нажал на газ. — Поздравляю.

— Что? — практически хором воскликнули Трубецкой и Анна.

— Какой еще хвост? — Трубецкой обернулся и увидел, что за ними четко и уверенно следует «Фольксваген-туарег» черного цвета с затемненными стеклами. На машине были необычные красные номера. Сергей Михайлович сообщил об этом присутствующим.

— Это дипломатические номера, — сказал Бестужев. — Очевидно, одного из консульских учреждений, аккредитованных в Санкт-Петербурге. Я и вычислил-то его по этим номерам — едет за нами чуть ли не от самого университета. Надо будет узнать, что за страну представляет этот «дипломат». Аня, запиши-ка, пожалуйста, его данные.

Было решено не обращать внимания на преследователя, во всяком случае до тех пор, пока версия о хвосте либо подтвердится, либо будет опровергнута. Ведь оставался шанс, что предполагаемая слежка на самом деле — чистая случайность. Так они доехали до поворота на Богодуховку, где «туарег» действительно пропал из виду. Дорога привела их к высокому берегу Невы, а затем повернула к поселку. Там среди прелестнейшего векового парка со

скульптурными композициями, фонтанами и озерами когда-то располагались имения многих знатных петербуржцев. Теперь место аристократии заняли торговцы и предприниматели.

Они въехали на главную улицу и стали двигаться очень медленно, стараясь по ходу сообразить, где же искать дом Дубяньских, — если он вообще сохранился после двухсот лет, в течение которых случилось несколько войн, десятков сокрушительных наводнений и совсем недавних волн приватизации, продаж и перепродаж всех и вся. Не обнаружив ничего подходящего в центре, они сделали круг по боковым улицам и переулкам. В одной из улочек внимание Анны привлек дом, стоящий в глубине сада за каменным, увитым плющом забором.

— А ну-ка, Артур, притормози, — попросила она, когда они проезжали мимо. Машина тотчас остановилась.

— Что такое? Приметили что-нибудь? — спросил Трубецкой.

— Смотрите. — Анна указала на символ, украшающий кованную из железа и выкрашенную в черный цвет калитку в каменном заборе.

Это был строительный треугольник и циркуль, обрамляющие латинскую букву «G».

— Ничего себе, — воскликнул Трубецкой, — это же типичный масонский знак! «G» — это от английского «God» — «Бог», но также и «Геометр». Вот тебе и российская дача под Петербургом...

Артур выключил зажигание.

— Ну что, все равно ничего более подозрительного мы не нашли. Давайте попытаем счастья здесь, — предложила Шувалова.

Все вышли. Вдруг Анна, которая первой подошла к калитке, радостно замахала рукой.

— Идите скорее сюда! Вот удача-то!

Трубецкой и Бестужев присоединились к ней. В кирпичном столбике, на котором крепилась калитка, была вмонтирована старая, почти уже стертая табличка с надписью «Усадьба протоиерея Ф. И. Дубяньского. Памятник XVIII века. Охраняется государством».

— Здорово! Молодчина, Анечка. — Трубецкой даже руки потер от радости. — Ну, теперь давайте звонить. В принципе, я не знаю, как у вас, а у нас по закону исторические памятники должны сохраняться в первоизданном виде и быть доступными для посещения. А вдруг повезет? — Он нажал кнопку звонка переговорного устройства.

Прошло несколько минут. Из дома не последовало никакой реакции. Сергей Михайлович нажал еще раз.

— Что вам угодно? — послышался из динамика мужской голос.

— Добрый день! Мы представляем международный проект по изучению исторического наследия императрицы Елизаветы Петровны, — нашла Анна. — У нас тут иностранные гости, — в этот момент она подмигнула Трубецкому, — и нам бы хотелось посетить бывшее имение ее духовника Федора Дубяньского. Вы не могли бы быть так любезны и впустить нас?

Прошло еще несколько минут, и калитка отворилась. На пороге стоял мужчина средних лет, в строгом черном костюме, белой рубашке и белых перчатках. Его внешний вид резко контрастировал с традиционными представлениями о вкусах обитателей дачного поселка, пусть и элитного.

— Эта территория — частная собственность, и посетители не приветствуются, особенно прибывшие без приглашения, — сухо произнес он.

— Но это ведь еще и исторический памятник. А мы — историки, из Санкт-Петербургского университета. Позвольте нам пройти, пожалуйста, — снова попросила Аня.

— Ничем не могу помочь, — последовал ответ. — Все исторические памятники тут смыло наводнением еще сто лет тому назад.

Калитка уже почти захлопнулась, когда Анна, сама не зная почему, достала из сумочки медальон и, подняв его на вытянутой руке так, чтобы его хорошо было видно, громко спросила:

— Не подскажете ли вы в таком случае, может, эта вещица знакома нынешним хозяевам особняка?

Весьма неожиданно медальон оказал просто магическое действие.

— Мне знаком этот символ, — слегка неуверенно произнес человек в перчатках, — но я... я — всего лишь слуга, хозяев сейчас нет... Впрочем, я думаю, что вы можете осмотреть историческую часть дома, если хотите.

Анна кивнула. Тогда он жестом пригласил их войти. Трубецкой, Бестужев и Анна прошли внутрь и по выложенной узорной плиткой дорожке направились к дому.

— Замечательно, что вы догадались захватить медальон с собой, — шепнул Анне по дороге Трубецкой.

— А я с ним в последнее время и не расстаюсь, — так же шепотом ответила Шувалова.

Слуга проводил их в дом и предложил осмотреть гостиную и каминный зал. Он был невозмутим и, казалось, совершенно равнодушен к гостям, хотя на самом деле не спускал с них глаз.

Довольно запущенный снаружи дом внутри был просто великолепен. Несколько открытых для гостей комнат были уставлены старинной резной мебелью, стены украшены картинами и портретами в дорогих рамах, на каминных полках и в стеклянных шкафах теснились коллекции статуэток и изысканной посуды. Впечатление было такое, что они перенеслись на пару веков в прошлое. Внимание Сергея Михайловича привлек висящий на стене в рамке и под стеклом изрядно потускневший от времени плакат под названием «Сто лет Великой английской ложи в России». «Точно, — подумал он, — без масонов тут не обошлось». Трубецкой начал читать и вдруг замер. «Вот это номер!» — мелькнула мысль. Среди восхваляющих ложу панегириков и списка ее выдающихся членов упоминание одного имени было как нельзя кстати. «Третьим Великим магистром ложи, — гласила надпись, — был Ф. М. Дубянский, который немало сделал для ее становления в России». Он жестом подозвал Анну, чтобы показать эту надпись.

— Любезный, — прочитав плакат, невинным голосом поинтересовалась Анна у слуги, — а не скажете ли вы нам, про какую такую ложу тут говорится?

— Не могу знать, — ответил слуга с безучастным видом.

— Допустим. А как насчет того странного символа, который изображен у вас там, на калитке? — подключился к разговору Трубецкой.

— Я не очень-то в этом разбираюсь, — ответил слуга, — но я помню, как хозяин говорил, что это знак какого-то тайного общества. Когда-то, лет сто или двести тому назад, на этом месте была огромная усадьба, в том числе и здание, в котором проходили их встречи. Больше я ничего не знаю.

— Спасибо, — поблагодарила его Анна и, многозначительно переглянувшись с Трубецким, добавила: — Мы тут еще посмотрим, ладно?

С этими словами она подошла к Бестужеву, который стоял возле большого стеклянного шкафа и внимательно что-то разглядывал.

— Смотрите, какая чудная работа, — сказал Артур и довольно бесцеремонно приоткрыл дверцу. Бестужев имел в виду большую, изумительной работы продолговатую шкатулку из черного дерева, украшенную по краям узорным железом. Шкатулка занимала всю нижнюю полку. Трубецкой присоединился к ним, попробовав придвинуть шкатулку поближе и приоткрыть.

— Тяжелая штука, — констатировал он. — И крышка закрыта...

— А это что такое? — вдруг вполголоса спросила Анна, указывая на то место, где у шкатулки, по идее, должен был быть замок. На самом деле вместо замка была плоская прорезь между выступающей пластиной с выпуклым рисунком и собственно шкатулкой. Так вот, изображение на пластине в точности повторяло рисунок на медальоне, который лежал в ее сумочке!

Сергея Михайловича вдруг осенило.

— Дайте-ка сюда медальон, — сказал Трубецкой. Он взял его у Анны и осторожно вложил в прорезь между пластиной и шкатулкой так, чтобы рисунки совпали, затем нажал на пластину... Она сдвинулась внутрь, замок щелкнул, и шкатулка чуть-чуть приоткрылась.

— Открывай, не томи, — тихо произнес стоящий рядом с ним Бестужев.

Трубецкой приподнял крышку. В шкатулке лежал удивительной формы короткий металлический жезл, в сечении которого угадывался крест. На каждой из четырех граней жезла имелись хитрым образом расположенные зарубки, а на его рукоятке была выгравирована какая-то надпись на латыни. Сергей Михайлович уже хотел было достать жезл, чтобы рассмотреть его получше, но тут Анна зашептала:

— Сергей Михайлович, неудобно, мы же в некотором роде в гостях...

— Но я ведь только взглянуть, это просто непостижимое совпадение — у нас бог знает каким способом оказывается медальон, который, как выясняется, служит ключом к этой шкатулке, в свою очередь случайно обнаруженной нами на какой-то даче... — шепотом же ответил Трубецкой и взял жезл в руки. Он был так увлечен находкой, что невольно вздрогнул, когда сзади вдруг последовала команда:

— А вот руками попрошу ничего не трогать!

Они обернулись. Человек в белых перчатках стоял сзади и держал в руке направленный на них пистолет.

— И, пожалуйста, не нужно резких движений, — добавил слуга. — Отойдите от шкафа и поднимите руки вверх. Я, конечно, очень вам признателен, что шкатулку, наконец, удалось открыть. Мы ждали этого дня много лет, с того момента, как медальон был утерян... Но теперь ваша функция закончена.

Он сделал несколько шагов к камину и, не сводя с них глаз, свободной рукой нащупал что-то под каминной плитой. Вдруг часть книжного шкафа рядом с камином отодвинулась в сторону.

— Вы, пожалуйста, аккуратненько так, по одному пройдите сюда. — Он указал пистолетом на открытый проем. — А там хозяин решит, что с вами делать.

Однако Трубецкой и не думал сдаваться. Не выпуская жезла из поднятых рук, он шел третьим и как бы невзначай задел ногой подставку для китайской вазы довольно внушительных размеров, которая стояла между камином и книжным шкафом. Ваза, разумеется, с грохотом упала на пол и раскололась на несколько больших кусков. Доли секунды, пока внимание слуги было приковано к вазе, оказалось достаточно, чтобы

Трубецкой кинулся к нему, повалил на пол и выбил из рук пистолет. В борьбе Сергей Михайлович оглушил противника жезлом и крикнул:

— Аня, Артур, забирайте медальон и бегом отсюда!

Анна кинулась к шкафу и вытащила медальон из замка шкатулки. Они выскочили из дома и через несколько секунд уже сидели в «пежо». Артур рванул с места с такой скоростью, что никто из них не успел обратить внимания на стоящий в кустах, в ста шагах от дома, «Фольксваген-туарег» с дипломатическими номерами.

По возвращении в университет Анна Николаевна сразу же перезвонила своему знакомому в дорожно-патрульную службу и попросила проверить номера преследовавшей их машины. Однако транспортного средства с таким номером в базе данных Министерства внутренних дел не числилось — ни среди дипломатов, ни среди жителей, ни среди каких бы то ни было отечественных или иностранных учреждений Санкт-Петербурга.

Глава 7

Меркаба

В не по-весеннему жаркий полдень 5 марта 1118 года в тронный зал расположенного на Храмовой горе дворца короля Иерусалимского королевства Балдуина I вошли девять благородных рыцарей. Это были укрепившиеся телом и духом после долгой дороги Гуго де Пейн, Жоффрей де Сент-Омер, Андре де Монбар, Гондемар, Гораль, Годфруа, Жоффрей Бизо, Пайен де Мондидье и Аршамбо де Сент-Аман. В начищенных до блеска латах, белых плащах с красными, особой формы крестами, с выражением решимости и необыкновенной внутренней силы на загорелых, обветренных в боях бородатых лицах мужественные воины выглядели великолепно. Пройдя через весь зал под восхищенными взорами придворных дам и кавалеров, они остановились перед тронном короля, и каждый преклонил одно колено в знак уважения к монарху.

— Ваше Величество, — сказал один из них, поднявшись. — Я, Гуго де Пейн из Шампани, от имени моих братьев в Иисусе Христе, — он перечислил их имена, — прошу вашей милости и покровительства в нашем намерении учредить монашеский орден бедных рыцарей Иисуса Христа с целью защиты прибывающих в Святую землю паломников-христиан от сарацин и прочих мусульманских разбойников. При всем честном дворе и в вашем присутствии мы берем на себя обет служения Иисусу Христу, безбрачия, сурового воздержания и просим лишь дать нам пристанище вблизи дворца вашей милости, чтобы мы ежечасно могли служить, если это понадобится, опорой и защитой Иерусалимскому королевству. — Гуго де Пейн закончил речь, склонив голову в знак благодарности за возможность говорить в присутствии короля.

Балдуин I был искренне растроган. Он неважно себя чувствовал в последнее время, но даже мучившая его уже несколько недель тяжесть и боль в груди не помешали ему оценить благородный порыв девяти рыцарей.

— Я принимаю ваш обет, друзья мои, — сказал он не без труда. — Пусть ваше бескорыстие и благородная миссия станут примером для всех, кто придет в Святую землю во имя Господа нашего. Объявляю о своем покровительстве и благоволении ордену рыцарей Иисуса Христа и приказываю разместить орден в южном крыле королевского дворца.

В тот же день рыцарям отвели помещение на Храмовой горе — там, где, по преданию, ранее были конюшни древнего Храма Соломона. Это была удача. Ибо, кроме искреннего стремления служить Спасителю и королю, одним из тайных предназначений создаваемого ордена был поиск упомянутых аббатом Безю сокровищ иудейского Храма. Однако об этом королю Балдуину знать было вовсе не обязательно.

При учреждении ордена его основателями были приняты следующие правила: члены ордена отказываются от мирских благ и все средства направляют на служение во имя Иисуса Христа; орден не будет вести письменных записей, дабы не давать оснований свидетельствовать против себя; истинная цель ордена должна быть известна лишь девятерым старшим посвященным рыцарям (со временем их стали называть членами Внутреннего Храма), а вновь принятым членам не следует знать имена всех девятерых посвященных. Таким образом, Гуго де Пейн и его товарищи надеялись уберечь тайну ордена и его членов от происков возможных недругов. Разумеется, с течением времени количество членов ордена возросло многократно, однако на протяжении нескольких лет храмовников оставалось ровно девять. Надо ли говорить, что первым Великим магистром ордена был избран Гуго де Пейн.

Балдуин I благополучно скончался 2 апреля того же года от грудной жабы. Новый же король, Балдуин II, был слишком занят обустройством своего царствования, и поэтому ничто не препятствовало членам ордена безотлагательно начать раскопки на Храмовой горе. Прежде всего, по древним чертежам они установили точное месторасположение внутренних помещений Храма. Главной целью рыцарей было найти и получить доступ к той части здания, которую иудеи называли «Святая Святых». Именно там, где, по иудейскому представлению, находилось место сосредоточения Божественной святости, они надеялись отыскать возможные свидетельства Божественного союза Иисуса и Марии. На протяжении нескольких лет они совмещали воинскую службу с поисками сокровищ, шаг за шагом прокладывая тоннель от южной стены Храма вглубь горы. Однако надежда найти какие бы то ни было реликвии таяла с каждым днем. Учитывая, что со времен разрушения Храма Соломона прошло более тысячи семисот лет, это было вовсе не удивительно. За эти годы над Иерусалимом многократно пронеслись разрушительные смерчи кровавых войн с армиями вавилонян и персов, римлян и византийцев, арабов, египетских и багдадских халифов, наконец, собственно крестоносцев. И хотя настойчивость храмовников была частично вознаграждена — им удалось отыскать немало золота и серебра, драгоценной посуды и храмовых принадлежностей, — среди найденных сокровищ не было ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало Божественный знак...

Но Великий магистр верил в удачу и ни разу не усомнился в том, что поставленная цель будет достигнута. Поэтому на его лице не дрогнул ни один мускул, когда однажды днем славный Андре де Монбар постучался в келью Гуго де Пейна с радостной вестью:

— Прошу вас, Великий магистр, пойдёмте скорее. Вы должны увидеть это сами!

Гуго де Пейн не мог поверить собственным глазам. То, что он держал в руках, было самым совершенным по красоте предметом, который ему приходилось когда-либо видеть. Это казалось волшебным сном. Предсказание Иоанна Иерусалимского свершилось — они нашли то, что искали! Все восемь стоявших вокруг него рыцарей, которые много повидали на своем веку, тоже были безмолвны и с благоговением взирали на удивительный предмет в руках их магистра. Это был сверкающий в свете факелов огромный, размером с человеческую голову золотой кристалл из двух идеальных, симметрично пересекающихся пирамид. Кристалл

покоился на подставке из камня, напоминающего черный мрамор, на котором золотом были высечены три буквы на иудейском языке: «תפא».

Гуго бережно поднял находку и вдруг обратил внимание, что на стены освещенной факелами пещеры, в которой они находились, кристалл отбрасывал многочисленные тени в виде шестиугольных звезд. Отражений было так много, что свод пещеры напоминал звездное небо. «Магический кристалл», — подумал он, будучи не в силах отвести от него взгляд.

Наконец Великий магистр пришел в себя.

— Где вы это нашли? — спросил он Андре.

— В конце тоннеля, который мы прорыли от южной стены по направлению к центру Храма, была обнаружена потайная комната. Вход в нее закрывал вмурованный в стену мраморный куб — мы едва смогли сдвинуть его с места. Этой комнаты нет на чертежах, но она примыкает к тому месту, где, согласно имеющемуся у нас плану, находилась Святая Святых. Там мы и нашли этот кристалл. Он хранился в нише, выдолбленной в каменной стене и скрытой от взоров полуистлевшим ныне занавесом.

— Отнесите его ко мне в келью. И прикажи доставить ларец — тот самый, который изготовили по моему заказу, — коротко велел Гуго де Пейн. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, Великий магистр, — ответил Андре.

Когда они вышли из пещеры, где велись раскопки, Гуго жестом подозвал к себе Жоффрея де Сент-Омера.

— Найди мне самого мудрого из иудеев, такого, который сможет растолковать смысл этой реликвии и надпись на ней. Только сделай все тайно, ибо тот мудрец вряд ли потом снова увидит солнечный свет, а нам лишнее внимание привлекать пока ни к чему...

Не прошло и часа, как Жоффрей вернулся с дряхлого вида старцем с взлохмаченной седой бородой. Тот был в черной до пят одежде и накинутым на плечи еврейским покрывалом — талитом. Из-под странного головного убора, напоминающего кидар, торчали длинные, сероватого оттенка пейсы. Когда они зашли в келью и Жоффрей плотно прикрыл дверь, Гуго встал, подошел к стоящему на столе кристаллу и снял платок, которым он был накрыт. При виде реликвии старик сначала попятился, затем остановился, глаза его расширились — не то от ужаса, не то от восторга, — и он в волнении взмахнул руками. После этого он вдруг что-то забормотал и, закрыв глаза, начал неистово раскачиваться.

— Похоже, он молится, — сказал Жоффрей.

Рыцари подождали несколько минут. Старик продолжал бормотать и раскачиваться. Жоффрей не выдержал, положил руку в тяжелой металлической перчатке на плечо старца и приказал:

— Довольно! Скажи нам — что это?

Но тот, казалось, вошел в транс, ничего не слышал и ни на что не реагировал. Жоффрей поднял было руку, чтобы стукнуть старика, но тот, наконец, перестал раскачиваться и открыл глаза. Теперь уже Гуго спросил, указывая на кристалл и плохо скрывая нетерпение:

— Что это? Говори, если хочешь жить!

— Меркаба... магический кристалл мироздания... Я только слышал о нем и читал в древних писаниях, но никогда не видел... — чуть слышно прошептал старик и добавил уже громче: — Это Меркаба, символ абсолютной гармонии Вселенной, принадлежащий царю Соломону. Это знак Божественного единства мужского и женского начал, прошлого и

будущего, духа и тела, Добра и Зла. По легенде, сам Всевышний приказал Соломону отлить его из чистого золота, чтобы всем была видна высшая, Божественная сущность этого единства. Вот, смотри... — Старик достал откуда-то из своих одежд круглый серебряный медальон, на котором с одной стороны была изображена шестиугольная звезда с глазом посередине, а с другой — надпись на иудейском языке. — Это печать самого Мелхиседека, царя Салима, священника Бога Всемогущего, изготовленная во времена Соломона... На ней изображен знак Адама Кадмона — Человека Первоначального, совершенного, такого, каким Всевышний создал его на шестой день творения по своему образу и подобию. И был он совершенен именно потому, что в нем мужское и женское было не разделено... Ведь человек, — так говорит Каббала, — заслуживает это имя лишь постольку, поскольку он объединяет в себе мужчину и женщину. Благословение Небес нисходит лишь туда, где есть такой союз, ибо оно может снизойти лишь на единое тело. Кристалл — развернутая в пространстве звезда Давида, с какой стороны ни посмотри, — как раз и является отражением величия закона этого единства во Вселенной: что вверху, то и внизу, что справа, то и слева, что спереди, то и сзади...

— Что за надпись тут, на кристалле?

— Именно это слово тут и написано: «Единство», — сказал старик. — Мы считали, что Меркаба утрачена безвозвратно. Как мне благодарить тебя за ее возвращение?

— А мне сказали, что ты умен... — насмешливо произнес Гуго де Пейн. — Неужели ты думаешь, старик, что я отдам кому бы то ни было то, что принесет мне славу и власть? Я думаю, что эта твоя Меркаба будет теперь улаживать взор Папы Римского.

— Нет-нет, заклинаю тебя, не делай этого! Послушай меня! Меркаба упоминается в Торе и означает «колесница духа» или «престол Бога». Это ее очертания в образе огненной колесницы видел пророк Иезекииль в окружении ангелов и с ее помощью вознесся на небо... «И я видел, и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени», — прошептал он слова из Торы. — «Маасе меркава» — это самая сокровенная тайна Каббалы, тайна соединения тела и души, путь вознесения духа к Свету... Меркабу нельзя забирать из Храма, она принесет беду тому, кто решится на такое! Вокруг кристалла концентрируется Божественная энергия, и он же препятствует ее перемещению между мирами и уровнями бытия, если кристалл перенести в любое другое место, — чем дальше от Храма, тем хуже... и тогда он приносит несчастья! Тогда все спутывается и начинает происходить не так, как предназначено... Каждая из его вершин и граней служит своей цели... Меркаба всегда должна находиться в Храме, вблизи Святая Святых — так гласит заповедь!

— Я не понимаю твоих странных слов, и не тебе решать судьбу кристалла, старик, — ответил на это Гуго де Пейн. — Помолись лучше своему иудейскому Богу, для этого как раз настало время. — И вполголоса добавил, обращаясь уже к Жоффрею: — Я думаю, он заслужил нашу благодарность. Отведи его в ту самую комнату, где вы нашли кристалл. Пусть он там, вблизи Святая Святых, продолжит свои молитвы — наедине и вечно. А вот его медальон принеси потом мне.

Он снова накинул платок на кристалл, а Жоффрей стал подталкивать старика к дверям. Однако тот неожиданно вывернулся и кинулся к Великому магистру.

— Там, внутри, в самом сердце этого кристалла, обрамлен в золото осколок Скрижалей Завета, дарованных Всевышним Моисею на горе Синай и впоследствии им разбитых, —

торопливо произнес старик едва слышным шепотом. — Он несет в себе и слово Бога, и гнев Пророка! Прошу тебя еще раз — верни Меркабу в Храм, не навлекай беды на свою голову...

— Исполни, что приказано! — раздраженно крикнул Жоффрею Гуго де Пейн. — Мне надоели эти разговоры! Убери его с моих глаз!

Приказ Великого магистра был исполнен. Кроме того, ему, наконец, был доставлен изготовленный лучшими мастерами по его же собственному проекту ларец из специального, не поддающегося гниению железного дерева, укрепленный по краям и окантованный полосами кованого железа и заполненный мягчайшим бархатом. Гуго де Пейн взял кристалл в руки и долго, пристально всматривался в его сверкающие грани. Затем он открыл ларец, бережно положил в него находку и закрыл крышку. Для этого ларца был также изготовлен специальный потайной замок, открывающийся одним-единственным способом — ключом в виде короткого крестообразного жезла, по граням которого были сделаны особые зарубки, исключаящие возможность случайной подделки. Гуго достал жезл и запечатал им ларец. Он был специально создан для того, чтобы хранить тайну своего содержимого так долго, как это будет необходимым.

Столь долгожданная находка в один момент изменила ход всей истории. Гуго де Пейн отлично понимал, что из братства девяти бедных рыцарей-монахов орден вдруг превратился в хранителя не просто сокровища, но древней тайны, открытие которой было совсем не в интересах Церкви. Эту ситуацию можно было бы использовать для укрепления власти кого-нибудь из монархов, римского престола или... самого ордена. «Так, значит, то, что говорил тогда аббат Безю, — это все правда, — размышлял Гуго де Пейн. — Но что проку, если реликвию нельзя предъявить Риму?» При всей его личной отваге предупреждение старого иудея о том, что находка должна оставаться в Храме, не давало покоя душе Великого магистра. *С богами лучше не ссориться, особенно если им служишь.*

И тогда он призвал на совет своего верного друга Жоффрея де Сент-Омера.

— Ты никогда не спрашивал меня, брат мой, что привело нас в Святую землю девять лет тому назад. Сейчас пришло время рассказать тебе все.

И он поведал ему о своем давнем ночном разговоре с аббатом Безю.

— Все эти годы я размышлял над тем, что мы должны предпринять, если предсказанное аббатом сокровище удастся найти. И вот оно найдено, цель достигнута. Вчера же по удивительному совпадению я получил из Франции печальную весть о преждевременной кончине аббата Безю... Его нашли отравленным неизвестным ядом в своей келье... Так что теперь я свободен от данного аббату слова. И вот мой план.

Мы достаточно времени провели в безвестности и в непрерывных трудах. Но теперь Орден может и должен стать самой влиятельной и могущественной организацией, которая когда-либо существовала во имя Иисуса Христа. Для этого мы привлечем на свою сторону европейскую аристократию и добьемся поддержки Папы. Только с его благословения орден может получить официальный устав, признание королей и торговые привилегии. И во всем этом нам поможет кристалл.

Жоффрей был поражен рассказом Великого магистра.

— Но как быть с нашей клятвой, провозглашающей отказ от мирских благ во имя служения Иисусу Христу?

— Мы не изменим нашей клятве, как раз наоборот. Ведь, согласишься, для того чтобы во имя Господа бороться с неверными, нужна сильная армия, не подчиненная прихотям королей

и пап. Нужно строить крепости, флот, а для этого необходимы средства, которые не соберешь, сопровождая паломников из Яффо в Иерусалим. Мы создадим систему командорств, которые станут основой военной и финансовой империи ордена, и используем все собранные средства во имя Господа нашего Иисуса Христа...

И еще одно хочу сказать тебе, друг мой: ты ведь не забыл рассказ этого монаха, Иоанна Иерусалимского, которого мы встретили тогда в горах Малой Азии? Я потом часто размышлял о том, что он нам поведал об Иисусе и Марии Магдалине, о его пророчестве... Но только теперь я понял, что *здесь, в недрах иудейского Храма, не может храниться ничего, связанного со Спасителем, ведь иудеи так и не признали Иисуса Христа Мессией, Сыном Божьим*. Для них он был лишь самозванцем. Поэтому продолжать поиски здесь не имеет смысла, это пустая трата времени. Однако мне видится, что та встреча не была случайной, и нам все же следует узнать всю правду о Марии. И потом, ты помнишь, как монах сказал: «Вы найдете в Святой земле то, что ищете, и получите то, чего жаждете, но не совладеете с тем, что откроется, и в огне сгорит все, что будет создано»? Я тогда не придавал этим словам особого значения, но теперь вижу в них предсказание грядущих бед... Хорошо бы найти этого монаха и потребовать все же истолковать сказанное, а он направлялся в Эфес.

Так что возьми с собой Пайена де Мондидье и Горалия и немедленно отправляйся по его следам. А еще я хочу, чтобы ты лично убедился в том, что Мария Магдалина жила и упокоилась в Эфесе. Тем временем я завершу необходимые приготовления и с Жоффреем Бизо и Аршамбо де Сент-Аманом отправлюсь во Францию, а потом — в Рим. Там мы и встретимся.

— Но как ты собираешься использовать кристалл? Ведь этот старый иудей сказал, что на нем заклятие и его нельзя забирать из Храма?

— Не беспокойся, у меня есть план и на этот счет.

Глава 8

По следам тамплиеров

После приключений на даче Дубянского Бестужев предложил спрятать жезл в его сейфе в университете, однако Анна Николаевна высказалась против: ей ужасно не терпелось поскорее заняться исследованием этой необычной находки, а каждый раз испрашивать разрешения у Бестужева было как-то не с руки. Кроме того, его сейф был, как они шутили, времен Первой мировой войны. Поэтому она весьма решительно заявила, что у нее есть идея получше, и забрала жезл себе. Артур Александрович даже не скрывал раздражения по этому поводу, однако затем, кажется, смирился. Трубецкому была не совсем понятна такая податливость заведующего кафедрой, однако потом он понял: отношения между Бестужевым и Шуваловой носили явный личностный оттенок. Но вот чего Анна не сказала Бестужеву, так это то, что, будучи истинной женщиной, она решила спрятать жезл в таком месте, где найти его будет практически невозможно, — дома, в кладовке, среди ее коллекции коробок с обувью. Но перед этим она тщательнейшим образом его описала и сфотографировала.

Даже поверхностный осмотр жезла привел бы в восторг и более искушенного исследователя. Было очевидно, что жезл имел непосредственное отношение к одной из самых таинственных и могущественных организаций Европы эпохи раннего средневековья

— ордену рыцарей Храма, к легендарным тамплиерам, о чем свидетельствовало его сечение в виде креста особенной формы. Кроме того, на боковой поверхности была явно различима гравировка «NON NOBIS, DOMINE, NON NOBIS, SED TUO NOMINI DA GLORIAM», что в переводе с латыни звучало как «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему ниспошли славу». Эта фраза, как было хорошо известно, являлась девизом храмовников.

Таким образом, в результате вылазки на дачу духовника Елизаветы Петровны были установлены сразу два важных факта. Во-первых, оказалось, что внук Ф. И. Дубянского Федор Михайлович был масоном, и не просто рядовым членом братства вольных каменщиков, но Великим магистром английской ложи в России. Во-вторых, именно у него, очевидно, хранился жезл, происхождение которого было как-то связано с таинственным орденом тамплиеров, исчезнувшим в глубинах средневековья. Связь между этими обстоятельствами вовсе не была очевидной, но она, по-видимому, существовала! На протяжении нескольких дней Анна Николаевна пыталась восстановить логическую цепь событий, которые происходили в Европе и в России на протяжении XII—XVIII столетий и могли бы связать воедино установленные ими факты, однако разрозненные данные никак не складывались в стройную картину. «Опять придется идти на поклон к Синельникову», — подумала она и стала набирать знакомый номер телефона.

Иван Степанович Синельников, доктор, профессор и лауреат, был легендарной личностью среди историков Санкт-Петербурга. Он давно уже вышел на пенсию, но когда-то читал лекции молоденькой студентке Шуваловой, совершенно ее очаровал, и в результате именно ему она была обязана своей нынешней профессией. Впрочем, в Синельникова были влюблены все студентки их курса. Это он однажды во время лекции о королеве Англии Елизавете, знаменитой «королеве-девственнице», чье правление привело Англию из хаоса в «золотой век», вдруг сказал:

— Запомните, ребята, — а «ребятками» профессор называл всех, кто был моложе семидесяти пяти лет, — в этом мире есть только два источника новой жизни: Господь Бог и женщина. *Даже Всемогущий Творец не смог обойтись без женского лона для того, чтобы произвести на свет собственного Сына!* И поэтому если уж она — женщина — чего захочет, так лучше ей это дать и не спорить. Потому что спорить с женщиной, во-первых, бесполезно и, во-вторых, бессмысленно!

Иван Степанович имел все основания для подобных утверждений, ибо был счастливо женат свыше пятидесяти лет. К сожалению, видимо, для баланса Господь не дал им с женой детей, и теперь, когда супруга Синельникова уже покинула этот мир, он остался совершенно один. В довершение несчастья пару лет назад ему сделали — и крайне неудачно — операцию на позвоночнике, и теперь он был прикован к инвалидной коляске. Однако духом профессор не пал и продолжал активно работать. Поэтому звонку Анны Николаевны Иван Степанович обрадовался несказанно и согласился помочь в обмен на совместную прогулку в Летнем саду. Шувалова приехала немедленно. По дороге она тщательно обдумала план беседы, но при всем уважении к профессору решила не посвящать его во все детали — было как-то неудобно рассказывать о похищенном жезле, — а просто определила тему разговора: связь между тамплиерами в Европе и франкмасонами в России. Что и говорить, в собеседнице Анна Николаевна не ошиблась!

— Ну что же, Анечка, давайте рассуждать логически. — Голос Синельникова звучал в прохладном воздухе парка бодро, уверенно и слегка забавно, поскольку профессор немного картавил. — Итак, после разгрома в 1307 году ордена тамплиеров во Франции и в ряде

других стран Европы часть его членов спаслась и нашла пристанище в Шотландии. Именно сюда, как свидетельствуют многочисленные и надежные исторические источники, через оставшихся в живых рыцарей, а их было совсем не мало, было перенесено и духовное наследие храмовников. В 1314 году, когда во Франции был сожжен на костре последний Великий магистр легендарного ордена Жак де Моле, буквально через пару месяцев после его казни король Шотландии Роберт I Брюс учредил и лично возглавил шотландский орден тамплиеров, названный им «Орден Андрея Первозванного и Шотландского Чертополоха». Между прочим — я не уверен, что вы это знаете, — такое странное название объясняется тем, что чертополох, то есть репейник по-нашему, — символ Шотландии. В свою очередь, рыцари-тамплиеры помогли королю Роберту разбить армию англичан и в 1328 году добиться независимости Шотландии от английской короны. И вот этот самый король Роберт стоял во главе родового дерева Якова Брюса — одного из ближайших соратников Петра I. Именно в этот момент и возникает российский след в истории ордена.

Считается также, что шотландские тамплиеры стали той основой, я бы сказал, питательной средой, из которой к XVIII столетию сформировалось европейское франкмасонство. Яков Брюс был знаком с сэром Исааком Ньютоном, который, как говорят, был одним из лидеров «Приората Сиона» — тайной организации, якобы созданной частью спасшихся от преследований тамплиеров, которые входили в так называемый Внутренний Храм ордена. Скорее всего, именно через Брюса наследие ордена рыцарей Храма и идеи европейских масонов проникли в Россию в самом конце XVII — начале XVIII столетия. В этом контексте вовсе не удивительно, что после поездки российского государя Петра I в Голландию и Англию в 1697 году уже через год в России был учрежден свой собственный орден Андрея Первозванного, и Яков Брюс становится одним из первых трех его кавалеров.

Первое достоверное свидетельство о начале деятельности масонов в России относится к 1731 году, когда гроссмейстер Великой ложи Англии лорд Ловель назначил некоего капитана Джона Филипса провинциальным Великим мастером «для всея России». Но это был рафинированный англичанин, который распространял идеи братства вольных каменщиков преимущественно среди своих соплеменников, живших тогда в Санкт-Петербурге. А вот в 1740 году новым гроссмейстером для России стал уже генерал русской службы Яков Кейт. Имеются также документальные свидетельства, что в сороковых годах XVIII столетия, во времена царствования Елизаветы Петровны, Петербург имел сношения с берлинской масонской ложей «Трех глобусов», впрочем, не только с ней... В этот же промежуток времени в Европе и в России происходит целый ряд любопытных событий, которые нельзя не принимать во внимание. Так, в 1738 году Папа Римский Климент XII выпускает буллу, разоблачающую и отлучающую от Церкви всех франкмасонов — «врагов Римской церкви». Он обвинил вольных каменщиков в лицемерии, притворстве, ереси и извращениях (между прочим, весьма схожие обвинения в свое время были выдвинуты против тамплиеров). В особую вину им ставились таинственность и скрытность. Виновным в принадлежности к масонству грозило отлучение от Церкви. В этой связи логично будет предположить, что со временем часть масонов перебралась из Европы, где становилось небезопасно, в Россию, где к иностранцам относились с почтением, а масонов тогда еще не рассматривали как прямую угрозу Церкви и светскому порядку.

Кроме того, удивительное событие происходит в России в 1742 году. Императрица Елизавета Петровна, будучи молодой (ей всего тридцать три года) и, по свидетельству очевидцев, весьма привлекательной женщиной, которая только что взошла на трон и вовсе

не испытывала недостатка в фаворитах, вместо того чтобы выйти замуж и продолжить династию, так сказать, естественным путем, вдруг провозглашает наследником трона под именем Петра Федоровича своего племянника Карла Петра Ульриха — герцога Гольштейн-Готторпского. Этот Карл Петр был сыном герцога Карла Фридриха Голштинского и безвременно почившей дочери Петра Анны. В свою очередь, ныне общеизвестно, что герцоги Голштинские имели самые тесные связи со шведским двором, при котором процветало масонство шведской системы. В Швеции же находился центр иоанновского, или символического, масонства.

Английское же масонство в России получило дальнейшее развитие только в 1771 году, когда в Санкт-Петербурге была основана Великая английская ложа. Кстати, именно в том году — что за удивительное совпадение! — в Российской империи правительственным указом было запрещено отшельничество: отныне монахам предписывалось жить только в монастырях. Это решение, несомненно, нанесло удар по самым сокровенным традициям православия, восходящим еще к преподобным отцам печерским, основателям Киево-Печерской лавры. Учитывая взаимную вражду официальной Церкви и братства вольных каменщиков, этот факт мог быть вовсе не случайным стечением обстоятельств.

Вообще-то, масонам в России после Петра не слишком-то везло на царей. Если их не притесняли, то и не особенно жаловали. Особенно отличилась в этом смысле Екатерина II. Единственным, но очень коротким по времени исключением стало правление императора Павла — Великого магистра Мальтийского ордена. Как раз при нем, почти через сто лет после исторической поездки Петра Великого в Англию, снова переплетаются пути тамплиеров и масонов — ведь именно Мальтийский орден волею судеб оказался официальным преемником двух знаменитых рыцарских орденов средневековья — как госпитальеров, так и храмовников.

Иван Степанович взял паузу, затем с невинным видом поинтересовался:

— Вы, Анечка, как давно посещали Петропавловский собор и насколько хорошо вы его знаете?

— Честно говоря, я и была-то там лишь пару раз, — покраснев, ответила Шувалова.

— Ну как же так, ребятки, жить рядом с таким колоссальным артефактом и не изучать его. — Иван Степанович покачал головой и добродушно пробурчал: — Ладно, расскажу. Так вот, — продолжил он, — если бы при посещении этого собора вы внимательно почитали бы надписи на гробницах упокоенных там монархов, то наверняка бы заметили удивительный текст на гробницах Петра III и Екатерины II. Он гласит: «Самодержавный... государь Петр III, родился в 1728 г. февраля 16 дня, погребен в 1796 г. декабря 18 дня». «Самодержавная... государыня Екатерина II, родилась в 1729 г. апреля 21 дня, погребена в 1796 г. декабря 18 дня». Указанные на могилах даты погребения, а не смерти супругов, создают иллюзию, что император и императрица провели всю жизнь вместе на троне, умерли и похоронены в один день.

— Но ведь это совсем не так! — воскликнула Шувалова. — Довольно странно... Петр III умер за тридцать четыре года до кончины супруги — это же исторический факт!

— Слава Богу, — прокомментировал это восклицание Синельников, — хоть чему-то я вас все-таки научил! Но почему же при этом никто не задается вопросом, что означают странные надписи на могилах венценосной пары? А, между прочим, история этих надписей весьма и весьма удивительна.

Представьте себе, поздней осенью 1796 года только что взошедший на престол император Павел по точно не установленным причинам вдруг решил перезахоронить останки Петра III и сокороновать его с покойной женой Екатериной II. Нового российского самодержца не смутил тот факт, что супруги скончались с разницей в почти три с половиной десятилетия, а при жизни терпеть друг друга не могли. Церемония же сия, по свидетельству очевидцев, вылилась в незабываемое зрелище...

Утром 2 декабря 1796 года жители Санкт-Петербурга стали свидетелями удивительной и доселе невиданной процессии. Из ворот Нижней Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря медленно выехал и двинулся в путь траурный кортеж. Впереди гроба несли на бархатной подушке императорскую корону. Позади катафалка в глубоком трауре шествовала вся августейшая фамилия.

— Смотри, смотри, сам государь-император шествуют, — шелестело в толпе зевак, которые собрались, чтобы не пропустить необыкновенное событие.

— А кого хоронят-то, вы не знаете? Кто умер-то? — спрашивали друг друга простые петербуржцы и гости города. — Знати-то, знати понаехало! А эти-то, чай, иноземцы. — Кто-то указывал на вереницу разодетых иностранных гостей, сопровождающих процессию.

Толпа терялась в догадках. Можно было бы предположить, что хоронят Екатерину II, скончавшуюся месяц тому назад. Но даже в этом случае стороннего наблюдателя должен был насторожить тот факт, что похоронная процессия двигалась не из дворца на кладбище, а как раз наоборот: с кладбища во дворец. На самом же деле в гробу покоились останки Петра III, убитого за тридцать четыре года и четыре месяца до этих событий. По поводу этого странного шествия сохранилась запись в летописи Александро-Невской лавры: «1796 года ноября 19 числа повелением императора Павла Петровича вынута тело в Невском монастыре погребенного покойного императора Петра Федоровича, и в новый сделанный великолепный гроб, обитый золотой с шелком парчой, с гербами императорскими, в приличных местах с гасами серебряными, со старым гробом тело положено. В тот же день, в семь часов пополудни изволили прибыть в Невский монастырь Его Императорское Величество, Ея Величество и их Величества, в Нижнюю Благовещенскую церковь, где стояло тело, и, по прибытии, открыт был гроб; к телу покойного государя изволили прикладываться... и потом закрыто было». Сегодня трудно представить, к чему «прикладывался» царь и заставлял «прикладываться» свою жену и детей, ведь в гробу были лишь костные останки и части одежды — все, что осталось от императора Петра III.

25 ноября 1796 года по разработанному лично императором в мельчайших подробностях ритуалу было совершено сокоронование праха Петра III и трупа Екатерины II. Россия такого еще не видела. Церемония была разделена на две части: мужскую и женскую. Утром в Александро-Невском монастыре Павел возложил корону на гроб Петра III. Во втором часу такая же церемония и с той же короной была осуществлена над установленным в Зимнем дворце гробом Екатерины II женой Павла Марией Федоровной. При этом присутствовала вся женская часть двора. Таким манером было совершено сокоронование двух тел, но поскольку они находились в разных местах, то эта процедура требовала определенного времени, необходимого для перевозки короны с одного места на другое. При этом в церемонии, происходящей в Зимнем дворце, была одна немаловажная деталь, аналога которой не могло быть в Александро-Невском монастыре: камер-юнкер и камердинеры императрицы во время возложения короны «приподнимали тело усопшей». Очевидно, имитировалось, что Екатерина II была жива. Вечером этого дня тело покойницы переложили в новый гроб и

поставили его в большую галерею, где был устроен великолепный траурный шатер. 1 декабря, когда герольды объявляли о предстоящем перемещении тела Петра III, Павел торжественно перенес в Невский монастырь императорские регалии. На следующий день гроб Петра III перевезли в Зимний дворец и установили рядом с гробом Екатерины II. Затем их вместе доставили в Петропавловский собор. Впереди везли гроб Екатерины II, за ним следовал гроб Петра III, на котором покоилась императорская корона. Тем самым подчеркивалось, что хоронили не императрицу Екатерину Великую, а императора Петра III и его жену Екатерину Алексеевну, хотя и умершую на тридцать четыре года позже мужа. Две недели оба гроба были выставлены в Петропавловском соборе для поклонения. Наконец, их предали земле.

Весь этот чрезвычайно странный эпизод, поразивший воображение современников, очевидцы растолковывали по-разному, стремясь найти ему хоть какое-то разумное объяснение. Утверждали, что вся эта затея была организована для того, чтобы опровергнуть ходившие в обществе слухи о том, что Павел — не сын Петра III. Якобы Павел воздавал за гробные почести Петру III с тайной целью опровержения версии о своем сомнительном происхождении. Другие видели в этой церемонии стремление Павла во что бы то ни стало унижить и оскорбить память своей матери Екатерины II, которую он ненавидел. Наконец, высказывалось предположение, что коронавание, если не покойника, то его останков, имело целью соблюсти формальности, которые предписывали, чтобы в Петропавловском соборе, родовой усыпальнице Романовых, покоились только тела коронованных особ.

Синельников сделал паузу. Они как раз выехали на Дворцовую набережную, откуда хорошо был виден шпиль Петропавловки.

«Так или иначе, — отметила про себя Анна Николаевна, — но если все это правда, значит, в 1796 году случилось именно то, о чем пророчески говорила императрице Елизавете Петровне Досифея за полвека до упомянутых событий: Петр III был похоронен дважды и коронован мертвый. Мистика какая-то...»

— Но это только начало, — продолжил Иван Степанович, как будто читая ее мысли. — Поскольку, как писал поэт, вы «все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», то, очевидно, и не подозреваете, что ритуал вторичного захоронения Петра III весьма смахивал на своеобразную инсценировку главной масонской легенды о мастере Хираме Абифе, являющейся основой церемоний вольных каменщиков.

Согласно этой легенде Соломон, великий царь Израильский и сын Давидов, решив построить Храм, поручил это дело мастеру Хираму, предводителю избранных людей в количестве тридцати тысяч, управляемых тремястами мастерами. Хирам поделил работников на учеников, товарищей и мастеров, получающих различную заработную плату. Во избежание обманного присвоения младшими разрядами более высокой заработной платы, всем трем степеням были сообщены особые знаки и слова, которые они использовали для контактов, так сказать, с администрацией. Ученическим словом — своеобразным паролем — служило слово «Йахин», товарищеским — «Воаз», а мастерским — полное глубочайшего символического значения третье каббалистическое имя Бога — Яхве.

Но вот трое рабочих-учеников задумали овладеть мастерским словом для присвоения себе ненадлежащего вознаграждения. Для этого они подкараулили Хирама у врат Храма в час его вечернего обхода и потребовали открыть тайну мастерского слова. Тот отказался, за что и был убит. Затем убийцы вынесли тело и тайно похоронили его за городом. Царь Соломон, обнаружив исчезновение Хирама, приказал мастерам-каменщикам найти его и

вместе с тем поручил им переменить мастерское слово (из опасения, что оно было исторгнуто у Хирама его убийцами). За новое слово они должны были принять первое из тех, что будут произнесены ими при извлечении тела из могилы. Тело было обнаружено, но, так как оно пребывало в земле некоторое время, при вскрытии захоронения у присутствовавших вырвались слова: «Плоть от костей отделяется». Эта фраза и стала новым мастерским словом. Хираму устроили пышные похороны, а убийцы понесли заслуженное наказание. Так вот, напрашивается мысль, что Павел мог быть как-то связан с вольными каменщиками и намеренно инсценировал эту легенду через вскрытие захоронений императора и императрицы и «прикладывания к телам усопших», у которых явно «плоть от костей отделялась».

Кроме того, на сохранившихся с конца XVIII столетия гравюрах с изображением катафалка Петра III видно, что не только разработанный Павлом церемониал похорон отца следовал ритуалу франкмасонов, но и помещен был гроб с останками покойного в шатер, построенный фактически по образцу масонского Храма! Так, перед входом в масонский Храм обычно стоят две колонны, именуемые Йахин и Воаз. На имеющихся изображениях катафалка Петра III хорошо видны эти колонны, предваряющие вход в *castrum doloris*. Кстати, на гравюрах с гробом Петра III в Петропавловской крепости отчетливо виден и подвешенный треугольник с всевидящим оком. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что гроб мужа сопровождал гроб Екатерины II, которая в последние годы царствования была главной гонительницей вольных каменщиков. Павел едва ли мог изобрести более утонченную издевку над покойной матерью.

В довершение ко всему в исторических хрониках обнаружилось свидетельства, что надоумили императора Павла организовать эту церемонию посвященный в высшие степени шведского масонства действительный тайный советник Александр Куракин, назначенный в 1796 году вице-канцлером, и известный в те времена в Санкт-Петербурге масон С. И. Плещеев. Очевидно, не последнюю роль во всем этом мог сыграть и тот факт, что российский император Павел III был покровителем, а со временем стал Великим магистром Мальтийского ордена — официальным наследником сразу нескольких рыцарских орденов средневековья. А Куракин и был главным связным между императорским двором и мальтийцами.

Как вам сюжетец? Роман можно написать! — Синельников выглядел очень довольным собой.

— Я и не знаю, как вас благодарить, — произнесла Шувалова. — То, что вы мне рассказали, — просто потрясающе. В который раз убеждаюсь, что история — наука многослойная и неисчерпаемая, — добавила она и подумала: *«И никто никогда не знает всей истории»*.

— История по большому счету, — ответил на это Синельников, — есть продукт компромисса между теми, кто ищет истину, и теми, кто стремится эту истину поставить себе на службу. И дай вам Бог, Анечка, удержаться от соблазна интерпретировать объективные факты в чьих-то субъективных интересах. Иначе у вас выйдет не история, а, извините, черт знает что!

Они подъехали к дому, где жил профессор. Там Анна передала его в руки сиделки, еще раз поблагодарила за помощь и уже собралась прощаться, как Синельников вдруг с загадочным видом произнес:

— Вообще-то, с тамплиерами связано много всяких предрассудков и небылиц. Например, пятница 13-го стала считаться особенно несчастливым днем аккурат с 13 октября 1307 года, поскольку именно в этот день был разгромлен орден и арестован Жак де Моле. В свою очередь, этот самый де Моле был двадцать третьим и последним Великим магистром ордена, а про его казнь и проклятие палачам, которое свершилось, ныне осведомлены даже дети. Но с тех пор число «23» носит мистический оттенок и считается требующим особого внимания. К примеру, обнаружилось, что Иисуса Христа судили Малым синедрионом, в котором было 23 члена, а в еврейском Танахе слово «сатана» употребляется ровно 23 раза... Кстати, нумерология 13 октября дает именно 23. Так вот, если воспользоваться этой техникой и в нашем случае, то выходит, что 1796-му году, в котором приключилась вся эта фантазмагория с перезахоронениями в Петербурге, тоже соответствует число «23». Я думаю, что это чистое совпадение. А вы?

С этим они и расстались. Это было всецело в стиле Синельникова: хоть какую-нибудь загадку оставить неразрешенной.

Проанализировав позднее все услышанное, Анна Николаевна пришла к выводу, что даже и без нумерологии публичная демонстрация приверженности масонскому ритуалу при перезахоронении Петра III и Екатерины II в конце 1796 года вовсе не была случайной. А поскольку примерно в этот же период погиб и Федор Дубянский, имеющий, как выяснилось, самое непосредственное отношение к Великой английской ложе Санкт-Петербурга, сам по себе напрашивался вопрос: было это простым совпадением или же внешним проявлением скрытых для непосвященного ока процессов, происходивших в те годы в элитных кругах столицы Российской империи? Впоследствии интуитивная догадка Анны Шуваловой о существовании связи между пристрастием императора Павла к традициям рыцарских орденов и несчастным случаем на воде, который приключился с внуком духовника Елизаветы Петровны, получила документальное подтверждение.

Приподнятое настроение Анны Николаевны было омрачено лишь крайне неприятным осадком после разговора с Бестужевым, с которым она поспешила поделиться деталями их разговора с Синельниковым. Артур был в ярости, узнав, что она посвятила кого-то со стороны в их дела, и в ультимативной форме потребовал, чтобы в дальнейшем подобные контакты были исключены.

Глава 9

Отшельник Китаевской пустыни

На следующий день прямо с утра Артур Александрович пригласил Анну и Трубецкого к себе на небольшое совещание, в ходе которого сообщил, что, по его мнению, таинственная история с Досифеей, столь подробно изложенная в дневниках Дубянского, требует личного посещения членами их группы Китаевской пустыни. С точки зрения Бестужева, в деле, которое они расследовали, не было мелочей, и поэтому важно было убедиться на месте, что описанные духовником императрицы Ф. И. Дубянским детали встречи Елизаветы Петровны со старцем-отшельником, оказавшимся на поверку молодой девицей, соответствуют действительности. В конце концов, это была реальная возможность подтвердить подлинность найденных дневников.

Трубецкой же вовсе не разделял его позиции. Он никак не мог понять, какая может быть связь между пророчествами Досифеи и гибелью Федора Дубянского, однако, когда выяснилось, что лететь ему предстоит в компании Анны Николаевны, тотчас согласился. Он уже успел соскучиться по Киеву, но более всего, если уж говорить начистоту, ему хотелось подольше побыть с Анной вне формальных рамок университетского общения. Его расчет был очевиден — дома, в Петербурге, она имела миллион привязанностей и забот, а в гостях — в Киеве — он был бы для нее фактически единственным знакомым. Значит, шансы познакомиться с Анной Николаевной поближе и, может быть, даже за ней поухаживать, возрастали многократно. Холостяцкая жизнь ему уже порядком поднадоела, и он стал всерьез задумываться, как шутили друзья и коллеги, над переходом из племени «вольных кочевников» к «оседлому земледелию». После непродолжительных подготовительных мероприятий Трубецкой и Шувалова вылетели в Киев.

Китаево... Киевский Афон... Древнейшее поселение славян, затем — крепость и одновременно духовный центр православия...

Чуть южнее Киева, на живописных холмах над Днепром, поляне жили с дохристианских времен. Позже, в XII веке, князь Андрей Боголюбский построил на этом месте крепость, призвание которой было охранять Киев с юга. Примерно в те же годы вблизи крепости (а по-тюркски «китай» и означает «огражденное стеной поселение» — крепость) возникло поселение, а позже и монастырь — Китаевская пустынь, как часть Киево-Печерской лавры. Через века и войны пронесли монахи Китаевской пустыни дух и традиции отшельничества, сохранили это прекрасное место для потомков. Неудивительно, что именно здесь суждено было случиться одной из загадочных историй, ныне известной благодаря местному священнику, который в XIX веке составил по своему усмотрению жизнеописание рясофорного монаха (девицы) Досифея. Об этой истории Трубецкому и Шуваловой охотно поведал настоятель монастыря, узнав предмет их интереса. А началось все, по его словам, в 1721 году, когда в богатой и знатной семье рязанских дворян Тяпкиных родилась дочка Дарья...

— Даша, Дашенька, иди к нам, — звали сестры.

— Дарья, Дашенька, иди к нам, — звенели в ее юной душе колокола Вознесенского монастыря. Семь чудных лет, проведенных с бабушкой в том монастыре, навеки отвернули душу Дарьи Тяпкиной от мирской суеты.

— Для женщины есть два жребия на земле: или Бог, или человек, то есть муж, — так говорила ей бабушка. — *И те, кого породит женщина, подобны тому, кого она любит.* Если это ее муж, они подобны ее мужу. Если это любовник, они подобны любовнику. Часто, если женщина живет со своим мужем по необходимости, а сердце ее с любовником, с которым она соединяется, то те, кого она породила, будут походить на любовника. Но те, которые пребывают с Сыном Бога, не должны связываться с миром, но связываться с Господом, дабы походящие от них не были подобны миру, но были бы подобны Господу. И Даша сделала свой выбор.

Однако обо всем по порядку...

Еще на подъезде к Китаеву Трубецкой и Анна заметили необычное оживление в окрестностях монастыря. Ведущая к обители обычно тихая Китаевская улица была

запружена народом. Вблизи одного из зданий, расположенного неподалеку от Свято-Троицкой церкви, стоял милицейский кордон, а по территории монастыря шел крестный ход.

Кое-как припарковавшись на безопасном расстоянии, Сергей Михайлович и Анна Николаевна стали пробираться к цели своего путешествия. По дороге они попытались выяснить у людей в толпе, в чем же дело, однако безрезультатно. Наконец один из проходивших мимо послушников поведал им, что недавно вблизи монастыря обнаружилась... ни много ни мало, а штаб-квартира местного ордена тамплиеров, которые под видом общественной организации арендовали примыкающее к монастырю здание. Монахи распознали тамплиеров по черно-белой символике, которую каноническая Церковь считает антихристианской, и устроили крестный ход с требованием, чтобы те покинули территорию монастыря. В этом и заключалась суть противостояния монахов и милиции.

— Это же надо, чтобы нам так повезло — именно сегодня тут должна была случиться вся эта заварушка, — наблюдая процессию со стороны, заметил Сергей Михайлович с сарказмом в голосе. — В то же время, — продолжил он, — должен признать, что факт появления тамплиеров в Киеве вообще и вблизи Китаевской пустыни в частности просто необъясним. Только средневековых рыцарей нам тут не хватало! Скоро выяснится, что Жак де Моле был запорожским казаком...

Трубецкой и Шувалова терпеливо дождались конца крестного хода, прошли на территорию монастыря и вошли в храм. Там по случаю объявленного в Китаеве дня борьбы с тамплиерами шла служба, которую вел сам отец-настоятель. По окончании службы он и поведал им историю Досифеи.

По его словам, когда девочке было два года от роду, родители взяли ее с собой в Москву на Рождество. Там они навестили монахиню женского Вознесенского монастыря Порфирию — родную бабушку Дарьи. Тогда же Порфирия и уговорила родителей оставить ей девочку на воспитание. Годы, проведенные в обители, уже в детстве сделали Дарью настоящей монахиней по духу, и, когда по исполнению девяти лет она вернулась в отчий дом, светская жизнь оказалась совершенно для нее неприемлема. Однажды Дарья услышала разговоры родителей о том, что, мол, дочке уже пятнадцать лет и пора подыскивать ей жениха. И тогда девушка, которая к тому времени уже твердо решила стать монахиней, в отчаянии бежала из дома. Боясь, что ее могут узнать и вернуть обратно, Дарья остригла волосы и переделалась в мужскую одежду. Так она пришла в Троице-Сергиеву лавру, где назвалась беглым крестьянином Досифеем (по-гречески «Досифей» означает «Богом данный»), желающим стать черноризцем. Однако из-за отсутствия паспорта в постриге ей тогда отказали, хотя и позволили остаться на послушании.

Прошло три года. Родители повсюду искали Дарью и приехали в Москву помолиться о том, чтобы Бог открыл им место пребывания любимой дочери. Когда они были в Троице-Сергиевой лавре и стояли в церкви у солеи, Дарья несколько раз проходила мимо них. Сестра Дарьи первой узнала ее и указала матери. Через знакомого иеромонаха родители передали, что хотят поговорить с ней. Услышав это, Дарья поспешно собрала свои пожитки и бежала в Киево-Печерскую лавру.

Снова назвавшись беглым крестьянином Досифеем, она обратилась с прошением о постриге в монашество к самому архимандриту лавры. О просителе было доложено митрополиту Рафаилу Заборовскому, который согласился принять у себя «крестьянина Досифея» и, побеседовав с ним, был немало удивлен его умом и образованностью. Но правительственный указ тогда запрещал брать беглых крестьян в монастырь. Стремясь

помочь человеку, так ревностно желавшему монашества, возможно, сам митрополит Рафаил и указал Дарье-Досифею на Китаевскую пустынь, где, руководствуясь примером преподобных печерских отшельников, можно было жить в молитвенном уединении.

Придя в Китаево, Дарья решила поселиться в пещере на горе. Чтобы не пользоваться плодами чужих трудов, она своими руками вырыла келью неподалеку от существовавших уже пещер и стала вести отшельническую жизнь. В то время было немало тех, кто искал духовного спасения в уединении и молитвах, и никто не обратил на нее особого внимания. Много лет провела Дарья под мужским именем Досифей в этой пещере, питаясь лишь хлебом и водой, а на Великий пост она и вовсе затворялась наглухо. В народе говорили, что Досифей никогда не зажигал огня в пещере. Со временем подвиги отшельника стали известны в Киеве — видимо, наставления старца помогли многим мирянам, побывавшим у него.

В 1744 году, когда слава о старце Досифее широко распространилась по Руси, отшельника и провидца пожелала увидеть императрица Елизавета Петровна, которая в этот год пребывала в Киеве. Тогда специально для нее были устроены деревянные ступени, ведущие на гору. Между Досифеем и пришедшей к нему царицей состоялась долгая беседа, о содержании которой никто, кроме них двоих, так и не узнал. Согласно легенде, Елизавета, услышав, что столь мудрый и крепкий верой подвижник так и не рукоположен в рясофор, пожелала оказать ему в этом свое содействие. Говорили, что уже на следующий день в присутствии императрицы Досифей принял монашеский постриг.

Прощаясь, царица подарила Досифею кошелек с золотыми монетами и еще тысячу рублей — на благоустройство Китаевской пустыни. Досифей равнодушно отдал подаренные ей червонцы крестьянину, принесшему на гору еду, и тот отнес их в лавру. Позднее деньги эти пошли на строительство нового храма в соседнем селе Пирогове.

В 1776 году в Киево-Печерскую лавру поклониться святым мощам пришел семнадцатилетний юноша из Курска. Был это Прохор Мошнин — в будущем Серафим Саровский. Имея желание принять монашеский чин, он хотел перед тем получить духовное наставничество в Киеве, где преподобными Антонием и Феодосием Печерскими было положено начало иночеству на Руси. Обходя святыни древнего города, беседуя с его жителями, Прохор узнал о подвижнике Досифее, который, как говорили люди, обладал провидческим даром. К нему, в Китаево, и направился юноша, чтобы испросить указания места для своих духовных подвигов. Досифей благословил его идти в Саровскую обитель, что недалеко от Арзамаса, где Прохор и стал прославленным угодником Божиим. Ныне в Китаевской пустыни хранятся поручи и епитрахиль великого старца Серафима Саровского, про которого говорят, что отметила его своим собственным знаком сама Пресвятая Дева, сказав, что сей от ее рода.

Перед самой смертью Досифей вышел из затвора и, опираясь на палку, обошел все кельи, прощаясь с братией. Он высказал только одну просьбу: «Тело мое приготовлено к напутствованию вечной жизни; молю вас, братия, не касаясь, предать его обычному погребению». На следующее утро Досифей скончался, стоя на коленях перед иконою. Это случилось 25 сентября 1776 года. Старцу шел пятьдесят шестой год.

Все было сделано, как завещал отшельник, — никто не посмел нарушить его предсмертную просьбу и обмыть тело. Похоронили его в Китаевской пустыни, возле северной стены Свято-Троицкой церкви. На могиле вскоре поставили характерный для того времени памятник с его портретом. А через несколько лет родная сестра Досифея, приехав в

Киев и взглянув на портрет, узнала в великом старце свою младшую сестру. Тогда-то и открылась чудесная тайна всей его жизни.

Так все красиво выглядело в легенде.

Однако, с учетом своего профессионального опыта, Сергей Михайлович в сказания и легенды верил слабо — он больше полагался на документы и письменные свидетельства. Но именно документальные подтверждения легенды о Досифее отсутствовали практически полностью. В истории, рассказанной местным священником, было много спорных моментов. В частности, у Трубецкого возникли сомнения, что на протяжении более чем тридцати лет братья-монахи не распознали в Досифее женщину. И точно, проведя следующий день в исторической библиотеке Киево-Печерской лавры, им удалось установить, что в документах за сороковые годы XVIII века имеется запрос о том, у кого исповедуется и причащается «жительствующая при Китаевской пустыни Досифея». Это короткое упоминание вполне могло свидетельствовать о том, что в лавре и Китаевской пустыни знали о Досифее как об отшельнице и вовсе не заблуждались, принимая ее за мужчину.

Кроме того, Анна Николаевна обратила внимание на следующие факты. В легенде о Досифее говорится, что старец прожил в отшельничестве в Китаевской пустыни семнадцать лет. Но если, как свидетельствует официальная версия, Дарья пришла в монастырь восемнадцати лет от роду, а умерла в возрасте пятидесяти шести лет, то где же провела Досифея двадцать один год своей жизни? Кроме того, получалось, что Дарья Тяпкина пришла в Китаево в 1739 году, а уже в 1744 году ее в образе *мудрого и знаменитого в Киеве старца* посещает императрица Елизавета. Однако не удивительно ли, что «старцу» на тот момент всего двадцать три года? И ведь именно об этом факте, как помнил Сергей Михайлович, говорилось в дневниках Дубянского: государыня Елизавета Петровна беседовала не с древним старцем, но с молодой девицей! Как же все это могло оставаться загадкой на протяжении десятилетий для всех, кроме императрицы?

Еще одно открытие ожидало их в той самой Свято-Троицкой церкви, у стен которой похоронена Досифея. Попрощавшись с настоятелем, они решили еще немного задержаться, чтобы осмотреть не совсем обычный, выполненный лаврскими мастерами иконостас церкви и ее внутреннее убранство. Тогда-то Анна Николаевна и обратила внимание на висящую справа от нартекса довольно древнего вида икону, на которой была изображена тайная вечеря Иисуса Христа с апостолами. Увидев эту икону, Сергей Михайлович просто замер от удивления, а Шувалова прокомментировала изображенное на ней таинство так:

— Не знаю, кого там усадил справа от Иисуса на «Тайной вечери» Леонардо да Винчи и что это все означает, но то, что на этой иконе справа от Иисуса Христа сидит женщина, не требует не то что доказательств, но видно даже без увеличительного стекла...

Когда они вышли из церкви, Трубецкой вдруг сказал:

— Знаете что, Анна Николаевна, у меня есть предложение. Мы уже два дня здесь, а все еще не добрались до знаменитых китаевских пещер, в которых, как говорят, имеется подземный храм и якобы келья самой Досифеи сохранилась. Давайте сходим, посмотрим для полноты картины, а потом поедем на набережную чай пить. Обсудим все там.

Так они и поступили. И хотя присматривающий за пещерами монах честно признал, что настоящая келья отшельника Досифея была расположена отдельно от пещер остальных братьев и до наших времен не сохранилась, Сергей Михайлович и Анна все же решили спуститься в подземелье. Они купили по свече, зажгли их у входа и смело шагнули в темноту. Подземная церковь оказалась на замке, и им ничего не оставалось, как свернуть

вправо, где вдоль вырытого прямо в глинистой почве на глубине около двенадцати метров узкого лабиринта были устроены монашеские кельи.

В пещерах царила абсолютная тишина, было холодно и очень темно. Единственный видимый огонек мерцал впереди, как оказалось, — возле кельи, устроенной в память о Досифее. Они подошли поближе и увидели, что свет исходил от стеклянной лампадки, которую держал в руках сидящий у входа в келью монах. Он был маленького роста, сгорбленный, его голову и плечи покрывала черная накидка, и поэтому все, что им удалось разглядеть в мерцающем свете лампадки, — это морщинистое лицо старца с тонкими губами и несколько массивным подбородком без признаков какой-либо растительности.

Трубецкой и Анна остановились возле кельи и молча постояли минуту или две. Они не решались потревожить монаха разговором, но тот вдруг сам заговорил тихим и в то же время неожиданно высоким по тембру голосом. Он говорил не поворачивая головы, хотя было очевидно, что слова его адресованы Сергею Михайловичу и Шуваловой.

— Что привело вас к Досифее? — спросил монах.

— Поклониться хотим памяти великого отшельника и о жизни его узнать, — тихо произнесла Анна Николаевна.

В ответ на это монах не проронил ни слова, лишь слегка кивнул несколько раз. Возникла пауза. Затем монах повернул к ним голову и, как показалось Трубецкому, с любопытством посмотрел на Сергея Михайловича и Анну. Трубецкого поразили удивительно живые глаза на покрытом морщинами лице старца.

— Ну, раз так, тогда слушайте, — вдруг сказал монах. — Красивая сказка о Дарье-Досифее, которой уже много лет потчуют посетителей монастыря, — лишь часть правды. А ведь не только монастырское воспитание привело ее к Богу, но любовь земная, человеческая, и случилось это так.

Когда Дарьюшке исполнилось пятнадцать лет, в городок, где тогда жило семейство Тяпкиных, прибыл на постой направляющийся в столицу гвардейский Семеновский полк. В том полку служил прапорщик лейб-гвардии Алексей Шубин. Чрезвычайно красивой наружности, ловкий, словоохотливый, он вмиг покорило сердце юной девушки. И когда полк должен был отправиться дальше, Дарья готова была идти пешком за ним хоть на край света. Но тут тяжело захворала ее мать, и она не решилась оставить родителей и сестер. Лишь через несколько месяцев собралась-таки Дарья ехать искать Шубина, и вот тогда-то от петербургской своей родни узнала, что милый ее сердцу прапорщик теперь в нежных чувствах состоит с Елизаветой, дочерью самого царя Петра, жившей по велению действующей императрицы Анны на поселении поблизости от Петербурга. Там опальная Елизавета, открыто водившая дружбу со слобожанами и гвардейскими офицерами, расквартированными неподалеку, и увидела красавца Шубина, и полюбила его.

И все равно отправилась Дарья в Петербург, под предлогом родню навестить, но по прибытии узнала, что о неосторожной связи Елизаветы донесли императрице Анне, которая, желая досадить царевне, приказала Шубина арестовать, заковать в оковы и поместить в каменный мешок, где нельзя было ни сесть, ни лечь. После пыток Шубина сослали на Камчатку...

Дарья кинулась к отцу с отчаянной просьбой помочь найти и спасти Алексея, но тот лишь руками развел. Тогда Дарья отправилась в церковь, упала на колени перед иконой Божьей Матери и стала горячо молить о спасении любимого. Всю ночь молилась Дарья, и было тогда ей видение — сама Дева Мария говорила с ней и предрекла, что спасти Шубина

сможет только сама Дарья, если пожертвует ради этого мирской жизнью и станет невестою Христовой. Но сделает это так, чтобы завет между ней и Господом втайне от всех остался. Не раздумывая, в тот же день постригла Дарья свои чудные волосы и ушла из дому искать покой для души и утешение для сердца. А чтобы тайну завета сохранить, обратилась отроком. Так и стала она отшельником и провидцем Досифеем, и служение ее, от любви и чистоты сердца исходящее, было там, свыше, принято. — Монах, как показалось на мгновение, горестно вздохнул. — Поелику по прошествии многих лет страдания Шубина прекратились. И случилось это немедля по возвращении Елизаветы Петровны из Киева в Петербург. Вдруг государыня вспомнила о своем любимце, когда-то сосланном из-за нее в дальнюю Камчатку. С великим трудом отыскивали его в одном камчадальском селении. Посланник императрицы объездил все прииски, спрашивал везде, нет ли где Шубина, но не мог ничего разузнать. Когда Шубина ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя под страхом смертной казни. В одной юрте посланник царицы спрашивал нескольких бывших тут арестантов, не слыхали ли они что-нибудь про Шубина, но никто не дал положительного ответа. Потом в разговоре с арестантами посланник упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. «Разве нынче Елизавета царствует?» — спросил тогда один из ссыльных. — «Да, вот уж который год, как Елизавета Петровна взошла на родительский престол», — отвечал посланник. — «Но чем вы удостоверите в истине?» — спросил ссыльный. Офицер показал ему подорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы. «В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами», — отвечал арестант. Его привезли в Петербург, где он был произведен «за невинное претерпение» прямо в генерал-майоры лейб-гвардии Семеновского полка и получил Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, но Шубин недолго оставался при дворе. Камчатская ссылка, где он предался глубокой набожности, совершенно расстроила его здоровье, и уже в чине генерал-поручика он просил увольнения от службы. Получив отставку, Шубин поселился в своем имении, где и умер тихо. Вот так-то.

Монах замолчал, затем бесшумно поднялся, поставил лампадку на полку возле кельи, зажег от нее свечу, трижды перекрестился на иконы и, не сказав больше ни слова, медленно, шаркающей старческой походкой удалился куда-то вглубь пещеры и там пропал из виду. Трубецкой и Анна переглянулись.

— А я только спросить хотела...

— Да-да, это же тот самый Шубин, о котором в дневниках Дубянского упоминается! — шепотом проговорил Трубецкой. — Так вот почему Досифея вспомнила о нем в разговоре с императрицей! Вот это история!

Сергей Михайлович был не на шутку взволнован услышанным и, наверное, поэтому не сразу почувствовал сквозь одежду, как к его спине приставили что-то острое, по ощущению — лезвие ножа.

— Попрошу не оборачиваться и не делать резких движений, — послышался сзади глухой, как с того света, голос.

Анна, которая стояла впереди Трубецкого, — а в узком проходе было не разминуться — вздрогнула от неожиданности и попыталась повернуться.

— Я же сказал: не двигаться, если не хотите неприятностей, — вновь послышалось сзади. Движением воздуха задуло свечу, которую Сергей Михайлович держал в руках.

Пространство вокруг них теперь освещалось лишь свечой Анны и крохотным огоньком от стеклянного масляного светильника, оставленного монахом.

— Что это значит и что вам нужно? — стараясь говорить как можно спокойнее, спросил Трубецкой. В пришельцев из потустороннего мира Сергей Михайлович не верил и, хотя в подземелье было совсем неудобно, старался сохранять самообладание.

— Где жезл? Он с вами? — ответил вопросом на вопрос тот же глухой голос.

— Какой жезл? — Сергей Михайлович все еще был настолько увлечен услышанным рассказом, что не сразу понял, о чем идет речь.

— Не валяйте дурака! Я хочу предупредить вас, что в этих пещерах полно заброшенных ходов и в случае чего вас никто и никогда не найдет. — В голосе неизвестного прозвучала явная угроза. — Вам лучше ответить на мой вопрос. Где жезл?

Возникла секундная пауза, во время которой Трубецкой лихорадочно соображал, что же ему предпринять. В этот момент где-то в глубине пещеры послышались шаги и голос человека, который, видимо, читал молитву. Слов его было не разобрать, но тихий поначалу голос постепенно приближался, и Сергей Михайлович почувствовал, как у незнакомца за его спиной дрогнула рука. Тогда Трубецкой решил действовать. Совершенно неожиданно для нападавшего он сделал короткий шаг вперед и, насколько это было возможно, — в сторону, схватил стоявший на полке масляный светильник, пригнулся и, не глядя, швырнул его назад. Лампа ударилась обо что-то твердое, раздался звон разбитого стекла. Сергей Михайлович и Анна обернулись. В отблесках вспыхнувшего на несколько мгновений пламени они увидели силуэт убежавшего по лабиринту человека, однако разглядеть его в кромешной темноте не было ни малейшей возможности. Сергей Михайлович кинулся было в погоню, но лишь успел увидеть, как в конце одного из боковых коридоров открылась и тут же захлопнулась металлическая, судя по звуку, дверь.

На поверхности, куда они выбрались через пару минут, все было тихо и мирно. Вот только монах, обычно неотлучно дежуривший у входа в пещеры, куда-то исчез...

Глава 10

В поисках Марии Магдалины

Путешествие Жоффрея де Сент-Омера и его спутников в Эфес, предпринятое по указанию Гуго де Пейна в 1128 году, было во многих отношениях удивительным. К тому времени этот некогда величественный греческий город уже несколько веков пребывал в упадке и запустении. Когда рыцари высадились с корабля, доставившего их в устье реки Каистр южнее Смирны, и, оседлав лошадей, поднялись на вершину горы Прон, их взору открылись лишь развалины в прошлом второго по значению метрополиса Римской империи. А ведь когда-то здесь жили легендарные амазонки, затем был построен сожженный Геростратом гигантский храм Артемиды, многократно пересекались пути армий греков и персов, лидийцев и ионийцев, египтян и сирийцев, Александра Великого и готов. Здесь проповедовал апостол Павел и, как свидетельствовали некоторые христианские апокрифы, именно в Эфесе после распятия Христа нашли пристанище Дева Мария и апостол Иоанн.

Рыцари объехали все окрестности города, однако поначалу им не удалось обнаружить не то что могилы Марии Магдалины, но даже следов ее пребывания в Эфесе. Ни местные пастухи, ни давитьщики масла, обитавшие в лачугах, что приютились вблизи выросшей

среди развалин оливковой рощи, ничего не знали о судьбе спутницы Христа и утверждали, что никогда не слышали о монахе-бенедиктинце по имени Иоанн Иерусалимский. Однако проживающий в соседней деревне епископ местной общины рассказал им о существовании в византийской традиции предания о том, что после распятия Иисуса Мария Магдалина действительно сопровождала Пресвятую Деву и евангелиста Иоанна Богослова в Эфес, где проповедовала, а затем и скончалась от болезни. Гробница Марии Магдалины якобы действительно находилась на окраине города, за крепостной стеной, неподалеку от таинственной могилы «семи спящих отроков эфесских», ибо такова была воля спутницы Христа. Название местности было обязано своим происхождением древней легенде. Рассказывали, что в том месте в середине II века, во времена жестоких гонений на христиан римского императора Деция, семеро молодых людей-христиан были заживо замурованы в пещере. Когда двести лет спустя при императоре Феодосии их откопали, то оказалось, что все это время они оставались живы, лишь впали в глубокий сон. Так вот, этот же епископ утверждал, что еще в IX веке при императоре Византии Льве VI Философе нетленные мощи Марии Магдалины были торжественно перенесены из Эфеса в Константинополь и помещены в монастыре Святого Лазаря. Сказанное означало, что задача храмовников значительно усложнялась: после раскола христианской Церкви на православную и католическую, который случился в 1054 году, доступ в православный монастырь членам ордена был заказан.

С этими новостями Жоффрей и его спутники отправились дальше, в Европу. Им не дано было узнать, что найти могилу Марии Магдалины рыцари ордена Храма смогут лишь в начале XIII века и что честь эта будет принадлежать тринадцатому Великому магистру ордена, наследнику древнего анжуйского рода, участнику Третьего крестового похода Филиппу дю Плесси.

Многие десятилетия рыцари Храма терпеливо ждали своего часа и не упустили возможности проникнуть в Константинополь, став частью армии крестоносцев во время провозглашенного Папой Иннокентием III Четвертого крестового похода. Так уж случилось, что поход этот оказался обращенным не против неверных, но против братьев-христиан... Весной 1204 года величественная столица Византийской империи пала под напором армии Бонифация Монферратского. Тогда город был полностью и варварски разграблен, однако монастырь Святого Лазаря до поры до времени оставался невредимым — при входе в него всякого крестоносца встречал черно-белый штандарт тамплиеров, который означал: территория занята и находится под протекцией ордена рыцарей Храма. Лучшей защиты от грабежей в те смутные времена не существовало.

* * *

15 апреля 1204 года по опустевшим, сожженным и разрушенным улицам Константинополя гордо, сохраняя боевой порядок, продвигался отряд рыцарей-всадников. Красные восьмиконечные кресты на белых плащах не оставляли сомнений — это были храмовники, представители могущественного ордена рыцарей-монахов, легендарных защитников Святой земли. Во главе отряда был сам Великий магистр Филипп дю Плесси. В отличие от всех остальных крестоносцев, которые предались безбожным грабежам столицы Византийской империи, храмовники не беспокоились по мелочам. Их путь лежал в монастырь Святого Лазаря, место предполагаемого захоронения мощей Марии Магдалины.

По прибытии в монастырь Филипп дю Плесси повелел без промедления привести к нему настоятеля. Это был старый худой грек с длинными седыми волосами и крючковатым, как у хищной птицы, носом. Живыми на его лице были только большие умные глаза, в которых не было ни страха, ни подобострастия. На худом, изможденном строгим постом и духовными практиками теле болталась черная монашеская ряса, а на груди — большой деревянный крест.

— Знаешь ли ты, кто я? — спросил его Великий магистр.

— Догадываюсь, — нехотя ответил настоятель.

— Знаешь ли ты, зачем я здесь? — последовал второй вопрос.

— Догадываюсь.

— А ты немногословен, — с угрозой в голосе сказал Филипп.

— Язык голову бережет, — смело заявил настоятель.

— Я хочу знать, правда ли то, что здесь, в монастыре, покоятся мощи спутницы Господа нашего Иисуса Христа Марии Магдалины?

Настоятель поднял глаза и с вызовом посмотрел на стоящего перед ним рыцаря.

— Ты пришел с армией, которая во имя Иисуса Христа подняла оружие против своих братьев-христиан. Ты пришел взять силой сокровище, которое тебе не принадлежит. И ты хочешь, чтобы я дал тебе это. Но этого не будет! — Ответ настоятеля прозвучал смело и твердо.

Великий магистр начал терять терпение.

— Возможно, ты не понял. Нас не интересует золото, и я не спрашиваю, где монастырская казна. Наши цели благородны — я хочу всего лишь отыскать место последнего упокоения спутницы Христа.

— Этого не будет! — упрямо повторил настоятель.

— Заберите его, — приказал Филипп своим рыцарям. — Пытать, пока не скажет правду. Тем временем — обыскать монастырь!

Настоятель умер под пытками, не сказав храмовникам ни слова. Но им все равно удалось найти тайный склеп под монастырской церковью, посередине которого стоял мраморный саркофаг, украшенный выдолбленными в камне сценами страстей Христовых. На крышке саркофага лежала удивительной красоты белая роза. По ней более чем по другим знакам поняли рыцари Храма, кто нашел здесь место упокоения...

— Благослови нас Господь наш, Иисус Христос, — вымолвил Великий магистр, подойдя к саркофагу, и перекрестился. — Божественная Мария Магдалина! — Затем он бережно взял в руку розу, подозвал четырех рыцарей и приказал им сдвинуть крышку гроба, что и было тотчас исполнено.

Но саркофаг оказался пуст.

Филипп дю Плесси опустил на колени и начал молиться. Древняя легенда, пересказанная когда-то Гуго де Пейном членам Внутреннего Храма ордена, оказалась правдой! В саркофаге Марии Магдалины, как и в Гробе Господнем, мощей не было... Значит, Ее тело тоже не принадлежит этой земле. Значит, Она, как и Он, была послана Всевышним, а после успения взята Им на небо...

В тот же час Великий магистр Филипп дю Плесси призвал всех посвященных рыцарей в подземный склеп и объявил, что отныне орден рыцарей Храма приносит также обет служения Марии Магдалине — Божественной супруге Иисуса Христа, символом которой будет белая роза.

Покидая склеп, Великий магистр едва ли обратил внимание на стоящую в углу небольшую раку с мощами, на которой по-гречески было написано: «Здесь, рядом со своей Королевой, покоится прах Иоанна Иерусалимского, монаха из Везеле». Все равно имя этого монаха ему ничего не говорило.

Вскоре после того, как тамплиеры покинули монастырь, он был разграблен и полностью разрушен менее просвещенными участниками крестового похода. В те же дни удивительные события происходили в Риме. Вечные соперники храмовников, рыцари ордена госпитальеров, доставили Папе Гонорию III бесценный дар — якобы спасенные из Константинополя мощи святой Марии Магдалины в серебряной раке. Папа принял дар и приказал захоронить их в Риме, около Латеранского дворца, в главном храме святого Иоанна Латеранского — прямо в резиденции Римских Пап, под алтарем, который сам Папа и освятил в честь спутницы Христа. Тем самым госпитальеры оказали Риму неоценимую услугу — отныне мощи Марии Магдалины, чья таинственная роль в земной жизни Спасителя не давала покоя Римской католической церкви на протяжении одиннадцати веков, упокоятся под строгим оком Святого престола. Услуга, оказанная госпитальерами, не будет забыта — именно этот орден станет в будущем правопреемником имущества и организационной структуры разгромленного ордена тамплиеров в соответствии с буллой Папы Климента V «*Vox in Excelso*», опубликованной 22 мая 1312 года. Им же будет передана парижская резиденция ордена Храма — замок Тампль.

Но все это случится в следующем столетии. А пока — после захвата и разграбления Константинополя — в Западную Европу хлынул целый поток священных реликвий типа частичек креста, на котором был распят Иисус, гвоздей, которыми было пробито Его тело, мощей самых разнообразных святых, осколков, чаш и других всевозможных предметов. Все это служило увеличению притока верующих в храмы, пожертвования на Церковь увеличивались, что не могло не радовать Святой престол. Одно только вызывало тайное беспокойство Ватикана — крепнущий день ото дня орден рыцарей Храма, которые уже тогда считали возможным говорить на равных не только с королями, но и с Римом. До их разгрома оставалось чуть более ста лет.

Глава 11

Священное женское начало

Сергей Михайлович не спешил возвращаться в Санкт-Петербург, да и Анна Николаевна ничуть не возражала против того, чтобы задержаться в Киеве. Они единогласно пришли к выводу, что после приключения в пещере честно заслуженный день отдыха им совершенно не помешает. Именно тогда, во время прогулки вдоль набережной Днепра, Шувалова вдруг призналась:

— Вы знаете, Сергей Михайлович, я в Киеве бывала не раз, но впервые мне здесь так уютно... Вообще-то, у вас прекрасный город, с удивительной, нежной и величественной аурой. А у меня есть на это чутье.

— Да, это точно сказано, — согласился Трубецкой и добавил: — Вот только тамплиеры что-то в последнее время даже здесь покоя не дают... Однако я рад, что вы так хорошо сказали о Киеве. Должен признаться вам, что мне тоже нравится Санкт-Петербург. Я

побывал в вашем городе первый раз, когда учился в школе, в 9 классе. Тогда город показался мне просто замечательным. Великолепная архитектура, чудесные парки, театры, Нева, Пушкин... Но вот когда мы возвращались домой поездом и переезжали через Днепр в ясный солнечный летний день и я увидел золотые купола Лавры и Выдубецкого монастыря, эти сказочные, поросшие вековыми деревьями кручи, то понял, что для меня нет ничего прекраснее Киева... Именно то ощущение, о котором вы говорите: уютный город с теплой аурой.

Трубецкой помолчал, затем остановился, повернулся к Шуваловой, взял ее руки в свои и, глядя ей в глаза, сказал:

— Знаете, Анна Николаевна, такие признания — это все равно что выпить на брудершафт. Считаю, что мы это сделали и предлагаю перейти на «ты». Согласны?

— Согласна, хотя, признаюсь, без настоящего брудершафта это сделать нелегко, — засмеялась Анна.

Намек был понят, и уже через полчаса они сидели в уютном ресторане на днепровской набережной и пили ароматный чай из альпийских трав. Им было очень хорошо вдвоем: так бывает, когда люди не просто симпатичны, но еще и интересны друг другу, и им действительно есть о чем поговорить. Сегодня предметом обсуждения стала удивительная икона с «Тайной вечерей» из монастырской церкви, где среди апостолов была совершенно очевидно изображена женщина — Мария Магдалина. Было хорошо известно о существовании «западной» трактовки супружеских отношений между Иисусом и Марией, однако настоящим сюрпризом для них обоих стало повторение сюжета Леонардо да Винчи в «православном» исполнении, да еще в таком древнем монастыре, как Китаевская пустынь.

— Ну не понимаю я всеобщего увлечения этой дискуссией: был ли Иисус женат? — размышлял вслух Сергей Михайлович. — Женат или не женат — разве же в этом дело! Собственно, что в этом случае имеется в виду под «женат»? Вступал ли Он в интимные отношения с обыкновенной, или, как в таких случаях говорят, тварной женщиной, с женой? Но если принять ортодоксальную доктрину современного христианства, то этот вопрос просто бессмысленный. Если Иисус — Сын Божий, то ему не нужно заниматься сексом для продолжения рода (да и зачем Ему потомство?), если же Он — человек, даже подвергнувшийся обожествлению, то какая разница, был ли он женат и были ли у него дети? Ведь обожествление отца вовсе не обязательно означает Божественное происхождение детей! Говорят, что в ответе на этот вопрос заключена тайна наследника иудейского трона... А что, иудейский трон — самый главный трон в мире? У человечества нет более важных забот, чем узнать, кто же наследник царя Давида? Но ведь иудейское царство перестало существовать чуть ли не две с лишним тысячи лет тому назад, и никто, как я понимаю, не собирается восстанавливать в Святой земле монархию...

— Вы... ты знаешь, — живо откликнулась Анна, — а я верю в другую интерпретацию этой истории, о которой где-то читала. Мне она значительно больше нравится. Говорят, что на самом деле Иисус изначально, по замыслу самого Всевышнего, пришел на землю вместе со спутницей, если хочешь — с супругой, чтобы принести людям новую весть, новое мировоззрение — о Любви как об универсальном законе бытия. *Они пришли вместе, как Посланники Силы, Великого Творца всего сущего, в котором два начала — женское и мужское — пребывают в единстве и гармонии.* Но на Земле, в реальном человеческом мире, произошел конфликт между Божественным видением гармонии и земными представлениями и предрассудками... Это нашло свое отражение и в Новом Завете, и в гностических

евангелиях как очевидный конфликт между апостолом Петром и Марией, то есть внутри самой среды носителей новой истины, а также между учениками Иисуса и внешним миром. В результате Иисус принял распятие — это мужской путь искупления, через физические страдания. Мария же продолжила свой духовный подвиг: написала Евангелие, проповедовала, заботилась о распространении учения Иисуса — это женский, духовный путь.

— Написала Евангелие? Ты имеешь в виду гностическое Евангелие от Марии?

— Да, но не только его. Я имею в виду, прежде всего, Евангелие от Иоанна, одну из частей Нового Завета.

— В каком смысле?

— В прямом. Если ты внимательно прочитаешь все четыре канонических евангелия, то легко обнаружишь, что Евангелие от Иоанна принципиально отличается от всех остальных. Его даже называют «Евангелие Любви». Именно в нем было сказано: «Сие заповедаю вам, да любите друг друга», и именно в нем содержатся идеи, которые выходят далеко за рамки простого, пусть и апостольского повествования о деяниях Иисуса Христа. Если все остальные евангелия раскрывают общедоступные стороны новозаветного учения, то Евангелие от Иоанна дает его сокровенную эзотерику.

Как оно начинается? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Редкая по философскому содержанию фраза, достойная отдельного анализа. Согласись, что так мог написать только тот, кто точно знает и чувствует себя вправе говорить о том, что же было «в начале». В крайнем случае, это мог бы быть автор Ветхого, но никак не Нового Завета, и уж точно не юный апостол Иоанн. А теперь сам вспомни — даже графическое обозначение буквы «Слово» в глаголице — очевидный символ женщины! Случайность? Или определение «Бог есть Любовь» в первом соборном послании Иоанна. Согласись, что подобные формулировки претендуют на уровень откровения, восходящего к самому Творцу... Я уже не говорю о такой малости, как тот факт, что именно на месте Иоанна на изображениях «Тайной вечери» авторы икон помещают женщину. И так видит не только Леонардо да Винчи, но и православные мастера — мы с тобой только что в этом сами убедились в Свято-Троицкой церкви.

— Хорошо, допустим, ты права. И мне, в общем-то, понятно, в чем заключалась суть конфликта между носителями новой философии и последователями ортодоксального иудаизма, в среде которых зарождалось христианство. Но из чего ты делаешь вывод о соперничестве между Петром и Марией?

— Если исходить из канонических Писаний, то наиболее заметной особенностью Евангелия от Иоанна является появление в нем образа некоего «любимого ученика», который нигде не называется по имени. Именно этот «любимый ученик» в нескольких ситуациях вызывает ревность Петра. Посмотри внимательно по тексту: во время Тайной вечери «любимый ученик» возлежит на груди Иисуса, в то время как Петр делает знак, чтобы просить ученика задать за него вопрос Иисусу: «Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припавши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?» (*Ин. 13:23—25*). Этот же «любимый ученик» допускается во двор первосвященника, в то время как Петр — нет; он же немедленно уверует в воскресение Спасителя, в то время как Петр и остальные ученики не понимают этого. «Любимый ученик» — единственный, кто признает

воскресшего Христа, когда тот говорит на берегу с учениками в их рыбацкой лодке, и так далее.

Вот еще одна, весьма показательная «сцена ревности», выписанная с удивительным количеством деталей: «Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» (*Ин. 21:20—23*).

— Но ведь, если я не ошибаюсь, в Евангелии от Иоанна «любимый ученик» — мужского пола... Более того, предпоследняя строчка текста прямо говорит, что именно этот ученик и является его автором: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (*Ин. 21:24*).

— Bravo, абсолютно точно. И при этом остается загадкой: кто же он? Почему прямо не назван? Тебе эта заключительная, весьма странная, как для евангелия, фраза не кажется искусственной? От чьего имени заявлено: «знаем, что истинно свидетельство его», если он сам его же и написал? Так вот, существует масса доказательств, что фраза эта — значительно более позднего происхождения, чем основной текст, а этим «любимым учеником» в оригинальном варианте была именно Мария Магдалина, просто потом канонический текст целенаправленно «дорабатывали». То есть сочли за большее благо никак не назвать «любимого ученика», исказить первоначальный смысл, чем согласиться с мыслью, что им могла быть женщина. Вспомни, все в том же Евангелии от Иоанна прямо говорится: «При кресте Иисуса стояли Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Мать и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Мать твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (*Ин. 19:25—27*). То есть, у креста стоят три женщины, из которых только Мария Магдалина может претендовать на статус «ученика» — вряд ли это сестра Его Матери Мария Клеопова. Теперь просто поменяй «сын Твой» на «дочь Твоя» — и все становится на место.

Между прочим, множество свидетельств в пользу этой версии содержится в гностических евангелиях, найденных в Египте, в Наг-Хаммади — ты, конечно, знаешь об этой находке. — Трубецкой утвердительно кивнул. — Так, Евангелие от Марии изображает Петра, завидующего откровениям, которые Магдалина получила от воскресшего Христа. В Евангелии от Фомы Петр говорит следующее о Магдалине: «Пусть Мария покинет нас, поскольку женщины не достойны жизни», что вообще просто не укладывается ни в какие рамки. В Евангелии от Филиппа отношения между Иисусом и Марией Магдалиной отчетливо контрастируют отношениям Иисуса с остальными учениками, ведь именно ее он любил больше всех! Вывод один: этот «любимый ученик» — Мария Магдалина. Очевидно, те, кто в IV веке потрудились над текстом Евангелия от Иоанна, постарались максимально устранить ее из окружения Иисуса, хотя совсем им это сделать не удалось: все-таки она была при распятии, первой увидела воскресение Спасителя, но это — все! Позднее ей отводилась специальная роль — грешница, блудница, из нее изгнали семь бесов, лишь затем Магдалина стала мироносицей. И при всем этом, с учетом того факта, что она первой возвестила о воскресении Христа, Римско-католическая церковь еще в XIII веке удостоила ее титула «*apostola apostolorum*», что означает «апостол над апостолами»! А в 1969 году Ватикан

официально признал, что никакой блудницей Мария Магдалина не была — выдумки все это! Об этом нет ни одного слова в Новом Завете! Нигде нет!

— Хорошо, убедила. Но давай вернемся к твоей версии «священного женского начала». Ты хочешь сказать, что Иисус и Мария имели некую специальную миссию, нечто вроде утверждения в мире философии любви и восстановления справедливости по отношению к «женскому началу»?

— Ну да! «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга» — это о чем, как не об этом? А как красиво сказано в Евангелии от Филиппа: «Любовь ничего не берет. Как возьмет она что бы то ни было? Все принадлежит ей. Она не говорит: Это — мое или: Это — мое, но она говорит: Это — твое». Посмотри, с дохристианских времен, от сотворения мира все говорит о двух гранях Всевышнего: женской и мужской. Один из древнейших религиозных и мистических символов — шестиконечная звезда — является символом этого единства, мы с тобой как-то об этом уже говорили. В Каббале развита концепция Шехины — Божественного присутствия в мире — именно как женского аспекта Бога. Шехина, также называемая Царевна, Дочь, Невеста, Мудрость и Слово Божие, — это женское начало Господа, действующее в мире.

В оригинале Библии Дух Святой — «Руах га-Кодеш» на иврите — это существительное женского рода. В арабском языке «ар-Рух» — тоже, как и на арамейском «Руха». Первые арамеоязычные христиане Палестины и Сирии называли Дух Святой «Матерью Всех Верующих и Ищущих». Этим и объясняется противоречивое, на первый взгляд, утверждение в Евангелии от Филиппа: «Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда бывало, чтобы женщина зачала от женщины? Мария — дева, которую Сила не осквернила...» Потому что *Дух Святой — это и есть женское начало!*

Древнее изречение гласит: «Каждый Адам носит в себе свою Еву». И это, конечно же, в духовном смысле. Согласись, что женщина для мужчины — это всегда врата, которые могут вести в рай, а могут — и в ад. Входя в эти врата, он может оказаться в цветущем саду, а может — на дне пропасти. Все зависит от его намерений. Ведь в сад можно проникнуть и тайком, через забор... Если же мужчина входит в эти врата с любовью, то и пропасть не страшна, и шипы на розах в саду не колются, потому что любовь и мостик построит, и от царяпин уберезет. Когда мужчина входит в женщину, ему кажется, что это его решение, его выбор. На самом деле — выбирает всегда женщина, потому что в ней — не терпящая суеты способность создавать новую жизнь, а задача мужчин — дать ей возможность для сознательного выбора, ибо эта будущая жизнь не есть частное дело двоих, но приходит в мир для всего человечества. *В этом плане человечество можно сравнить с лесом, в котором корни всех людей-деревьев тесно переплетены. То есть когда смотришь сверху, то на первый взгляд — каждый сам по себе, а копнешь вглубь — все друг с другом связаны и каждое новое растение становится частью всего леса.*

Бердяев писал, что мужчина через женщину связан с природой, космосом, вне женского он будет напрочь отрезан от души мира... Женщина же вне связи с мужским тоже не была бы вполне человеком, в ней слишком сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная. Вспомни, как сказал апостол Павел в Послании к ефесянам: «Муж есть глава жены... Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика». Обрати внимание: муж есть глава жены, но именно он, а не она «оставит отца и мать и прилепится к жене своей». *Взаимоотношения между*

мужчиной и женщиной, и в первую очередь духовные, а не физические, по изначальному Высшему Замыслу, являются внутренним основанием сотворения мира.

Однако при этом в самых базовых понятиях ортодоксального христианства незаметно так, аккуратненько было заложено предопределение о «греховности» физических отношений между мужчиной и женщиной — *непорочное зачатие*. То есть существует только одно *не* порочное зачатие — Девы Марии от Святого Духа, а все остальные зачатия получаются — *порочные*. Это просто удивительно, как тонко, одним штрихом, было имплантировано представление об изначальной греховности женщины, а отсюда и пошли все эти средневековые бредни о «ведьмах» и «сосудах греха». Святой Исаак Сирианин в VI веке вещал: «Если принужден говорить с женщинами, отврати лице от зрения их, и так беседуй с ними... Лучше тебе принять смертоносный яд, нежели есть вместе с женщинами, хотя бы это будет мать или сестра твоя». Но разве не сам Всевышний сразу создал мужчину — мужчиной и женщину — женщиной и не сказал им: «Плодитесь и размножайтесь»? И вовсе не обязательно было в VI веке подправлять подлинную доктрину христианства, которая заключается в даровании человечеству Любви как философии существования. *И если Бог дал людям Любовь и они соединяются по любви, никакого порока в их отношениях нет!* В одной из неканонических рукописей есть место, где говорится: «Спросили Иисуса: Когда придет Царствие Божие? И Он ответил: Царствие Божие уже пришло тогда, когда двое перестали быть двумя и стали едины...»

Между прочим, в духовной сфере именно женщина есть сильный пол. Одни толкователи объясняют библейское повествование о грехопадении тем, что сатана выступил перед Евой как перед «слабым полом», самой уязвимой частью человека в целом. Другие считают, что как раз наоборот: Ева подверглась искушению как высшее, духовное начало человеческой природы и именно в этом начале прежде всего надо было уязвить человека. Когда самый восприимчивый, самый важный для общения между Богом и человеком канал приведен в расстройство, остальное совершается само собой. Кстати, это очень характерно проявляется у иудеев: мужчины не могут молиться в одиночку, им нужно собрать «миньян» — десять человек, чтобы молитва была услышана Всевышним, а женщина может молиться и одна — ее голос будет услышан там, наверху.

Наступила пауза.

— Я просто сражен, — сказал Трубецкой. — Потрясающая речь. Я никогда не был женоненавистником, но после таких аргументов просто хочется активно заняться развитием собственного женского начала.

— Лучше сделать это безотлагательно, — засмеялась Анна, — так как небезопасные прецеденты уже бывали в истории, в том числе — российской. К примеру, тирания Петра I привела к уродливой гипертрофии мужского начала, насилующего женскую природу нации. Поэтому в последующую эпоху маятник качнулся в другую крайность: XVIII век после Петра оказался «бабьим веком», когда первые роли, как положительные, так и отрицательные, играли на троне женщины. Мужчинам отводились эпизодические роли фаворитов или слуг венценосных дам, а ведь все должно быть в гармонии.

— Я вот думаю, учитывая то, что ты сейчас сказала: что же помешало Досифее — Дарье Тяпкиной — во время «бабьего века», когда вся власть в России пребывала в нежных женских руках, просто взять да и уйти в женский монастырь? Страх, что родственники найдут, как гласит официальная версия? Или завет с Всевышним, как сказал нам этот

странный монах? Или все-таки что-то другое? — Трубецкой размышлял вслух, понимая, что ответ на этот вопрос найти нелегко.

— Трудно сказать. Но мне кажется, ее вела другая сила, значительно более мощная, чем страх, ведь, согласись, хорошенькой девочке в пятнадцать лет самой уйти в мир, где повсюду царит насилие, — это уже поступок, даже если за этим стоит несчастная любовь. Я, как женщина, понимаю ее чувства, побудившие сделать первый шаг, однако склонна думать, что основная причина кроется все же в духовной сфере. Очевидно, ей по замыслу свыше была уготована особая роль, несравнимо более важная, чем спасение Алексея Шубина. Знаешь, как в Евангелии от Фомы Иисус ответил на требование Петра, чтобы Мария покинула их, «поскольку женщины не достойны жизни»? Иисус сказал: «Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала *духом живым, подобным вам, мужчинам...*» Понимаешь, «духом живым, подобным вам, мужчинам»? Вот Досифея и стала таким живым духом, и за этот подвиг — она смогла не только пожертвовать мирской жизнью и преодолеть свое естество, но и пройти через мужское перевоплощение, соединив эти две части в духовной гармонии, — по Божественному замыслу и открылся ей дар предвидения, и были даны силы для небывалых духовных подвигов.

— Послушай, — вдруг сказал Сергей Михайлович. — Господи, у меня прямо мороз по коже пошел... Я, как ты знаешь, не историк, а лингвист. У меня в голове постоянно крутятся все эти тамплиеры, священный Грааль, священное женское начало, Мария Магдалина... А знаешь ли ты, что прозвище «*Магдалина*», которое носила Мария, означает «*уроженка города Мигдал-Эль*»? Кстати, это реальный город, находившийся на западном берегу Тивериадского озера, теперь там арабская деревушка Эль-Маджелъ. Так вот, и на древнееврейском «*migdal-el*», и по-арамейски «*magdala*» означает одно и то же — «башня Божия», причем «башня» в этом случае — это то же самое, что и «высокое место»... То есть фактически буквальное значение топонима «Мигдал-Эль» понимается как «высокий храм» или «храм на высоком месте», а это ведь не что иное, как «*temple*» — «темпл» по-английски или «тамплъ» по-французски. Понимаешь? Не отсюда ли пошло название «тамплиеры», от имени того, кому они поклялись служить, — Марии Магдалины?

Кроме того, если Мария Магдалина — это Мария «из высокого храма», то это может указывать не просто на ее высокое происхождение, но происхождение, связанное с высокой духовностью, даже божественностью, а ее отношения с Иисусом могут трактоваться как «*hieros gamos*» — священный брак в его древней трактовке — между «королем, который представляет Бога», и «жрицей, которая представляет Богиню храма». Само имя ее — прямая подсказка на Божественный союз Иисуса и Марии...

Глава 12

Открытие «сезона охоты»

После чая, который плавно перешел в обед, Сергея Михайловича вдруг осенило.

— Послушай, ты говорила, что не в первый раз в Киеве. А тебе приходилось раньше бывать в Кирилловской церкви — одном из древнейших храмов, сохранившихся со времен Киевской Руси? — спросил он Анну Николаевну.

Шувалова отрицательно покачала головой.

— Нет? Тогда давай съездим прямо сейчас. Я думаю, нет, я абсолютно уверен: ты будешь просто в восторге.

По дороге Трубецкой взял на себя роль гида.

— Кирилловская церковь была построена в середине XII века черниговским князем Всеволодом Ольговичем и его женой Марией Мстиславовной. Сам-то князь только начал строительство, построил деревянную церковь, а уже после его смерти Мария Мстиславовна возвела каменный храм с целью создать там семейную усыпальницу. Ныне эта церковь знаменита не только тем, что в ней, по преданию, были похоронены несколько князей, и даже не тем, что под ней была обнаружена система пещер с древними захоронениями наподобие лаврских. Наиболее же известным фактом является то, что в конце XIX века после масштабной реконструкции ее расписывал сам Михаил Александрович Врубель, тогда еще молодой художник. И не просто расписывал — там имеется несколько выдающихся его работ. Я хочу, чтобы ты их увидела.

Имя Врубеля, одного из гениальных русских художников, судьба которого была тесно связана и с Санкт-Петербургом, где он учился в Академии художеств, и с Москвой, где он долго жил и работал, и с Киевом, где он создал свои величайшие произведения, произвело впечатление на его собеседницу.

— Врубель как-то сказал: «Какой же прекрасный, однако, Киев! Я очень люблю Киев. Сожалею, что тут не живу...», — продолжал Трубецкой. — Здесь он начал писать своего «Демона». Представляешь, какая мистическая судьба у этого художника: именно в Киеве, вновь посещая Кирилловскую церковь в 1902 году, он произнес пророческие слова: «Вот к чему мне стоило бы вернуться...» — и через некоторое время оказался в больнице для душевнобольных...

— Что ты имеешь в виду? — переспросила Анна. — Я как-то не вижу связи...

Они подъехали к церкви и вышли из машины.

— А дело в том, что Кирилловская церковь находится на территории больницы для людей с психическими расстройствами, которая существует здесь уже больше двухсот лет. Вот так-то. Но это не все. Две основные иконы иконостаса — Иисуса и Богородицу — он нарисовал «слепыми», то есть без зрачков, — это такой специальный прием, благодаря которому глаза кажутся бездонными. А под конец жизни Врубель ослеп. Вот и понимай это как хочешь.

Трубецкой и Шувалова поднялись по ступеням к церкви, но та уже оказалась закрыта. К счастью, служащие еще были в здании, и Трубецкому удалось, хотя и не без труда, уговорить их впустить двух запоздалых туристов.

Тем, кто еще не побывал в этом храме, можно искренне позавидовать. Великолепное, восхитительное открытие у них впереди. Древние фрески, совершенно неканонические и оттого еще более проникновенные лики святых как будто подчеркивают почти сказочный, написанный Врубелем и встроены в мрамор иконостаса. Необыкновенная энергетика этой церкви ощущается не только под центральным куполом, но и в нартексе. Сергею Михайловичу не терпелось показать Анне второй, тоже частично расписанный Врубелем этаж, — он, собственно, ради этого ее и привез сюда, — но она была настолько очарована древними фресками, что Трубецкой набрался терпения и дал ей возможность сполна насладиться этой жемчужиной в короне киевских церквей. Наконец они поднялись по крутой

лестнице наверх, на хоры церкви. Именно там находится написанная Врубелем фреска «Сошествие Святого Духа».

Эта величественная композиция — не просто непревзойденное по мастерству творение великого художника. Это совершенно другой, каким только и должен быть у настоящего мастера, взгляд на мир. Шувалова села на стульчик, подняла глаза и долго-долго не могла оторвать взгляд от великолепной работы Врубеля. Сергей Михайлович присел рядом. Он-то был здесь не в первый раз, но всегда с удовольствием приходил снова и снова.

— Сережа, это просто невероятно, — наконец произнесла она шепотом. — Апостолы здесь — они ведь живые... Эти лица написаны так, будто знакомы тебе с детства...

— Это и неудивительно. Говорят, что Врубель писал их с известных киевлян, то есть с реальных живых людей. Они не обезличены, как классические иконы. Он вообще был известен свободомыслием в изображении святых. Взгляни сюда, тут сверху хорошо все видно. — Они встали и подошли к краю балюстрады. — Он даже Богородицу на иконостасе написал с конкретной женщины, в которую был влюблен. Но я хотел бы, чтобы ты обратила внимание на другую особенность этой фрески. — Они снова вернулись к созерцанию «Сошествия Святого Духа». — Смотри: апостолов, как и должно было быть, — двенадцать. То есть тут уже учтено, что вместо предателя Иуды, который, как известно, впоследствии удавился, был выбран новый апостол — Матфий. Ведь по Библии сошествие Святого Духа случилось на иудейский праздник Пятидесятницы, то есть уже после распятия, воскресения и вознесения Иисуса. Но вот женская фигура в центре фрески — это очень любопытно... Традиционная трактовка такова, что это Дева Мария, Богородица. Однако на этот счет лично у меня имеются кое-какие сомнения.

Ведь если подумать об этом с точки зрения элементарной логики, то совершенно непонятно, почему Святой Дух должен был повторно «нисходить» на Пресвятую Деву, ведь она вроде как уже была им осемена, когда свершилось непорочное зачатие. Кроме того, ей на момент описанного в Новом Завете собрания апостолов должно было быть как минимум за пятьдесят лет, а на этой фреске она представлена молодой женщиной. И, наконец, насколько мне известно, на значительной части канонических православных икон, изображающих сошествие Святого Духа, Богородица отсутствует. В то же время на некоторых, особенно католических, она как раз, наоборот, является центральным образом. Можно, конечно, подумать, что Врубель писал свою работу под влиянием поездки в Венецию, где он изучал разные техники иконописи, однако у меня и на это свой собственный взгляд. Смотри, — Трубецкой обратил внимание Анны Николаевны на повсеместно встречающиеся на стенах церкви образы ангелов и архангелов, — у них у всех — абсолютно у всех! — в руках жезл и сфера — нечто вроде скипетра и державы, символов власти. Так вот, — продолжил он почти торжественно, — это довольно древние символы, и скипетр олицетворяет мужское начало, а сфера — женское! Такие же изображения встречаются, например, в древнейших церквях на территории современных Турции и Сирии, то есть именно там, где создавались первые христианские общины.

Мне кажется, что безнадежно влюбленный в тот период художник подсознательно или по велению свыше, а это, по сути, одно и то же, выразил именно ту мысль, о которой мы с тобой сегодня уже говорили и которая, по-видимому, была неотъемлемой частью верований первых христиан: *женское начало изначально присутствует в Божественном промысле!* Поэтому женская фигура в центре его монументальной фрески — это скорее собирательный образ женского начала как отражение Святого Духа, если не сам Святой Дух в процессе его

«сошествия» на апостолов. Ведь в христианстве, особенно в католицизме, фигура Богородицы гипертрофирована, она как бы отражает то основное предназначение, которое Церковь отводила и продолжает отводить женщине — скромность, послушание, продолжение рода. Отсюда и строжайшее католическое воспитание, и запрет на прерывание беременности, и целибат, и так далее, но при этом, как бы в виде компенсации, превозносится роль и облик женщины-матери, Святой Девы Марии — Богородицы. Хорошо, что хоть в православной традиции, которая мне ближе, женская, если можно так выразиться, компонента, значительно богаче по своему духовному содержанию, чем в католицизме. Кстати, а ты знаешь, что Мария Магдалина изображена в ряду местного чина икон на иконостасе кафедрального Владимирского собора в Киеве — там, где помещают образы самых почитаемых святых? Вот так-то!

Трубецкой и Анна вышли из церкви. Шувалова, несомненно, была искренне взволнована тем, что им довелось увидеть.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Это было великолепно и совершенно неожиданно. — Она ощущала какой-то особенный душевный трепет, но почему-то стеснялась признаться в этом Трубецкому.

Тем временем наступил вечер, и Сергей Михайлович с удовольствием вызвался проводить Анну до гостиницы. Завтра им нужно было возвращаться в Санкт-Петербург, поэтому Трубецкой хотел подольше побыть со своей очаровательной спутницей и — чего греха таить — поухаживать за ней. Вообще-то, после нескольких неудачных попыток обустроить свою личную жизнь, последняя из которых была предпринята несколько лет назад, он с опаской относился к новым возможным вариантам, однако Анна Николаевна Шувалова была просто восхитительна — и как коллега по работе, и как собеседник, и как женщина.

Они вернулись в центр города, оставили машину на Трехсвятительской, прогулялись по Владимирской горке, затем спустились вниз на Крещатик, к гостинице. Сергею Михайловичу ужасно не хотелось расставаться с Анной, но и навязывать свое общество дамам он не умел. Прощание с дежурно звучащими в таких случаях пожеланиями «спокойной ночи» вышло скомканным. «Да, Казанова из меня никудышный, — с досадой подумал в тот момент Трубецкой, — в церковь даму пригласил, про иконы рассказал, а вот цветы купить не догадался...» Он был уже на полпути к парковке, когда на его мобильный телефон позвонила Анна.

— Прошу тебя, возвращайся. — Ее голос, только что такой умиротворенный, теперь дрожал. — Десятый этаж. Номер 1008. У меня тут кто-то побывал...

Трубецкой кинулся назад и уже через несколько минут вихрем влетел в номер, который напоминал Иерусалим после взятия его крестоносцами. Все было перевернуто вверх дном, вещи разбросаны, даже в ванной царил хаос.

— У тебя было что-то ценное? Ты все проверила? Что-то пропало? — Трубецкой был просто вне себя от волнения.

— Да нет, я же всего на несколько дней в Киев, взяла только самые необходимые вещи, я даже представить себе не могу, кому это нужно...

— Дикость какая-то... Сколько я путешествовал, ни в одной стране такого не видел! Мне так стыдно, что это случилось в Киеве. Я сейчас вернусь... — Сергей Михайлович выскочил в коридор.

К его удивлению, администратор гостиницы не стал утверждать, что «вы сами виноваты, оставили номер без присмотра» или что-то в таком же духе, то есть уходить от ответственности в стиле «совка», а сразу принес свои извинения и предложил компенсировать ущерб — в разумных, конечно же, размерах. При этом он заверил, что в их гостинице этот случай — первый за много-много лет, сведений о жильцах ни по телефону, ни каким бы то ни было другим способом они никому не дают, а система безопасности является самой современной и вполне соответствующей европейским стандартам. По мнению администратора, случилось нечто просто из ряда вон выходящее, и поэтому он предложил вместе и не мешкая просмотреть записи, сделанные камерой наблюдения, которая работает круглосуточно. Тем временем Анна убедилась, что ничего из ее вещей не пропало, навела на скорую руку порядок и присоединилась к ним.

Идея с просмотром записи оказалась чрезвычайно плодотворной. На записи, сделанной днем, было явно видно, как появившийся на этаже мужчина, лица которого, к сожалению, было не разглядеть, поскольку оно было закрыто шапочкой с прорезями для глаз, подошел к дверям номера 1008, достал какое-то компьютерное приспособление, поколдовал возле электронного замка секунд тридцать, открыл дверь и вошел в номер. Он же вышел из номера примерно через час и более в поле зрения камеры наблюдения не попадал. Поскольку в этот день других случаев проникновения в номера зарегистрировано не было, Трубецкой сделал вывод, что вор имел целью попасть именно в номер Анны Николаевны Шуваловой. Но зачем? Вдруг его осенила догадка.

— Скажи, а ты кому-нибудь говорила, где ты в Киеве остановилась? — спросил он Анну, когда они снова остались вдвоем.

— Только Артуру Бестужеву, он звонил мне на мобильный телефон сегодня утром, спрашивал, какие планы, есть ли что новенькое по нашему расследованию.

— Вспомни, это очень важно: ты называла ему гостиницу и номер комнаты?

— Конечно, называла. Он спросил, как мне перезвонить на городской номер, чтобы не тратиться на роуминг. Ну, я и сказала телефон гостиницы и номер комнаты. Правда, он почему-то так и не перезвонил... Больше я ни с кем на эту тему не разговаривала, это точно.

— И, надо думать, о наших сегодняшних планах на день он был осведомлен?

— Разумеется, я не видела необходимости их скрывать.

Трубецкой был озадачен. Поверить, что Артур имеет отношение к этой дикой выходке? Но в чем смысл? Для чего Артуру мог понадобиться отъезд Анны из Петербурга? Чтобы потом организовывать взлом ее номера в гостинице?

Была уже поздняя ночь. Сергей Михайлович договорился с администратором о предоставлении Анне другого номера — в целях безопасности. С тем они и расстались до завтра в надежде, что сюрпризов больше не будет. Однако рано утром Анне Николаевне позвонили на мобильный с пульта охраны из Санкт-Петербурга и сказали, что этой же ночью была попытка взлома ее квартиры. К счастью, сработала сигнализация, и воры ретировались несолоно хлебавши. Тем не менее ей порекомендовали срочно вернуться домой и на всякий случай сменить код доступа. Трубецкой прокомментировал это с долей черного юмора: «Похоже, что “сезон охоты” открыт!» Оставалось выяснить объект «охоты», и именно этот вопрос стал предметом его размышлений всю дорогу до Санкт-Петербурга. Факты же говорили о следующем.

Во-первых, жилище Шуваловой — как постоянное, так и временное — стало предметом воровского внимания вскоре после того, как в ее руках оказался пресловутый жезл. И ведь

именно жезл интересовал неизвестного, напавшего на них в китаевской пещере... Вторых, тот факт, что жезл хранится у Анны, был известен очень узкому кругу лиц, в первую очередь — Артуру Бестужеву. Трубецкой вспомнил, как болезненно Артур воспринял решимость Анны забрать жезл на хранение. Еще раньше — как удачно они нашли бывшую дачу Дубянского. Вероятность такого случайного совпадения была просто ничтожной, а за рулем-то был Артур, он же и место, где она располагалась, назвал сразу и безошибочно... Потом — не совсем адекватное поведение Бестужева на самой даче. Еще раньше — сам факт приглашения Трубецкого в Санкт-Петербург. Честно говоря, петербургские специалисты и сами прекрасно справились бы с разбором дневников духовника Елизаветы, тут вовсе не требовалась экспертиза профессора, специалиста по древним рукописям Трубецкого. Но гость из Киева оказался как нельзя кстати, когда потребовалось увезти Анну из города... Что-то во всем этом было не так, и это «не так» было связано с Артуром Бестужевым. Сергей Михайлович решил пока никому ничего не говорить, однако на всякий случай быть начеку. Он только мягко попытался убедить Анну все же перепрятать жезл в более надежное место, но она его успокоила.

— Сережа, если бы ты знал, что такое женский шкаф для обуви, ты бы не волновался. Жезл там не найдет и дюжина воров — им просто никакого времени не хватит перебирать все коробки.

Глава 13

Заговор

После отъезда Жоффрея де Сент-Омера с двумя рыцарями в Эфес Гуго де Пейн немедленно начал готовиться к путешествию в Рим. Он ждал этого часа уже много лет, и все должно было быть тщательно продумано. Прежде всего предстояло решить, как быть с найденным сокровищем. После предупреждения старика иудея о том, что Меркабу нельзя забирать из Храма, он никак не мог решиться взять кристалл с собой, но и ехать с пустыми руками было совершенно невозможно. Он сидел один в своей келье и предавался размышлениям, когда раздался громкий и настойчивый стук в дверь.

— Откройте посланнику его святейшества Папы Гонория II кардиналу Бьянчелли! — раздавался громкий голос из-за двери.

Великий магистр поднялся, подошел к двери и отворил ее. На пороге в сопровождении слуги стоял тучный, важного вида кардинал, одетый в атласную малиново-красную с белым подбоем мантию и красную же широкополую шляпу. Гуго де Пейн был очень удивлен такому визиту, однако склонил голову в знак приветствия и жестом пригласил кардинала войти.

— Прошу, ваше преосвященство, — сказал он. — Ваш приезд — это честь для ордена бедных рыцарей Иисуса Христа.

— Ну не таких уж и бедных, — пробурчал кардинал, войдя в келью. Оглядевшись, он присел в единственное кресло. Трудно было понять, к чему относилось его замечание, поскольку обстановка в келье была монашеская и состояла лишь из грубо сработанных местным плотником стола, кресла и ложа. Единственным украшением кельи служило большое распятие, висевшее на стене, и бронзовый светильник, найденный при раскопках в Храме.

— Чем могу служить его святейшеству? — Гуго де Пейн остался стоять перед посланником римского престола.

Кардинал не спешил с ответом. Его маленькие глазки на обрюзглом лице буравили взглядом Великого магистра.

— В Риме хотят видеть тебя с отчетом. Орден существует уже несколько лет, а ты до сих пор ни разу не посетил Ватикан. Монашествующим рыцарям не к лицу такая гордыня! Что ищете вы в недрах Храмовой горы? В Европе ходят слухи о необыкновенных сокровищах, которые вам удалось там найти. Какие тайны скрывает орден от всевидящего ока Святого престола?

— Уверяю вас, ваше преосвященство, члены ордена верны своей клятве денно и ночью служить Иисусу Христу, — смиренно отвечал Гуго де Пейн. — Только на это и направлены все наши деяния и помыслы, — добавил он, сделав ударение на слове «все». Но затем сменил тон, выпрямился и уже с металлом в голосе произнес: — Однако отчет мой предназначается только для ушей его святейшества лично. Я намереваюсь предстать перед его очами еще до конца года. Прошу вас так и передать в Рим.

Он дал понять, что разговор окончен.

Лицо кардинала налилось кровью. Этот рыцарь мог бы проявить больше уважения к папскому посланнику! Кардинал вскочил с кресла, однако ничего не сказал и, пыхтя и раздуваясь, почти выбежал из кельи. Он явно ожидал другого приема, однако дерзкое поведение Гуго де Пейна укрепило его подозрение: орден рыцарей Храма совсем не так прост, как кажется, и с ними нужно держать ухо востро...

Великий магистр был благодарен судьбе за этот неожиданный визит. Он вдруг понял, как убедить Папу предоставить храмовникам свободу действий и торговые привилегии, на основе которых орден построит свою империю, не замкнутую в национальных границах и не подчиняющуюся ни светской, ни духовной власти. *Этой цели может послужить любая таинственная находка — и никакого значения не имеет, о чем именно идет речь, лишь бы она была способна вызвать опасения со стороны иерархов Церкви.* «Достаточно будет даже просто правильно преподнести Папе то, что рассказал нам тогда ночью Иоанн Иерусалимский и подтвердить, что в руках ордена находятся доказательства слов монаха, — размышлял Великий магистр. — Кристалл брать с собой нельзя, но и невозможно явиться в Ватикан с пустыми руками». И тогда он решился на рискованный шаг. Однажды к нему были тайно приглашены мастера, которые изготовили точную копию ларца, в котором хранилась Меркаба. Именно этот ларец позже отправится с ним во Францию и Рим и будет неотлучно находиться под охраной рыцарей Храма. Вот его-то и можно продемонстрировать в случае необходимости несговорчивому Папе. Однако никто не должен был знать, что настоящий ларец с кристаллом останется в Иерусалиме.

Но это была только часть плана. Великий магистр понимал, что легенда о девяти рыцарях-защитниках Святой земли годится для простолюдинов, а для того чтобы говорить с Папой и европейскими монархами на равных, в первую очередь следует многократно увеличить число членов ордена, привлечь в их ряды представителей самых влиятельных семейств Европы. Затем — создать систему командорств, которые были бы форпостами, глазами и ушами храмовников и в которых аккумулировались бы необходимые средства. И только имея все это, можно будет по-настоящему побороться за власть.

Сказано — сделано, и уже в скором времени в орден были приняты среди прочих такие выдающиеся аристократы того времени, как Фульк Анжуйский, отец Жоффрау Плантагенета, и граф Гуго Шампанский. Пример последнего произвел особенно сильное впечатление на самые богатые дома Европы, поскольку граф Шампанский внезапно развелся с женой, оставил свое мирское богатство и власть и отправился в Иерусалим, чтобы соединиться с тамплиерами под руководством Великого магистра Гуго де Пейна, который ранее был всего лишь одним из его вассалов. Многие ломали голову над вопросом, что же заставило графа решиться на такой шаг, и не находили ответа.

Разгадка же была достаточно проста. К тому времени уже повсеместно в Европе распространились слухи о якобы найденном рыцарями Храма в Иерусалиме священном Граале — усыпанном драгоценными камнями сосуде, о котором говорили, что он «сияет столь ослепительно, что пламя свечей меркнет рядом с ним». Блаженные при церквях рассказывали, что из этого сосуда Иисус пил вместе с учениками во время Тайной вечери со словами «сие есть кровь Моя», а после ареста Спасителя он якобы сначала был передан Пилату, а позже наполнен кровью распятого Иисуса Христа и сохранен членом синедриона Иосифом Аримафейским. Отменные связи новых именитых членов ордена способствовали быстрому распространению легенд о рыцарях Храма среди аристократии, и любые ассоциации с орденом стали рассматриваться как соприкосновение с тайной Грааля. Все это как нельзя лучше способствовало воплощению в жизнь плана Великого магистра, который вовсе не спешил развеивать эти слухи.

Вскоре усилия Гуго де Пейна увенчались грандиозным успехом. На сторону ордена встал сам Бернар из Клерво (позднее канонизированный католической церковью как святой Бернар), который пользовался очень большим влиянием в Риме. С его помощью 14 января 1128 года в Труа был созван собор, на котором храмовники провозгласили свой призыв к европейскому рыцарству:

«Прежде всего мы обращаемся ко всем, кто, желая с истинной храбростью послужить рыцарству Вышнего Царя, усердно жаждет облечься и облакаться навеки в преблагородные доспехи повиновения. И мы призываем вас, кто до сей поры принадлежал к мирскому рыцарству, к коему Иисус Христос не имеет никакого отношения, но которое вы избрали лишь ради мирского благополучия, последовать за теми, кого Бог выделил из множества обреченных на погибель, предназначив в своем милосердии к защите святой Веры, и поспешить присоединиться к ним.

Итак, ко всеобщей радости и всеобщему братству молитвами магистра Гуго де Пейна, коим милостью Божией положено начало вышеназванному рыцарству, мы собрались в Труа из разных провинций по ту сторону гор на праздник господина нашего святого Илария в год от Воплощения Христова 1128, в девятую годовщину возникновения вышеупомянутого рыцарства. И об обычае и установлении рыцарского ордена мы услышали на общем капитуле из уст названного магистра, брата Гуго де Пейна. И сознавая всю малость нашего разума, мы то, что сочли за благо, одобрили, а то, что показалось неразумным, отвергли...»

Так был принят устав ордена, в котором вся жизнь будущих рыцарей-монахов расписывалась до мелочей. После собора Гуго де Пейн и Жофfrey де Сент-Омер разъехались по разным странам, чтобы призвать под свои знамена новых членов, и весьма преуспели в этом. Вскоре, как и было предусмотрено планом Великого магистра, орден уже мог собрать небольшую армию, а по всей Европе были созданы его представительства —

командорства. Но все это было бы невозможным без согласия Папы Гонория II, которого Гуго и Жоффрей тайно посетили перед самым собором в Труа. История умалчивает о деталях их беседы. Однако известно, что после этой встречи Святой престол не только не препятствовал деятельности храмовников на протяжении почти двух столетий, но и предоставил им немислимые по тем временам полномочия и привилегии: подсудность лишь Папской курии, изъятие из-под юрисдикции местных феодалов, освобождение от уплаты церковных налогов, специальные права на торговые сделки. Храмовники получили право строить свои церкви, иметь свои кладбища, их не могли отлучить от Церкви, они же получили право снимать наложенное Церковью отлучение, а десятина, которую они собирали сами, полностью поступала в казну ордена. У ордена рыцарей Храма появилась своя полиция и свой трибунал. Неудивительно, что при таких правах орден быстро стал необыкновенно богат и влиятелен. Его центр находился в Иерусалиме, а подаренные ордену земли и замки можно было встретить во Франции, Англии, Шотландии, Испании, Португалии, Венгрии, Ирландии и в других странах. Но тот же самый Ватикан, который способствовал храмовникам во всем, в лице Климента V с удовольствием разделался с ними в начале XIV столетия...

Гуго де Пейн скончался в возрасте шестидесяти шести лет. Перед смертью он завещал своим посвященным братьям свято оберегать тайну ордена: отныне от магистра к магистру переходил жезл, которым была запечатана найденная в развалинах Храма Соломона реликвия и медальон с символом Адама Кадмона. Так же — от магистра к магистру — передавалось тайное знание о двух ларцах: один из них — пустой — был положен на хранение в командорстве храмовников в Труа. Настоящий же ларец не покидал — до поры до времени — Святой земли. Дух старца, который когда-то раскрыл тайну кристалла Гуго де Пейну, теперь оберегал его под бдительным оком рыцарей Храма.

* * *

— Орден становится слишком влиятельным, Ваше Величество. Их земельные владения простираются от Португалии до Венгрии, система командорств покрыла всю Европу и Святую землю, их армия и флот хорошо обучены и оснащены. Нельзя допустить, чтобы орден подменил собой светскую и духовную власть!

Разговор происходил среди бела дня, однако в комнате, где находились собеседники, было темно — свет едва проникал через плотно задернутые тяжелые шторы.

— Ваше преосвященство, но ведь общеизвестно, что Рим сам сделал возможным такой порядок вещей. Именно Церковь предоставила немислимые льготы и привилегии храмовникам, что же вы теперь хотите от власти короля?

— В наших с вами силах уже сегодня создать предпосылки для будущего разгрома ордена.

— Разгром тамплиеров — это очень опасная затея. Дело не в их военной мощи и даже не в деньгах. Тамплиеры — это легенда, символ, их организация окутана тайной, все говорят о том, что орден владеет тайными знаниями и магическими предметами. Речь идет чуть ли не о священном Граале! Арест членов ордена может привести к духовному расколу, к волнениям в народе и даже войнам...

— Вы абсолютно правы, Ваше Величество. Нам необходимо тщательно подготовиться. Вот наш план: вскоре по всем приходам будет разослано указание не препятствовать распространению в пастве еретических слухов о якобы чудом обретенных в одном небольшом городке на юге Франции мощах святой Марии Магдалины, спутницы Иисуса Христа.

— И в чем же ересь? Ведь Мария Магдалина приобщена Святым престолом к лику святых...

— А ересь будет заключаться в том, что на площадях и в трактирах вдруг начнут говорить о том, что Мария Магдалина была не просто Его спутницей, но супругой Спасителя.

— Что?! Падшая женщина, грешница — супруга Иисуса Христа? Это ведь даже не ересь, это просто кощунство! И это предлагаете вы, ваше преосвященство!

— Подождите, Ваше Величество! Прошу вас, выслушайте меня терпеливо. Я же сказал, что это — ересь, с которой мы готовы бороться, не зная пощады. Пусть появится легенда о том, что Иисус и Мария были женаты и, прости меня Господи, — говоривший при этом перекрестился, — у них были дети, которых Мария привезла во Францию, спасаясь от гонений на христиан. Затем Мария якобы проповедовала в Марселе и, мирно скончавшись, была похоронена в аббатстве Сент-Максимин. Мы уже приказали бенедиктинскому монастырю в Везеле провозгласить чудесное обретение мощей святой Марии. Разумеется, в монастыре мощи почитаемой Церковью святой будут перезахоронены со всеми подобающими почестями. Более того, будет найден тот самый сосуд, из которого Мария брала благовония, чтобы намазать ноги Иисуса Христа перед тем, как вытереть их своими волосами. Чем больше реликвий, которым можно поклоняться, будет представлено толпе, тем лучше.

— Но зачем это все? Какой прок?

— Учтите, нам известно от сестры одного из посвященных рыцарей, члена их Внутреннего Храма, что тамплиеры тайно поклялись служить Марии Магдалине, которую они почитают за Божественную супругу Спасителя нашего Иисуса Христа — то есть они поддерживают ересь! А расправа с еретиками — это богоугодное дело!

— Но ведь ее мощи захоронены, насколько я знаю, в Латеранском соборе Ватикана. Об этом многим известно. Сам Гонорий III освятил в ее честь алтарь, и это было сделано публично...

— Вы, разумеется, правы, Ваше Величество, и мы не откажемся от святыни, что захоронена в резиденции Папы Римского. Однако нам ничто не мешает объявить, что не все мощи столь почитаемой святой покоятся в Риме. Мы признаем принадлежащие ей мощи, разделенные на части и хранящиеся теперь в Провансе, близ Марселя. Там и храм в ее честь воздвигнут.

— Вы меня совершенно запутали!

— В этом и состоит наша цель: запутать все так, чтобы любой факт имел несколько толкований, тогда все будет зависеть от того, что скажет верховный судья. А судьи — это властители мирские и духовные, которые всегда договоятся. Как мы с вами. Но это еще не все. Что вы скажете, если частью будущей легенды станет основание династии французских королей именно наследниками по крови Иисуса и Марии?

Наступила пауза.

— Это уж слишком...

— Но разве Франция, которая столько сделала для спасения Гроба Господня и освобождения Святой земли от неверных не заслужила немного «божественной» крови для своих монархов?

— Не богохульствуйте, иначе накличете беду на французский трон!

— Предлагаю начать с герцога Годфрида Бульонского — кому, как не ему, освободителю Иерусалима, следует стать одним из представителей Божественной династии? Пусть это будут Меровинги...

* * *

Вечером 12 октября 1307 года Великий магистр ордена рыцарей Храма Жак де Моле пребывал в тяжких раздумьях. Почти два столетия члены ордена без устали трудились над созданием финансовой и военной империи, которая бы объединила весь католический мир. И вот результат — финансы в расстройстве, казна ордена пуста, небывалые долги самых могущественных монархий Европы перед орденом ставят под сомнение само его существование. А ведь это только на первый взгляд кажется, что иметь в должниках самого короля — выгодное дело. На самом деле нет более опасного и рискованного занятия. Ибо ох как не любят сильные мира сего ходить в должниках!

«Не пойму, где же была сделана ошибка? А может, это все кристалл? — размышлял Великий магистр. — Нужно было давно избавиться от него и вернуть туда, где ему надлежит быть, — в Иерусалим. Проклятие на нем, пусть бы покоился с миром там, откуда он к нам пришел, — в недрах горы Мориа... Но, с другой стороны, без такой реликвии ордену было бы попросту невозможно все эти годы сдерживать натиск и прихоти Рима...»

Он велел позвать своего верного ученика и соратника, молодого графа Бежо.

— Нелегко у меня на сердце, друг мой, — сказал он графу. — Беду чую... Из командорств поступают донесения о странных приготовлениях, что происходят в последнее время. На дорогах появились посланные королем армейские дозоры, стали пропадать наши гонцы. Казначей Тампля выдал Филиппу огромный кредит, не спросив разрешения... Папа настаивает на объединении с госпитальерами. Что-то не так... Вот тебе ключ от дверей, ступай в тот склеп, что находится под алтарем часовни. Там хранится ларец Гуго де Пейна. Принеси его сюда.

Когда ларец был доставлен, Жак де Моле приказал поставить его на стол.

— Слушай меня внимательно и сделай то, что я тебе велю. Возьми с собою четырех рыцарей и немедля, через потайной ход, вывези этот ларец из Тампля. В нем хранится магический кристалл царя Соломона — реликвия, благодаря которой орден достиг могущества и процветания. Но, видимо, теперь нас ждут трудные времена... Ты должен добраться до Марселя, взять корабль и доставить кристалл Соломона на Кипр, в нашу крепость. Храни его как зеницу ока и помни, что в нем заключено могущество ордена, его будущее. Ключом от ларца служит жезл Гуго де Пейна, и, если со мной что-то случится, пусть тот, кто придет за ларцом с этим жезлом в руках, будет признан новым Великим магистром, когда бы это ни произошло. Я вручаю тебе реликвию тамплиеров с верой и надеждой.

— Это честь для меня, Великий магистр! — ответил Бежо. — Но как же я могу оставить вас в час испытаний?

— Благодарю тебя, друг мой, за все, что ты сделал для ордена. Помолись за всех нас — и в путь! Да пребудет с тобою Спаситель...

После ухода графа Великий магистр подошел к камину и нажал на потайной камень, спрятанный под каминной полкой. Часть стены приоткрылась, и Жак де Моле на несколько секунд скрылся в тайной комнате. Он вернулся с черной, сделанной из просмоленного ливанского кедра продолговатой шкатулкой и поставил ее на стол. Затем снял с груди круглый серебряный медальон, с которым не расставался, вставил его в плоскую прорезь между выступающей пластиной с рисунком и собственно шкатулкой в том месте, где обычно располагается замок, нажал, и шкатулка открылась. Жак де Моле бережно достал из шкатулки жезл. «Ключ к главной тайне тамплиеров! Граф Бежо, конечно, доставит реликвию — кристалл царя Соломона — на Кипр... Но он не должен догадаться, что это лишь предлог, чтобы отослать его из Тампля. На самом деле сейчас нет более важной задачи, чем спасти жизни тем, кто сможет продолжить наше дело... Без преданных людей никакие реликвии и сокровища не способны возродить орден! И все-таки нельзя было привозить кристалл во Францию, это было ошибкой...» — крутилось в его голове. Он позвонил в колокольчик и велел позвать маршала ордена во Франции Жерара де Вильера.

— Этот жезл, одну из главных реликвий ордена, ты этой же ночью вывезешь из замка, — сказал Жак де Моле Жерару де Вильеру, когда тот вошел в комнату. — Твой путь лежит в Шотландию. Избегай дорог, не останавливайся в трактирах, скачи к морю без остановки. В Гавре небезопасно, поэтому корабль будет ждать тебя в Ла-Рошели. Шотландский король Роберт I — наш друг. Поступай под его покровительство и храни этот жезл. Вот мое письмо к королю. — Жак де Моле вручил Жерару запечатанное его личной печатью письмо. Затем положил жезл обратно в шкатулку и захлопнул ее. — Ступай, да хранит тебя Господь!

Однако Жерару не стоило знать, что медальон — ключ от шкатулки — Великий магистр оставил себе. Тайной для де Вильера оставалось и то, что этой же ночью из других командорств в порт Ла-Рошели будет доставлена казна ордена. Сундуки с золотом должны были быть перевезены в такое место, где им ничего бы не угрожало.

Все произошло так, как задумал Великий магистр. Эскадра ордена из трех кораблей покинула порт, как только груз был принят на борт. Один из них отправился в Португалию, другой — в Испанию, третий — в Шотландию. Жерар де Вильер направился, как и было велено, в Эдинбург. Весть об аресте Великого магистра и разгроме ордена тамплиеров застала его уже в Шотландии. Шевалье де Вильер выполнил поручение Жака де Моле и передал письмо и шкатулку королю Роберту I, который приютил не только именитого тамплиера, но и всех тех рыцарей, которым удалось бежать из Европы. Позже он учредил свой орден тамплиеров — орден Андрея Первозванного и Шотландского Чертополоха, сохранив для потомков традиции и духовное наследие легендарного ордена рыцарей Храма.

Глава 14

Тайна утопленника

Вернувшись из Киева, Трубецкой и Анна обнаружили, что Артур Бестужев срочно и весьма неожиданно для коллег отбыл в заграничную командировку. При этом никто толком не мог сказать, куда он направился и когда вернется. До его возвращения им ничего не оставалось, как вновь погрузиться в мир Санкт-Петербурга конца XVIII века. Однако расследование

фактически зашло в тупик. Если уже было более-менее ясно, что за жезл с медальоном попались им в руки, то оставалось совершенно непонятным, кто и как убил внука Дубянского и, главное, с какой целью это преступление было совершено.

Пока Анна Николаевна продолжала изучать связь всей этой истории с тамплиерами и масонами, Сергей Михайлович занялся чтением протоколов допросов граждан, выживших в ту ночь, когда утонул Дубянский. Среди них один документ — запись беседы следователя с врачом по фамилии Сипаж — вызвал у него живой интерес. По словам врача, события тем вечером происходили в следующей последовательности.

В лодке были сам Дубянский, кассир Гемш и бухгалтер Орфеев Иван Данилович из того же Заемного банка, сенатский протоколист Захаржевский, а также придворный закройщик Дьячков и доктор Сипаж с женами. Только отплыли от берега, как в лодке обнаружилась течь. Началась паника. Бухгалтер, кассир Гемш, придворный закройщик и женщины выпрыгнули первыми и пустились вплавь — благо до берега было совсем недалеко. Затем в воде оказался врач. На какую-то минуту Дубянский и сенатский протоколист оставались в лодке вдвоем. Затем врач увидел, как из лодки буквально вывалился Дубянский, а уж после него выпрыгнул протоколист. Более доктор Сипаж ничего полезного сообщить не смог.

В то же время сенатский протоколист Петр Захаржевский показал на допросе, что в подробностях ничего не помнит, поскольку сидел посередине лодки на веслах, очень испугался течи и покинул тонущую посудину не мешкая. Из его слов следовало, что к гибели Дубянского он никакого отношения не имел.

Во время обеда Трубецкой рассказал об этих протоколах Шуваловой.

— Слушай, — задумчиво произнесла она, — что-то мне это имя — Петр Захаржевский — кажется знакомым... Я его где-то видела, причем совсем недавно... Ладно, вспомню — скажу.

Телефон в кабинете Трубецкого зазвонил буквально через пятнадцать минут после того, как они расстались.

— Сережа, ты не поверишь! Имя Петра Захаржевского встречается в списке членов Великой английской ложи, Великим магистром которой был Федор Дубянский!

— А откуда ты взяла этот список? Ведь мы узнали о связи Дубянского с ложей только после посещения дачи.

— Точно... Я и не подумала... Понимаешь, этот список был среди тех документов, которые нашли в тайнике под церковью вместе с дневниками Дубянского. Перед отъездом в командировку Артур оставил его мне среди поручений — я как раз этим утром его изучала, когда ты мне сказал о Захаржевском.

— Но почему Артур сразу не отдал нам этот документ и даже не сказал о нем ничего?

— Не знаю, может, сам хотел сначала посмотреть, а может, просто не придавал ему значения. Однако теперь это уже не столь важно. У меня появилась версия, хочешь — принимай, хочешь — нет. Уверена, что в ту роковую для него ночь Дубянский взял жезл с собой. Петр Захаржевский знал об этом и по какой-то причине хотел им завладеть. Нам неизвестно, каков был его первоначальный план, однако, когда лодка дала течь и началась паника, он, видимо, воспользовался ситуацией. Возможно, он прихватил с собой подходящий тяжелый предмет, которым хотел воспользоваться позже, как только представится удобный случай... Но я лично думаю, что в суете Захаржевский попытался отобрать жезл у Дубянского, преуспел в этом и жезлом же стукнул его по затылку. Остальные уже были в воде, спасали себя и не обратили внимания на их борьбу в лодке.

Помнишь, как врач описал ход событий: Дубянский вывалился из лодки — не выпрыгнул, не выпал, а именно вывалился! Затем Дубянский утонул, а Захаржевский — выплыл.

— Здорово, мне нравится. Напоминает детективную историю из телевизионного сериала «Улицы разбитых фонарей». Только как жезл возвратился обратно на дачу и попал назад, в шкатулку?

— По-видимому, у Захаржевского была задача не только отобрать жезл, но и вернуть его на место.

— Значит, за ним стоял кто-то достаточно влиятельный, кто мог уговорить члена ложи поднять руку на собственного Великого магистра, собиравшегося отдать жезл кому-то вне ложи. По-видимому, эта железка связана с какой-то тайной, раз за ней такая охота идет уже больше двухсот лет.

— Интересно, а какова судьба этого протоколиста? — вдруг поинтересовалась Анна.

— В документах Тайной экспедиции есть примечание, как раз на протоколе допроса: «Умер от удара 15 декабря с. г.».

— Вот тебе и раз! Из Невы выплыл, а тут удар хватил... Надо бы детальнее присмотреться к фигуре самого утопленника, а то что-то слишком много мистических совпадений вокруг скромного советника правления Заемного банка...

Трубецкой воспользовался советом Анны и посвятил два последующих дня изучению архивных документов Заемного банка. И выяснил немало удивительных подробностей.

Манифест правительства от 28 июня 1786 года, объявлявший о создании этого финансового учреждения, определил в качестве его главной цели долгосрочное кредитование дворянства и купечества. Предполагалось, что кредиты будут выдаваться банком под низкий процент, что должно было избавить заемщиков от произвола ростовщиков. Еще в процессе создания Заемного банка главный директор Ассигнационного банка А. П. Шувалов (как потом прокомментировала Анна, ей не родственник и даже не однофамилец) подсчитал, что Заемный банк принесет казне немалую прибыль уже в первый год. Однако эти расчеты не оправдались, поскольку они основывались на предположении, что весь оборотный капитал банка будет сразу выдан в ссуды, а погашение долгов и выплата процентов по ним будут производиться без промедления.

Заемному банку планировалось предоставить двадцать два миллиона рублей для выдачи ссуд дворянам и одиннадцать миллионов рублей для кредитования городов. Однако хронический бюджетный дефицит не позволил осуществить намеченные ассигнования. Уже через девять лет дефицит бюджета и нежелание купцов держать вклады в Заемном банке привели к тому, что привлеченные средства оказались несоизмеримо меньше запросов на кредиты. Ситуация усугублялась огромным долгом, доставшимся от безнадежных заемщиков Санкт-Петербургского дворянского банка, счета которых были переданы вновь созданному учреждению. Истощение кассовой наличности объяснялось непомерно большими выдачами: только в 1795 году банк раздал долгосрочные ссуды более чем на четыре миллиона рублей.

Со временем запросы дворянства возросли и касса Заемного банка уже не могла их удовлетворить. К тому же служащие банка оказались замешанными в сомнительных сделках. Об одной из связанных с банком афер даже упоминает в своих «Записках» поэт Г. Р. Державин. При поступлении прошений дворян о выдаче ссуд директора банка отвечали, что денег нет, и советовали просить купцов делать вклады в банк. Петербургские купцы, в

основном иностранного происхождения, разумеется, не реагировали на такие просьбы, однако предлагали брать займы у них, но уже под завышенные в два-три раза проценты, которые и разделялись впоследствии в долях с теми самыми купцами, маклерами и банком, точнее — с главным директором оного. Таким образом, купцы, маклеры и банковские служащие имели свою выгоду непосредственно за счет убытков заемщиков.

Существовала в Заемном банке и другая проблема — крупные хищения денег. Например, кассир Андрей Иванович Кельберг украл из кладовых пятьсот девяносто тысяч рублей, положив вместо десятитысячных пачек ассигнаций простую бумагу. По материалам следствия, учиненного по личному распоряжению Екатерины II в 1796 году, стало ясно, что хищение казенных денег было заранее спланированной акцией, в которой принимал участие один из директоров банка. Более того, на следствии кассир заявил, что по приказу главного директора П. В. Завадовского из банка было вывезено неизвестно куда два сундука денег. В Заемном банке были обнаружены и другие злоупотребления. К примеру, ссуды выдавались ассигнациями, а в книгах выдачи сумм они записывались как выдачи серебряными деньгами.

Приговор по этому делу был вынесен 30 сентября 1796 года. Кельберга и его сообщников лишили чинов, дворянства и постановили сослать на каторжные работы. Кроме того, все советники правления и директора Заемного банка были уволены с должностей. Однако затем произошло совершенно непредвиденное. После смерти Екатерины II вззошедший на престол император Павел I вдруг проявил необъяснимое милосердие и простил провинившихся чиновников. Он же повелел определить их на службу в другие государственные учреждения.

Таким образом, как выяснил Трубецкой, на момент своей гибели Дубянский либо уже был уволен с должности советника правления, либо находился под следствием по обвинению в банковских махинациях. Однако в любом варианте он, очевидно, нуждался либо в деньгах, либо в покровительстве влиятельных особ. В конце концов от каторги его спасло высочайшее покровительство — провинившихся простил Павел I — Великий магистр Мальтийского ордена, официального правопреемника ордена тамплиеров...

Глава 15

Наследники

Итак, у власти Павел I. Что же делает новый император России сразу после вступления на трон в конце ноября 1796 года? Он устраивает совершенно неуместную церемонию соконования своих покойных родителей и перезахоронения Петра III по масонскому обряду. Причем делает это открыто, даже демонстративно, с приглашением иностранных гостей и на глазах у всего мира. Это не могло быть случайностью.

Трубецкой позвонил Анне.

— Послушай, а нельзя ли раздобыть список гостей, в первую очередь иностранных, которые были приглашены на церемонию перезахоронения?

— Разумеется, я попробую. А что, есть свежие идеи?

— Пока только догадки спекулятивного характера. Понимаешь, мне кажется, за всеми этими событиями просматриваются очертания некоей могущественной силы, которая совсем не была заинтересована, чтобы жезл тамплиеров гулял по рукам. Эти люди или этот некто все и подстроил. В частности, подговорил Захаржевского отобрать жезл у Дубянского любой

ценой. Ведь как удачно все тогда вышло: Дубянский — на дне Невы, жезл — в шкатулке в тихом неприметном месте, то есть все под контролем... И так продолжалось двести лет, как тут вдруг явились мы с этим медальоном. А теперь жезл у нас, вот квартиру твою хотели ограбить. То слежка какая-то странная, то в пещерах нападают, то в гостиничный номер залезли. Нужно же разобраться, что происходит! Давай найдем списки, посмотрим, не было ли среди гостей города на том мероприятии подозрительных персонажей, — вдруг какие-то связи обнаружатся, чем черт не шутит, когда Бог спит...

Из довольно длинного списка приглашенных на торжества лиц, найденного Шуваловой в городском архиве, следовало, что в Санкт-Петербурге в те дни пребывало множество отечественных и иностранных сановников, которые наверняка были связаны или могли иметь связи с масонскими ложами всех трех существующих в то время ветвей: англо-шотландской, шведско-немецкой и итало-французской. Однако особое внимание Шуваловой и Трубецкого привлекла фигура графа Джулио Литта, который в силу декретов Мальтийского ордена от 13 апреля 1795 года был аккредитован в качестве полномочного министра еще при императрице Екатерине II, а после ее кончины пользовался при дворе Павла чрезвычайными возможностями. Этот граф был ко всему же родным братом папского нунция в Петербурге Лоренцо Литта. Впоследствии Джулио Литта стал вице-адмиралом, получил орден Александра Невского, графский титул. Он заправлял всеми делами Мальтийского ордена в России и был наместником Великого магистра, то есть Павла I. Именно он добился от императора выплат ордену всех доходов от острожского приорства мальтийцев на Волыни, а также решения учредить отделение ордена в России по образцу и подобию других держав Европы. И во всем этом граф Литта опирался на полную поддержку вице-канцлера князя Александра Куракина, который, помимо всего прочего, был посвящен в высшие степени шведского масонства.

Неожиданно для Трубецкого вся эта история стала приобретать весьма четкие очертания, как возникающее изображение на фотобумаге, помещенной в раствор проявителя.

По-видимому, жезл тамплиеров, в связи с которым возникла история с Дубянским, был овеян какой-то тайной. Стало очевидным, что в овладении жезлом мог быть заинтересован Мальтийский орден, который после разгрома тамплиеров был по решению Святого престола провозглашен наследником их имущества. Но в то время, как уже выяснилось, жезл находился в руках английской ложи, а попасть он туда мог только через Шотландию, куда бежали оставшиеся в живых после разгрома рыцари-тамплиеры. «Не исключено, что жезл в Россию привез сам Яков Брюс, — размышлял Трубецкой, — но зачем? Вероятно, его нужно было спрятать подальше, и тогда возникает новый вопрос: от кого? Ладно, пусть масонам в Европе после изданной в 1738 году буллы Климента XII жилось туго, но не до такой же степени, чтобы прятать реликвии в России? Ну, обвинили их по традиции в ереси — в отрицании божественности Иисуса, однако ведь погромов и арестов не устраивали. Хотя следует признать, что Россия для хранения таких вещиц — отличное место. В чем же тайна жезла?»

Сергей Михайлович решил поделиться своими соображениями с Анной. Он собрал все необходимые бумаги и отправился к ней в кабинет.

— Спасай! Похоже, разгадка уже близка, но опять чего-то не хватает.

И он изложил Шуваловой свое видение событий осени 1796 года. Надо отдать ей должное, гипотезы Трубецкого Анна Николаевна восприняла с энтузиазмом.

— А не навести ли нам справки о семействе Литта? Эта парочка столько лет активно работала в России и так преуспела, что просто зависть берет. И это после всех гонений на иностранцев...

То, что им удалось выяснить, превзошло самые смелые предположения.

Оказалось, что именно в 1796 году Джулио Литта, воодушевленный своими успехами при российском дворе, отправляет секретные документы и сопроводительные письма с неким кавалером Рачинским на Мальту — Великому магистру Мальтийского ордена. Но кавалер этот попадает в руки французов, которые конфисковали всю дипломатическую почту. Вскоре содержание курьерской сумки Рачинского переключивает на страницы французских газет, развернувших жестокую кампанию против императора Павла. Так вот, среди захваченных и опубликованных французами документов практически незамеченным осталось письменное свидетельство графа Литта о некой тайной встрече, которую он имел с вице-канцлером Куракиным на его даче. Основным предметом обсуждения был, разумеется, текст Конвенции, которую император желал подписать с Мальтийским орденом об учреждении в России Великого приорства Мальтийского ордена. Однако среди прочих вещей граф сообщал Великому магистру о достижении договоренности с Куракиным по одному очень щепетильному вопросу, а именно об организации встречи с неким Великим магистром английской ложи в Санкт-Петербурге (имя, разумеется, не называлось), во владении которой находится определенный предмет, чрезвычайно интересующий орден. Граф Литта просил разрешения на трату значительной суммы денег из казны ордена, поскольку, по словам Куракина, означенный Великий магистр находится в крайне затруднительном финансовом положении. Кроме того, граф сообщал о том, что он ходатайствовал о заступничестве ордена перед императором, прося посодействовать прекращению следствия, которое велось против упомянутой особы в связи с сомнительными операциями одного из банков Санкт-Петербурга.

— То есть ты понимаешь, — Анна Николаевна была крайне возбуждена, — что информация о махинациях в Заемном банке и то, что напечатали французы, фактически полностью соответствует одно другому. Выходит, что Дубянский просто решил продать жезл Мальтийскому ордену и взял его с собой, чтобы передать графу Литта в обмен на деньги и покровительство. И, судя по всему, ходатайство ордена за работников Заемного банка было удовлетворено, раз Павел I ни с того, ни с сего простил всех махинаторов. Такой себе приступ невиданной милости и щедрости. Но вот денег Дубянский получить не успел. Очевидно, этот сенатский регистратор, ой нет, протоколист, как его... Захаржевский?... как-то узнал об этих договоренностях...

— Я думаю, что узнал кто-то другой, кто мог послать этого Захаржевского, — перебил ее Трубецкой.

— Хорошо, это не столь важно. Важно, что план этот реализовать не удалось.

— Согласен, но как же быть с медальоном? Его-то Захаржевский не заполучил!

— А он мог вообще не знать о медальоне, как и тот или те, кто его послал. Жезл-то из шкатулки брал Дубянский, у него и медальон хранился... И потом, видимо, основная цель заключалась в том, чтобы вернуть жезл на место и еще долго-долго не открывать шкатулку. Поэтому для авторов замысла так было даже лучше — медальон на дне Невы, а шкатулку открыть непросто. Ну и, как говорят, концы в воду, причем в прямом смысле слова... В результате Дубянский утонул, жезл вернулся в ложу, Мальтийский орден подписал выгодную для себя конвенцию (кстати, со стороны России ее подписал наш знакомый вице-

канцлер и масон Александр Куракин), и некоторое время его представители чувствовали себя в России как дома. Я не уверена, что это правда, но говорят, что Павла I удушили в 1801 году шарфиком именно с мальтийской символикой... Вот, собственно, и все.

— Как это все? — возразил Трубецкой. — А откуда взялись документы в тайнике?

— Очевидно, когда Федор Михайлович Дубянский попал под следствие в связи с махинациями в банке, он решил самые важные документы, как свои, так и деда, спрятать. Я не исключаю, что тайник в фундаменте церкви был устроен еще при Елизавете, ведь, к примеру, сам факт брака императрицы с Разумовским был тайной и ее духовник имел все основания опасаться разоблачения мнимыми или истинными наследниками трона. Неудивительно, что свои свидетельства о ее браке с Разумовским он хранил подальше от чужих глаз. Учти, ведь протоиерей Дубянский был чуть ли не единственным свидетелем их венчания!

— Пусть так. И все же главное осталось непонятным: что же это за жезл такой, вокруг которого столько шума? И потом, жезл-то теперь у нас, так есть ли связь между попыткой ограбления номера в гостинице, твоей квартиры и этой штуковиной? И кто мог такое предпринять? Насколько я знаю, Мальтийский орден имеет дипломатическое представительство в России, но я не верю, что дипломаты будут заниматься уголовщиной. Так что, я думаю, эта история еще будет иметь свое продолжение...

* * *

Погода на Кипре кардинально отличалась от петербургской. После слякоти, бесконечных морозящих дождей, робкого солнца и совсем даже неробкого ветра со стороны Финского залива теплый бриз, ласковое тепло и воздух, напоенный несравненным ароматом Средиземного моря, воспринимались особенно остро. Артур взял такси прямо в аэропорту и попросил отвезти его в Лимассол. Он знал точный адрес. Через два часа он вошел в центральное отделение старейшего финансового учреждения острова — Банка Кипра.

— Добрый день, господин Бестужев! — Служащий банка свободно говорил по-русски и был, как всегда, исключительно приветлив. — Сейчас вам принесут кофе.

— Добрый день, — вежливо ответил Артур Александрович, присаживаясь в кресло. «Все-таки, когда имеешь дело с банковской сферой, традиции — это очень важно», — подумал он. В принципе, он мог бы находиться сейчас и в любом другом банке мира, однако ему было приятно осознавать, что именно на Кипре в течение многих десятилетий размещалась резиденция ордена тамплиеров, которые по праву считаются создателями основ банковской системы Европы. Этим и был обусловлен его выбор. Следующий *Хами* — хранитель, когда до него дойдет черед, будет иметь право выбрать другую страну и другой банк, но до тех пор это будет Кипр.

— Все документы в порядке, депозитный трансферт на ваше имя из Португалии прибыл. Вы можете убедиться, что он помещен в хранилище в целостности и сохранности, — сказал служащий.

— Спасибо, именно это я и хотел бы сделать.

— Прошу прощения, господин Бестужев, но я обязан вас проинформировать, что по указанным в сопроводительных документах условиям трансферта вы имеете полное право доступа к депозиту в любое время, однако не можете изъять его из сейфа, — там имеется специальное сенсорное устройство...

— Благодарю вас, я в курсе, — перебил его Артур Александрович. — Давайте пройдем в хранилище — у меня мало времени.

Служащий провел Бестужева в закрытую от посторонних глаз комнату и набрал код на пульте, который висел на стене. Часть стены раздвинулась, появился сенсорный экран.

— Вы можете набрать на экране кодовое слово, и после этого ваш депозит будет доставлен через вот это окошечко. Как только вы закончите, поставьте его сюда. — Служащий показал место и вышел.

Бестужев подошел к экрану, выбрал из указанных в меню нескольких десятков языков русский и набрал кодовое слово: «ЕДИНСТВО». Он услышал, как очень тихо заработали какие-то механизмы, и через несколько секунд из специального проема в стене появился металлический ящик-сейф. Артур достал ключ, вставил в замок и открыл его.

Ларец был на месте, в целости и сохранности.

Глава 16

Жак де Моле

Жак де Моле вздохнул с облегчением. Кажется, самое главное ему удалось: граф Бежо и Жерар де Вильер, смелые и преданные друзья, смогут сберечь реликвии, традиции и тайну ордена. Великий магистр спешил исправить не осознанную ранее ошибку своих предшественников, которые пренебрегли древним пророчеством и вывезли Меркабу из Иерусалима. Случилось это сто двадцать лет тому назад, но и сегодня Жак де Моле ощущал тревогу тех дней...

Шел 1187 год. Войска султана Саладина овладели Иерусалимом и изгнали крестоносцев. Среди покидающих Святую землю христиан был немногочисленный, но хорошо организованный отряд рыцарей Храма, который сопровождал несколько помеченных символами ордена повозок с тщательно скрытым от посторонних глаз грузом. В порту Яффо их ждала целая флотилия под флагом ордена; корабли вскоре после погрузки людей и повозок спешно отплыли в разных направлениях. Цель — создать впечатление, что сокровища тамплиеров отправлены в Европу, — была достигнута. Однако в это же самое время еще один, менее заметный отряд рыцарей Храма прибыл в Акку, куда после падения Иерусалима была перенесена резиденция ордена. Только один человек, Великий магистр Жерар де Ридфор, в прошлом маршал Иерусалимского королевства при короле Балдуине IV, знал, что именно здесь находится конечная цель доставки бесценной реликвии — спасенного из Иерусалима ларца с реликвией Соломона. До самого падения Акки в 1291 году, то есть еще свыше ста лет, ларец не покидал пределов Святой земли, однако впоследствии он все же был перевезен на Кипр, а затем — в Тампль, в Париж. Ему же, Жаку де Моле, двадцать третьему Великому магистру ордена тамплиеров, оставалось лишь надеяться, что высшие силы, которые в течение стольких лет благоволили к ордену, и теперь не оставят его. Разочарование пришло на рассвете пятницы 13 октября 1307 года.

Рано утром, когда первые несмелые лучи солнца осветили пасмурное осеннее небо над Парижем, в двери Тампля постучали гонцы короля.

— Откройте, у нас послание короля Великому магистру! — кричали они.

Сонная стража Тампля не ожидала подвоха и открыла ворота. Посланием короля Филиппа Красивого оказался приказ об аресте руководства ордена, всех его членов, имущества, финансовых средств. Жак де Моле, услышав шум во дворе Тампля, понял, что плохие предчувствия его не обманули и роковой час настал. Ему оставалось немного: сжечь некоторые документы и спрятать медальон — ту единственную ниточку, которая могла привести его врагов к ларцу и хранящейся в нем реликвии. Времени на раздумья было в обрез. Он взял со стола книгу, а это был массивный том «Тайного реестра пророчеств» Иоанна Иерусалимского в толстенном переплете, острым, как бритва, ножом аккуратно подрезал внешний слой обтянутой кожей обложки, отогнул его и несколькими ловкими движениями вырезал в ее теле углубление по размеру медальона. Затем он достал медальон, погладил его на прощание, уложил в углубление и прикрыл отогнутой кожей, закрепив ее специальным клеем. Книгу, которая теперь хранила в себе не только апокалипсические видения и пророчества монаха-бенедиктинца, умершего почти двести лет тому назад, но и последнюю тайну Великого магистра, он положил среди других томов, составляющих библиотеку его резиденции в Тампле. «Дело сделано», — подумал он, и в этот момент в комнату ворвались солдаты короля. В одно мгновение Жак де Моле превратился из всемогущего Великого магистра в узника, а парижская штаб-квартира тамплиеров, замок Тампль, — в королевскую тюрьму.

* * *

— Жак де Моле, признаете ли вы себя виновным в отрицании Божественной сути Спасителя нашего Иисуса Христа, надругательстве над крестом, идолопоклонничестве, содомском грехе, нарушении таинств Церкви и других грехах, совершаемых так называемым орденом рыцарей Храма? — Монотонный голос монаха-доминиканца, привыкшего заунывно читать Святое Писание, глухо отдавался под сводами подземелья Тампля.

«Не зря вас зовут *“Domini canes”* — *“Псы Господни”*, — подумал Великий магистр. — Вот ведь нашли, когда вцепиться в горло!»

— Нет, не признаю, — сказал он. — Кто же может отрицать волю Творца, который из любви к своим творениям послал Иисуса Христа ради искупления греха непослушания Всевышнему?

— Вот как. — Канцлер Гийом де Ногарэ лично пришел насладиться допросом Великого магистра. Много лет он ждал этого момента и теперь, сидя в огромном деревянном кресле рядом с монахом-доминиканцем, с показным удивлением взирал на Жака де Моле, стоящего перед ним в разорванной, окровавленной рубашке, с закованными в железо руками и ногами. — А вот член вашего так называемого ордена Ренье де л'Аршан на днях еще до пытки показал, что при посвящении в орден он отрекся от Христа, и плюнул на распятие. И я могу называть вам новые и новые имена. Сотни рыцарей уже сознались, что в ордене поощрялся содомский грех и поклонение голове Бафомета. Святая инквизиция имеет достаточно свидетельств. Так кто же говорит неправду? Рядовые члены ордена или их Великий магистр? — В голосе хранителя королевской печати звучала нескрываемая издевка. Он встал, подошел вплотную к Жаку де Моле и злобно прошептал ему на ухо: — А как насчет существования Внутреннего Храма, о чем знают лишь избранные тамплиеры, и о поклонении культу Марии Магдалины, которую вы величаете «Божественной спутницей и супругой Иисуса Христа»?

— Узнику не пристало говорить с палачом о высоком, но я все же хочу рассказать тебе одну поучительную притчу, которую узнал на Востоке, — ровным голосом произнес Великий магистр и после небольшой паузы продолжил: — Некий правитель, пожелав выяснить, сколько в его государстве истинных поэтов, повелел, дабы все, именующие себя таковыми, собрались на площади перед дворцом. Собралось человек сто. Правитель распорядился немедленно бросить их в темницу и держать там до тех пор, пока те не дадут обет, что отказываются от этого своего занятия раз и навсегда. Через неделю пятьдесят человек отреклись. Остальных правитель велел перевести во дворец, в роскошную обстановку с благовонными фонтанами, нежной музыкой, юными плясуньями, заморскими напитками и кушаньями, приказав при том намекнуть им, что ежели они все-таки оставят свое занятие, то смогут пребывать в этом земном раю хоть всю жизнь. В тот же день сорок девять из пятидесяти согласились никогда больше не притронуться к перу. Так вот, Гийом де Ногарэ, *я предпочитаю оставаться тем единственным из ста, которого не удалось ни утратить, ни подкупить.*

— Превосходно, превосходно, — сказал на это де Ногарэ. — Я вижу, вы не зря провели время на Востоке, почерпнули там многие премудрости... Кстати, об этом у нас тоже есть свидетельства. Мы знаем, что ваши богомерзкие ритуалы, поклонение идолам, отрицание креста и басни о союзе Господа нашего Иисуса Христа и Марии Магдалины есть прямое следствие тех самых бесовских учений, которым рыцари-тамплиеры научились в Иудее, Египте и Сирии.

— Но ведь ты сам из рыцарей, и в твоём роду есть катары. И, судя по всему, до недавнего времени, пока королю нужны были деньги ордена, «вредные» и «бесовские», по вашему мнению, учения тамплиеров никого не тревожили, — спокойно ответил Великий магистр.

При этих словах лицо де Ногарэ исказилось в злобной гримасе. Он ненавидел, когда кто-либо напоминал ему о его сомнительном, с точки зрения католической церкви, происхождении. Только ценой рабской преданности королю, через фанатическое выполнение его самых грязных поручений Гийом де Ногарэ заслужил доверие Филиппа Красивого, и ныне, пройдя через множество унижений, он никому не прощал подобных напоминаний.

— Я лично побеспокоюсь о том, чтобы ты горько пожалел о своих словах, — прошипел де Ногарэ. — Когда с тебя живьем снимут кожу, тебе будет не до катаров и восточной философии. Я сам прослежу, чтобы ты не был обижен невниманием палача. Но сейчас, — голос его несколько смягчился, как у человека, чувствующего свою власть и безнаказанность и имеющего возможность распоряжаться судьбой другого человека, — я задам тебе еще один вопрос, ответ на который может несколько облегчить твою участь: где казна ордена?

— Наконец-то, а то я уже начал думать, что ты так и не спросишь о самом главном, что интересует твоего хозяина. — Великий магистр полностью сохранял самообладание, хотя он хорошо понимал, с кем имеет дело, и на милость не рассчитывал. — Ну, так я тебе скажу, что король напрасно надеется найти золото и серебро тамплиеров, — сокровища ордена призваны служить осуществлению воли Творца, а не оплачивать роскошь и бесконечные сумасбродства Филиппа.

— Если скажешь — умрешь быстро и без страданий, если нет — позавидуешь мертвым, — с угрозой в голосе произнес де Ногарэ.

— *Мертвые иногда воскресают, а вот проклятые не возвращаются из ада никогда,* — таким был ответ Великого магистра.

Тогда он еще не знал, что впереди его ждут семь долгих лет пыток и страданий, несправедный суд и жестокая казнь на костре. Но он не предал то, во что верил, и перед казнью проклял своих палачей. И проклятие это свершилось!

* * *

К счастью, библиотека Жака де Моле интересовала его мучителей в значительно меньшей степени, чем загадка сокровищ тамплиеров. В Тампле, как и предсказывал Великий магистр, ищейки короля не нашли ни золота, ни серебра, лишь несколько десятков книг и немного другого несущественного для Филиппа IV имущества ордена... Вскоре после того, как замок Тампль был передан госпитальерам, библиотеку ордена рыцарей Храма перевезли на Мальту. Книга же Иоанна Иерусалимского оказалась среди тех произведений, которые были объявлены Церковью «сатанинскими» и предназначены к уничтожению. Но в те времена книги стоили слишком дорого, и «Тайный реестр пророчеств» был спасен от сожжения молодым монахом-доминиканцем. Далее книга неоднократно переходила из рук в руки, пока волею случая не попала к послушникам Загорского монастыря под Москвой. Тогда же, учитывая почтенный возраст книги, было решено заменить изношенный до невозможности переплет. Так был обнаружен спрятанный в обложке медальон, о котором, ввиду его удивительной необычности, было доложено самому духовнику императрицы Ф. И. Дубянского по случаю его приезда в Москву в 1742 году с тайной миссией венчания Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. В результате медальон попал в руки его внука Федора Дубянского, и лишь со временем обнаружилась его тайная связь с орденом тамплиеров.

Глава 17

Пропажа жезла

Дело, по которому его пригласили в Петербург, было закончено, и Сергей Михайлович не без сожаления стал собираться домой. Сожаление это, как легко было догадаться, распространялось отнюдь не на переменчивый бриз со стороны Финского залива, а на перспективу расставания с Аней Шуваловой. Поэтому, когда Анна Николаевна предложила Трубецкому дожидаться возвращения Артура из командировки, чтобы в лицах рассказать ему об их открытиях, тот с радостью согласился.

Бестужев вернулся из командировки на следующий день — так же неожиданно и без предупреждения, как и уехал. Он с нескрываемым удовольствием и одобрением выслушал их версию о случившихся в 1796 году в Санкт-Петербурге событиях. Однако после этого он сообщил, что за время их отсутствия появилось одно непростое обстоятельство. По словам Артура, масонская ложа, в резиденции которой они побывали и наделали столько шума, в лице нынешнего хозяина дачи официально обратилась в правоохранительные органы с заявлением об украденном жезле. В качестве доказательства якобы были представлены записи с камер наблюдения, расположенных как снаружи, так и внутри дома. Бестужев

заметил, что представители ложи вышли на связь и с ним лично, предложив мирно решить вопрос: масоны забирают заявление, как только им возвратят жезл.

— Ну, что же, — сказала на это Анна, — такого развития событий следовало ожидать. Хотя ведь это они напали на нас с пистолетом! Что будем делать?

— Жезл нужно отдать, — уверенно произнес Бестужев. — Я не хочу с ними связываться, а тем более — с родной милицией. Мы не докажем, что нам угрожали оружием, — запись сделана ими, а не нами. В конце концов, вещь принадлежит этой ложе, и мы не имеем никакого права держать ее у себя.

На следующий день Анна Николаевна принесла из дому жезл и отдала, как он и был, в обувной коробке, Артуру Александровичу. Дело было сделано, и после короткой дружественной церемонии прощания с Бестужевым Трубецкой собрался в аэропорт. Анна, к радости Сергея Михайловича, вызвалась его проводить. Прощание было недолгим — оба были смущены нахлынувшими чувствами, однако Трубецкого не покидало странное ощущение, что они скоро снова увидятся. И он как в воду глядел. Уже через день ему в Киев позвонила взволнованная Анна и сообщила, что на Бестужева было совершено нападение. Он избит, находится в больнице, а жезл пропал. Сергей Михайлович вылетел в Петербург первым же рейсом.

* * *

«Ваше преосвященство,

С великой радостью в сердце спешу уведомить Вас, что Божьей волею и милостью Всевышнего ключ к великой тайне наконец у нас. Всемиловитейше прошу организовать встречу в аэропорту Чиампино. Чартерный рейс из Санкт-Петербурга прибывает завтра...»

* * *

— Рад снова видеть вас, ваше преосвященство! — Вошедший был приветлив, его лицо светилось от радости.

— И я рад вам, друг мой. Как долетели? Все ли прошло спокойно?

— К счастью, русские пока еще не трогают дипломатический багаж, к тому же сегодня я налегке. — Гость улыбнулся и похлопал рукой по небольшому кожаному саквою, который он принес с собой.

— Я променял бы этот маленький саквояж на любой багаж в мире, — заметил епископ. — Но пройдемте ко мне в кабинет, прошу вас.

При входе их приветствовал молодой, но подающий большие надежды секретарь епископа, который тоже прошел с ними внутрь. Гость приблизился к столу, открыл саквояж и достал нечто, завернутое в кусок дорогой ткани. Он бережно развернул ткань и, подав жезл епископу, сказал:

— Вот он, ваше преосвященство!

Наступила пауза, во время которой хозяин дома с восторгом рассматривал жезл.

— Не могу поверить, что держу в руках легендарный жезл Гуго де Пейна. Теперь мы сможем навсегда покончить с этими таинствами тамплиеров! — Голос епископа дрожал от неподдельного волнения. — Мы ждали этого дня столько лет!

— Да, ваше преосвященство, это самое настоящее чудо! — радостно вторил ему секретарь.

— Спасибо вам, — сказал епископ, обращаясь к гостю. — Да вознаградит вас Господь. Но и Святая Церковь о вас не забудет, я вам это обещаю. — Епископ, без сомнения, был глубоко взволнован. — А теперь оставьте меня одного. — Он снова взял себя в руки.

— Да, ваше преосвященство...

Гость и секретарь удалились. Епископ остался один. Он сел за стол, положил жезл перед собой и стал внимательно его рассматривать. Ключ к многовековой тайне тайн тамплиеров... Но что это за тайна? Уже скоро девять веков католическая церковь ищет ответ на этот вопрос. Что заставляло Римских Пап на протяжении почти двухсот лет предоставлять храмовникам невиданные льготы и способствовать становлению и развитию государства в государстве — ордена тамплиеров? Ведь потом, позднее, потребовались титанические усилия, чтобы исправить допущенные ошибки и все-таки поставить рыцарские ордена под контроль католической церкви. Ларец, в котором, согласно легенде, хранится то самое сокровище, стоит сейчас внизу, в сейфе, можно просто пойти и открыть... Но это только кажется таким простым решением. А если там нечто, что способно поколебать его собственную веру? А если это нечто поколеблет авторитет самой католической церкви? Ящик Пандоры лучше не открывать, если не уверен в том, что сможешь контролировать последствия.

«Но что же там может быть? — размышлял он. — Священный Грааль? Брачное свидетельство Иисуса? Документы, подтверждающие наличие потомства Иисуса и Марии? Голова Бафомета? Любая из этих находок способна разрушить храм Веры, который католическая церковь строила столько веков. Впрочем...

Ладно, допустим, там находится некая чаша. Откуда известно, что это Священный Грааль? Должно произойти какое-то чудо, если прикоснешься к нему? Будет дарована вечная жизнь каждому, кто выпьет из него или просто возьмет его в руки? Но его, очевидно, брали в руки до меня много раз, а долгожителей что-то не видно... Удивительно, как легко люди до сих пор верят в такие легенды. Ведь Иисус Христос — не Симон-маг, чтобы по заказу зрителей производить чудеса, тем более с помощью каких-то предметов. На самом-то деле смысл Его учения — в новом мировоззрении, которое Он принес в мир, в философии любви, в следовании заповедям Всевышнего и в искуплении грехов, а не в поклонении предметам обихода. Он и чудеса-то совершал лишь для того, чтобы его слову больше верили...

Брачное свидетельство Иисуса? Но разве в Иудее две тысячи лет назад выдавали заверенные нотариусом документы о браке? Как подтвердить наличие потомства у Иисуса и Марии, даже если — прости Господи! — на мгновение допустить, что они были женаты? Сказкой про то, что в крови Меровингов течет кровь Спасителя и они исцеляли наложением рук? Так надо еще достать этих Меровингов... И потом, как объяснить, что «божественная» династия внезапно прервалась, так, по сути, и не поцарствовав?

Голова языческого бога Бафомета... Тьфу, сатанинское отродье... Это, конечно, самое интересное. В легендах о тамплиерах говорится, что она была из золота. И что они ей поклонялись. Даже если так, то, значит, разгром тамплиеров был правильным шагом, искоренением сатанинской секты, и тогда какой вред от этого Церкви?

И все равно, когда дело касается веры, логика не работает... Ведь ныне общеизвестно, что все христианские сочинения были уничтожены по приказу римского императора Диоклетиана — проклятый язычник! — в 303 году и лишь в 331 году уже

константинопольский император Константин заказал подготовку обновленных текстов Библии и других документов. Символ Веры и Новый Завет в его нынешнем виде были утверждены вселенскими соборами в IV веке, как и все основные догматы Церкви. Все знают, что Гроб Господень, как и Крест, обретен царицей Еленой, матерью императора Константина, лишь в 326 году, а храм Гроба Господня построен в 335-м, но никто не задается вопросом, а где же пребывали святые реликвии в течение трехсот лет от распятия и воскресения Христа? Ведь когда римский военачальник Тит захватил Иерусалим в 70 году, он от него камня на камне не оставил, Второй Храм с землей сровнял... А строительство Элия Капитолина и превращение Иерусалима в римский военный лагерь? Кто доказал, что якобы найденный царицей Еленой крест — тот самый? Это может сделать только вера — если она есть, никакие доказательства не нужны и никакие головы Бафомета ее не поколеблют! *Вера, как и Любовь, самодостаточна...* Но в себе-то я уверен, — решил епископ, — выдержу... Я шел к этому всю жизнь».

Он встал на колени перед распятием и начал усердно молиться. После этого не без труда поднялся, взял жезл и медленно, будто преодолевая сопротивление, пошел вниз, к сейфу. Негнушимися пальцами набрал код и открыл дверцу. Достал ларец и поставил его на столик рядом с сейфом. Взял жезл... Еще раз перекрестился и вставил жезл в замок. Тот щелкнул, и крышка немного приоткрылась. Сердце епископа бешено колотилось, на лбу выступили капельки пота. Ему стало дурно, но, преисполненный решимости, епископ справился с волнением и откинул крышку...

Ларец был пуст.

Глава 18

Ложа выходит на связь

Анна встретила Сергея Михайловича в аэропорту и предложила ехать сразу к Бестужеву. Всю дорогу, пока они добирались до больницы на такси, Трубецкого мучила совесть. Он ведь начал подозревать Артура в двойной игре во всей этой истории. А тут получается, что они сами же его и подставили. «Нужно было всем вместе поехать, вернуть этот жезл, да и дело с концом, — думал Сергей Михайлович. — Вместе взяли, вместе бы и отдали». Анна молчала, но Трубецкой чувствовал, что ее одолевали похожие мысли.

— Здесь, — сказала Анна водителю возле корпуса травматологического отделения, — приехали.

Они поднялись в палату. Бестужев лежал в «одиночке», лицо его было припухлым, а из-под опутывающих голову бинтов виднелся огромный кроваво-фиолетовый кровоподтек.

— Ну, снова здравствуй, Артур Александрович! Как ты? — Трубецкой старался быть приветливым и корректным. Поздоровалась и Анна.

— Привет, Сергей, спасибо, что приехал, — тихо вымолвил тот. — Здравствуй, Анечка. Прости, трудно говорить.

— Рассказывай, что случилось? — Трубецкой присел возле кровати, Анна же подошла к окну, автоматическим движением хозяйки поправила шторы и осталась стоять возле него, опершись на подоконник.

— Собрался ехать на встречу с представителем ложи, о котором вам говорил. Не успел сесть в машину возле дома, как вдруг подъехал и остановился рядом черный «туарег» — наш

старый знакомый, я только вот номеров его в этот раз не рассмотрел. Выскочили двое крепких ребят. Я попытался захлопнуть дверь машины, но они не дали, выволокли меня, стукнули чем-то тяжелым по голове. Очнулся уже здесь, в больнице. Жезл был в коробке на переднем сиденье машины и, как я понимаю, теперь исчез. Думаю, что его забрали те, кто на меня напал, но я этого не видел. Соседи, которые вызвали «скорую», утверждают, что в машине на сиденьях ничего не было, — они сами ее закрывали, а сколько я пролежал там без сознания — одному Богу известно. Не знаю теперь, что и думать...

Бестужев замолчал, и в этот момент у Анны зазвонил мобильный телефон. Она ответила.

— Анна Николаевна Шувалова? — спросил мужской голос.

— Да, это я, — почти шепотом, чтобы не мешать разговору с Бестужевым, ответила Анна. Голос собеседника был ей не знаком. — С кем имею честь?

— Наконец-то! Нам стоило определенных усилий разыскать ваш номер телефона. Вас беспокоят с дачи Дубянского, вы ведь с коллегами побывали там некоторое время тому назад, не так ли?

— Что вам угодно? — Анна на всякий случай отвернулась к окну и прикрыла телефон рукой.

— Видите ли, вы взяли, если не сказать – похитили у нас одну вещь, которая имеет большую историческую ценность. Думаю, вы догадываетесь, о чем идет речь. Мы бы действительно просили вернуть ее — а нам известно, что она у вас, — пока мы не обратились в милицию. У нас есть связи в правоохранительных органах, поверьте мне на слово, а также видеозаписи с камер наблюдения снаружи и внутри дома, где все четко видно. Всю вашу компанию просто посадят. Ну зачем такой очаровательной женщине проблемы с законом?

У Анны внутри все похолодело. Продолжая разговаривать, она повернулась лицом к кровати Бестужева.

— Но разве вы... — Вопрос застрял у нее в горле. Она встретилась взглядом с Артуром, но в его глазах читались только боль и недоумение. Анна вдруг сообразила, что ей нужно делать. — Как, где и когда мы можем встретиться?

— А вы приезжайте к нам, ведь уже знаете куда. Прямо сегодня вечером и приезжайте. Я думаю, откладывать нашу встречу не стоит. Только на этот раз — без сопровождения, пожалуйста. Там и потолкуем.

— Хорошо, я буду, — коротко сказала Анна и выключила телефон. Она уже приняла решение пока ничего не говорить Артуру — сначала надо было во всем разобраться самой.

— Что-то важное? — спросил Трубецкой. — У тебя на лице написано беспокойство.

— Нет-нет, все в порядке. — Анна взяла себя в руки и улыбнулась как можно более беззаботно. — Просто знакомые просят заехать вечером. — И приветливо поинтересовалась у Бестужева: — Когда обратно в строй?

* * *

— Ларец пуст. — Секретарь епископа говорил по мобильному телефону. Он стоял возле открытого сейфа рядом с лежащим на полу священником, который, судя по всему, был без сознания. Однако было очевидно, что ларец занимает секретаря значительно больше, чем состояние здоровья его патрона.

— А как себя чувствует наш впечатлительный друг? — поинтересовался собеседник.

— Он без сознания. Я думаю, что, кроме психологического шока, он здорово ударился головой об пол. Но дышит, — без тени сострадания ответил секретарь.

— В общем-то, он нам больше не нужен. Приготовьте ему настойку, и пусть спит спокойно. А вы действуйте так, как договорились. — Разговор был закончен.

Секретарь спрятал телефон, взял жезл и прошел с ним в свой кабинет, где была оборудована небольшая лаборатория. Там он достал прямоугольную полуо металлическую форму подходящего размера, а также несколько других посуды, наполненных различными жидкостями и порошками. Он смешал реагенты в определенной пропорции в большой стеклянной колбе, а затем подогрел ее содержимое на горелке. Когда смесь стала однородной по консистенции, он, не мешкая, вылил ее в форму. Прямо на глазах пенная смесь стала затвердевать, заполняя форму ровно наполовину. Тогда он положил сверху жезл и чуточку притопил его в затвердевающий раствор. После этого повторил те же действия и приготовил вторую часть смеси, которую влил в уже наполовину заполненную твердым веществом коробку. Когда все было закончено, он просто снял верхнюю половину затвердевшего вещества и вынул жезл. Теперь в коробке была идеально изготовленная форма для отливки, если понадобится, любого количества таких жезлов. Оригинал же можно было возвращать владельцу, ведь теперь это был единственный способ обнаружить следы истинного ларца.

Епископ пришел в себя на кровати в собственной спальне. Рядом с ним, излучая участие и сострадание, сидел его верный секретарь.

— Что со мной случилось? — спросил епископ слабым голосом.

— Ваше преосвященство, вы, очевидно, потеряли сознание и упали — там, возле сейфа, — и я перенес вас сюда.

Епископ вдруг все вспомнил. Пустой ларец! Он сделал попытку встать на кровати, но секретарь его удержал.

— Вам нельзя так резко вставать, у вас сильный ушиб головы, — озабоченно сказал он.

— Где жезл? — спросил епископ, снова откинувшись на подушки.

— Он здесь, не волнуйтесь, я побеспокоился о том, чтобы он случайно не потерялся, — заверил его секретарь.

— А ларец?

— Стоит, где и был. Он ведь пуст. И теперь бесполезен.

— Ты не должен был к нему прикасаться! — с тревогой в голосе выговорил епископ. — Забудь, забудь сейчас же и навеки, что ты его видел!

— Хорошо, ваше преосвященство, только не волнуйтесь, я сделаю все, что пожелаете, — смиренно ответил секретарь. — А теперь прошу, выпейте эту настойку, она успокоит и укрепит вас. — Он подал епископу чашку с ароматно пахнущей жидкостью. Тот сделал глоток. Напиток был горьковатым, но по-своему приятным на вкус. На какое-то мгновение в голове епископа и вправду прояснилось.

— Ты должен закрыть ларец и спрятать его обратно в сейф... Нет, лучше ничего не трогай, я сам... Нет, пожалуй... ты... позови... мне... — Речь епископа вдруг начала терять связность, и, кроме отдельных хрипящих звуков, уже невозможно было разобрать, о чем он говорит.

Секретарь снова протянул ему чашку с питьем. Перед тем как сделать второй глоток, епископ встретился взглядом со своим верным секретарем и успел осознать, что глаза того

вдруг сделались пусты и безучастны. Прочитал ли он в них свой конец, об этом теперь известно только двоим: самому епископу и Царю Небесному, перед которым он предстал, как и подобает служителю Церкви, полный смирения и раскаяния.

Глава 19

Встреча на даче

Шувалова подъехала к бывшей даче Дубянского, когда уже начало темнеть. На этот раз на звонок в дверь откликнулись сразу. Щелкнул замок, и калитка отворилась, пропуская гостью внутрь. Анну встретил все тот же невозмутимый слуга, который как ни в чем не бывало, будто это и не он с пистолетом в руках пытался их задержать несколько дней тому назад, пригласил ее в гостиную. Затем зажег свечи, предложил кофе, от которого Анна отказалась, и удалился.

Через минуту в комнату вошел мужчина лет сорока-сорока пяти, которого Анна охарактеризовала бы коротко: холеный. Все в нем было в порядке: чисто выбритый, белозубый, аккуратнейшая стрижка, маникюр, безукоризненная сорочка и блейзер, выглаженные брючки, начищенные туфли. Просто образец респектабельности, но никакой теплоты. Впрочем, теплоты от него Анне и не требовалось.

— Добрый вечер, Анна Николаевна. Спасибо, что согласились приехать, — сказал он, подойдя поближе к гостье. Однако руки она не подала, что, как ей показалось, ему было не очень приятно. «Обойдется», — подумала Анна.

— Добрый вечер. С кем, простите, имею честь? — спросила она.

— Называйте меня Алексеем Григорьевичем. Остальное значения не имеет. Прошу вас. — Хозяин дома жестом пригласил ее присесть.

— Очень хорошо, Алексей Григорьевич. Так чем могу служить? — Анна присела на краешек кресла. Всей своей позой она показывала, что готова встать и уйти в любой момент.

— Мы бы хотели получить обратно то, что принадлежит нам давно и по праву, — жезл, который вы самым бессовестным образом похитили.

— Но это была в определенном смысле реакция на поведение вашего слуги, который ни с того, ни с сего направил на нас пистолет!

— Вы, находясь в чужом доме, залезли в шкаф, открыли шкатулку, достали оттуда жезл и при этом считаете, что он поступил так «ни с того, ни с сего»? Слуга, следуя инструкции, вынужден был защищать находящиеся в этом доме ценности. Да и пистолет-то — с резиновыми пулями, на него разрешение имеется. Так что я предлагаю оставить эту бесполезную дискуссию. Жезл не имеет цены, поэтому на языке Уголовного кодекса ваш поступок может классифицироваться как кража в особо крупных размерах. А может, и как ограбление со взломом. Вы вернете жезл?

— Жезл не имеет цены с точки зрения Уголовного кодекса, если вы сможете доказать, что владеете им на законных основаниях. А я что-то сомневаюсь, что у вас есть письменное поручение от ордена рыцарей Храма, — нашлась Анна. — Однако я готова обсудить вопрос о его возврате. Только сначала хотелось бы получить разъяснения, что это за жезл такой и почему вокруг него столько шума?

— А сколько шума? — вдруг резко переспросил Алексей Григорьевич. — Что вы имеете в виду?

Анна несколько замялась, сообразив, что сболтнула лишнее.

— Ну, скажем так: у меня сложилось впечатление, что жезлом этим интересуемся не только мы с вами.

— Факты? Прошу вас, это очень важно!

Алексей Григорьевич выглядел не на шутку встревоженным.

Анне пришлось, хотя и без особого желания, рассказать ему о слежке из «туарега» и о попытке ограбления ее гостиничного номера, а затем и квартиры. Алексей Григорьевич помрачнел.

— Этого я и боялся. Конечно, это еще не самое худшее, что могло с вами произойти, но тенденция явно негативная, — сказал он.

«Ты еще не знаешь всей истории, — подумала Анна. — Жезл-то пропал...»

— Кстати, — вдруг поинтересовался собеседник, — а откуда у вас медальон?

— А это, как писал поэт, «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», — попыталась уйти от прямого ответа Анна.

— Мы думали, что он утерян, — признался Алексей Григорьевич.

— Как видите, всплыл, можно сказать, прямо со дна Невы.

— Так это медальон Дубянского в оригинале?

— Да, — не скрывая удивления, ответила Анна. — А вы что, в курсе той истории?

— Мы-то в курсе, — холодно произнес Алексей Григорьевич, — а вот в какую историю вы попали — еще и не ведаете. Итак, где жезл?

— Но ведь вы еще ничего мне не рассказали... Знаете, Алексей Григорьевич, как мне кажется, во всем этом деле мы скорее не соперники, а партнеры. И в ваших интересах, чтобы мы действовали с открытыми глазами.

— Ладно, пусть будет по-вашему. Что вы знаете о тамплиерах?

— Я — историк и моя специализация — средние века.

— Понятно. В общем, так, — начал свой рассказ Алексей Григорьевич, — если очень коротко и только суть. В результате первого крестового похода в 1099 году захвачен Иерусалим. Через девятнадцать лет там появляются девять рыцарей, которые учреждают некое братство — орден рыцарей Иисуса Христа, главным лозунгом которого провозглашаются монашество и бедность. Они объявляют своей целью защиту пилигримов, но вместо этого активно ведут раскопки, поиск чего-то в развалинах иудейского Храма на горе Мориа в Иерусалиме. Через девять лет они едут в Европу, встречаются с влиятельными людьми, в том числе с Папой Римским, и вдруг мир преобразается. Орден получает немыслимые привилегии и за короткий промежуток времени становится сказочно могущественным и богатым: государство в государстве, которое живет по своим законам. В чем причина происшедшего? Неизвестно. Далее, тамплиеры фактически олицетворяют основную военную и финансовую силу в Европе на протяжении почти двухсот лет, как вдруг все заканчивается в один момент. Закат ордена был таким же стремительным, как и расцвет. Буквально в считанные дни его ликвидируют: собственность конфискуют, часть членов ордена уничтожают, часть бежит, и Церковь провозглашает, что орден распущен.

Не приходит ли в голову, что тамплиеры нашли в Иерусалиме нечто такое, что вынудило Папу дать ордену полную свободу действий, независимость от светской и церковной власти и какие им было угодно привилегии? Конечно, внешне все было обставлено как нужно: принят очень суровый устав, правильная символика, храмовники

активно помогают в крестовых походах и все такое. Но одновременно накапливают несметные богатства, земли, замки, даже острова, создают собственные армию и флот.

— Простите, я вас перебую, — сказала Анна. — Мне все это хорошо известно, как и легенды о найденных тамплиерами сокровищах. Что-то новенькое можете сообщить?

— Хорошо, давайте теперь рассуждать вместе. Если отбросить глупости о мифических сокровищах царя Соломона — золоте и серебре, которые по непонятным причинам дожидались крестоносцев в Иерусалиме тысячу восемьсот лет после разрушения Первого Храма, — то находка тамплиеров должна была иметь скорее громадную духовную, чем материальную ценность, что, как вы знаете, в средние века означало как власть, так и деньги. Но если что-то важное и могло быть найдено в развалинах Храма, то только в Святая Святых — ибо таково иудейское видение Храма. Видите ли, согласно иудейскому взгляду на мир, святость пространства, в котором существует человек, можно представить в виде концентрических кругов, общим центром которых является Святая Святых Иерусалимского Храма. Сам по себе Храм, построенный по указаниям Торы и свидетельствам пророков, — это точка соприкосновения между недостижимой высшей святостью и местом на земле, которое избрал сам Всевышний. Святая Святых — это место Божественного откровения, точка пересечения материального и духовного миров. Святая Святых — это территория, принадлежащая и нашему миру, и иным мирам. Там проявляются самые тонкие законы мироздания, и поэтому оно не подчинено общим законам пространства и времени, действующим лишь в нашем, физическом мире. По этой причине вход туда был запрещен любому человеку, кроме первосвященника, который входил в Святая Святых один раз в год на короткое время в Судный день — Йом Киппур. Однако святость этого места раскрывается полностью лишь тогда, когда Храм возвышается там, где ему надлежит находиться, и все в нем устроено точно в предписанном Торой порядке. Но поскольку место, на котором должен был стоять Храм, указано самим Всевышним, то святость его сохраняется и после разрушения Храма. Ведь это место является особенной точкой в физическом мире, где возможность непосредственной связи с Божественным сохраняется на все времена. И хотя особые качества Святая Святых пока не проявляются открыто, такая возможность существует всегда.

Несмотря на то, что святость навечно связана с землей Израиля, она не может раскрыться в полной мере до тех пор, пока Храм не стоит на горе Мориа, и все, что попадает внутрь ее концентрических кругов, не обретет предусмотренную Торой совершенную форму. Для сравнения: другие «святые места», например синагоги, могилы праведников, пророков или мудрецов, не обладают абсолютной святостью. Их «богоприближенность» определяется лишь влиянием тех или иных событий или личностей. Такие места, без сомнения, обладают огромным духовным потенциалом, однако все это совершенно другого рода, чем установленная самим Всевышним святость места, где должен стоять Храм.

— То есть вы хотите сказать, что находка тамплиеров была из Храма Соломона?

— Да, именно так: она должна была быть только из Святая Святых Храма или храниться очень близко к этому месту. И нам известно, что жезл — ключ к этой таинственной находке.

— Вот как? Но что это было?

— Мы можем только догадываться. В Первом Храме в Святая Святых хранился Ковчег Завета. Во Втором — Золотая Минора и, возможно, что-то еще. О чем идет речь в нашем случае — неизвестно. Однако мы точно знаем, что жезл был передан нашей ложе в начале XVIII века на вечное хранение, и мы обязаны выполнить то, что поручено. — Алексей

Григорьевич сделал паузу и сказал с ударением: — Любой ценой. Это дело чести многих поколений.

У Анны Николаевны по коже пробежал холодок. Но она решилась еще спросить:

— Вы упомянули слово «ложя». Речь идет о масонской ложе?

— Да, — после небольшой паузы ответил Алексей Григорьевич, — но в данном случае это не имеет никакого значения.

— Не знаю, что в данной истории имеет значение, а что нет, но должна честно признаться вам, что жезл пропал.

Респектабельность сразу, в один миг покинула ее собеседника.

— Что?! Как пропал? — вскричал он и вскочил с кресла. Его лицо вдруг покраснело, на лбу выступили капельки пота. — Вы понимает, что говорите? Это же может иметь непредсказуемые последствия в мировых масштабах! Я не преувеличиваю! А если он в руках тех, кто знает, как открывается тайна тамплиеров? А если эта тайна способна разрушить духовный мир сотен миллионов людей, основы христианской веры?

— Вам-то что, — попробовала защищаться Шувалова, — вы же, масоны, ни во что не верите!

— Какие глупости! Да само посвящение в ложу требует, чтобы человек был религиозен. Да, нам все равно, какой религии он придерживается, но духовное начало обязательно! Как же можно совершенствоваться без этого!

— Но у вас же все перевернуто с ног на голову! Свобода, равенство, братство — ваши же лозунги, а женщин в масоны не принимаете, хотя и верите в единство мужского и женского начал Великого Архитектора Вселенной! — Анна перевела дух. Тем временем и Алексей Григорьевич взял себя в руки.

— Так, давайте теперь все по порядку. Женщины тут вообще ни при чем! Сейчас же расскажите мне в деталях, что случилось и как.

Анне ничего не оставалось, как поведать о нападении на Бестужева. Однако она умолчала о том, что, по словам Артура, как раз он и должен был передать жезл прежним хозяевам. Очевидно, это была явная ложь со стороны Бестужева, в которой Анна хотела разобраться сама.

И в этот момент Алексей Григорьевич вдруг спросил:

— Как, вы говорите, фамилия вашего друга? Бестужев? Так вот что я вам скажу: он работает либо на Ватикан, либо на орден тамплиеров. Хотел бы я знать, на кого именно.

Глава 20

Бестужев

Анна вернулась домой поздно ночью, около половины второго. Трубецкой ждал ее, не находя себе места. Еще до поездки на дачу Шувалова все ему рассказала и они заранее договорились, что если к утру Анна не выйдет на связь, то Сергей Михайлович будет разыскивать ее всеми доступными средствами.

— Слава Богу, ты жива, — такими словами встретил ее в прихожей Трубецкой. — Чаю, вина, коньяку, мужчину?

— Давай начнем с коньяка, а там посмотрим, — устало, но не без сарказма ответила Анна.

Они присели в кухне, и Анна Николаевна рассказала в подробностях о встрече с Алексеем Григорьевичем. Сергей Михайлович выглядел крайне озадаченным.

— Ты знаешь, я не хотел тебе говорить о возникших подозрениях, но у меня давно есть версия, что Артур ведет двойную игру и что его с самого начала интересовала не так история с Дубянским, как все, что приключилось в связи с этой историей.

Далее Трубецкой изложил ей свое видение событий последних недель.

— Бестужев — мой друг, и я не хотел тревожить тебя понапрасну. Думал, со временем все само собой прояснится. А вот нет — видишь, куда нас занесло, — завершил свой рассказ Трубецкой. — Кстати, а куда это он ездил в последнюю командировку?

— Я точно не знаю, — ответила Анна, — по-моему, на Кипр.

— Куда? На Кипр? Неплохо. А на остров Бали у вас в командировки не отправляют? Недельки так на три? А то я готов в таком случае сменить место работы.

— Ты прав, я как-то и не задумывалась об этом... И что он делал на Кипре? Не сказал нам ничего... Укатил неожиданно, в один момент. Придется его завтра поприжать!

На следующий день первым делом Сергей Михайлович и Анна нанесли визит в больницу. Начали они с посещения лечащего врача, который несколько неожиданно для Анны и Трубецкого сообщил, что Бестужев, собственно говоря, здоров и может выписываться хоть сегодня.

— Как это — здоров? — переспросила Анна. — Да на его лицо страшно смотреть!

— Понимаете, такое впечатление, что его били профессионалы, — заметил в ответ доктор.

— Что вы имеете в виду? — спросила Анна.

— Видите ли, в правоохранительных органах и в охранных фирмах учат бить так, чтобы припугнуть. Иногда сильно, чтобы наставить синяков, но не калечить и не убивать. Так вот, по характеру повреждений я могу сказать, что били либо бывшие менты, либо спецназовцы. То есть кровоподтек есть, синяк отменный, но не покалечили. Так что ваш товарищ может идти домой — синяк рассосется.

Однако, в отличие от врача, сам Бестужев пребывал в весьма мрачном настроении.

— Ума не приложу, что теперь делать с такой рожей, — сказал он, когда Трубецкой с Анной поинтересовались его самочувствием.

— С рожей мы разберемся, — ответила Анна, — а вот что будем делать с жезлом?

Не желая больше ходить вокруг да около, она кратко изложила ему содержание беседы с Алексеем Григорьевичем. Шувалова не задавала никаких вопросов, просто сухо сформулировала факты. А вот Сергей Михайлович не выдержал:

— Артур, мы с тобой знакомы уже много лет. Как так могло получиться, что с твоей подачи мы попали в историю, которая теперь грозит разрастись до скандала мирового масштаба?

Артур, отведя взгляд, молчал. Наступила пауза.

— Не должно было быть никаких историй и уж тем более никакого скандала, — наконец тихо произнес он.

— А что, мы должны были просто украсть для тебя эту железку? — В голосе Анны ясно читалась обида. — Так бы и сказал, что наше место — среди воров, что мы теперь — шайка по добыче старинных артефактов имени Санкт-Петербургского университета. И, надо

понимать, нападение на нас в пещере, взлом моего номера в киевской гостинице и попытку проникновения в квартиру тоже ты организовал?

— Нет-нет, Аня, что ты! — Артур повернулся к ней и приподнялся на кровати. — К нападениям и взломам я не имею никакого отношения! Я виноват перед вами, но все, что делалось, — в благих целях, поверьте мне. Я связан клятвой и не могу рассказать вам все, что касается этого жезла...

Бестужев откинулся на подушку, снова отвел глаза в сторону и замолчал. В больничной палате повисла напряженная тишина.

— Впрочем, ладно, будь что будет! — решительно произнес он через минуту и продолжил: — История такова. Ваш Алексей Григорьевич абсолютно прав. Мы держали в руках жезл Гуго де Пейна — основателя и первого Великого магистра ордена рыцарей Храма. В далеком 1127 году он лично запечатал этим жезлом ларец, в котором хранилась тайна тайн тамплиеров, нечто, найденное девятью посвященными рыцарями вблизи Святой Святынь Храма Соломона в недрах горы Мориа. Жезл, без которого ларец не открыть, был увезен в Шотландию по приказу последнего Великого магистра тамплиеров Жака де Моле, который, предчувствуя коварство короля Филиппа Красивого и Папы Климента V, вознамерился спасти реликвию ордена. Там он хранился до конца XVII века в Эдинбурге, в личном архиве рода Брюсов, которые ведут свою родословную от славного короля Роберта I. И так случилось, что наследники благородного Роберта, бывшего учредителем шотландского ордена рыцарей Храма, стали основателями движения франкмасонов — братства вольных каменщиков, провозгласивших себя духовными правопреемниками тамплиеров. Но ведь тамплиеры служили Храму, Христу и Марии Магдалине, они никогда не выдвигали идей свободы, равенства и братства и уж тем более были весьма далеки от толерантного отношения ко всем религиям. Таким образом, возник определенный духовный конфликт между мировоззрениями тамплиеров и франкмасонов, который не удастся разрешить и по сей день. Жезл в силу разных причин через Шотландию, Якова Брюса и Великую ложу Англии попал в Россию. Брюс был уверен, что здесь его хранить безопаснее всего, учитывая безразличие, которое православная церковь питала тогда к масонам. Но таким образом тамплиеры утратили одну из самых важных своих реликвий, которую поклялись вернуть. Для достижения этой цели нужен был медальон и необходимо было проникнуть в ложу. На решение этих задач ушло больше двухсот лет. В свою очередь, для масонов дело чести — обеспечить сохранность жезла, а они так глупо потеряли его после нашего посещения...

Следует также учесть, что все это время совсем даже не дремала и католическая церковь. В ее интересах — завладеть и жезлом, и реликвией тамплиеров, которая, как им кажется, все еще угрожает устоявшемуся церковному порядку. Поэтому охота за наследством ордена идет с трех сторон.

— Но почему сразу было не сказать нам обо всем этом и не подвергать друг друга опасности? — спросила Анна.

— Я уже говорил, что никакой опасности не должно было быть. Я должен был взять жезл на хранение, положить в сейф, затем инсценировать ограбления сейфа — и все.

— Артур Александрович, а вы-то чьи интересы представляете? Церкви или ордена? — Вопрос Трубецкого, который подчеркнуто перешел на «вы», прозвучал, возможно, излишне жестко.

Бестужев внимательно посмотрел на него и после паузы медленно произнес:

— Я, как и мои предки, принадлежу к числу последователей славного ордена рыцарей Храма. И наши цели благородны...

— Но ведь нельзя достичь благородной цели через обман и воровство, — заметил Сергей Михайлович.

— Что вы понимаете?! — вдруг повысил голос Бестужев. — Да знаете ли вы, сколько людей погибло из-за этого жезла? А тысячи благородных рыцарей, которые отдали свою жизнь на кострах инквизиции, но не выдали тайну тайн?! А все эти семьсот лет борьбы, поиска, кропотливых исследований. — Артур привстал на кровати и заговорил с пафосом: — Тайна принадлежит нам, как и жезл! Жак де Моле должен быть отомщен!

Анна не верила своим ушам. Вместо respectable профессора, исследователя и коллеги она вдруг увидела взвинченного до крайности, отчужденного члена таинственного ордена, следы которого терялись в глубинах средневековья.

— Если все, что мы услышали, правда, — сказала она, обращаясь к Трубецкому, — то теперь становится очевидным, что жезл следует искать где-то в Риме, так как две из трех заинтересованных сторон — масоны и тамплиеры — пребывают в неведении относительно его местонахождения.

— Но где же та самая тайна тайн, о которой столько говорят и пишут? Не на Кипре ли, а, Артур Александрович? И что это? Священный Грааль? Голова языческого божества? Корона иудейских королей? Палец Иоанна Крестителя? Я припоминаю, что имеется с десятков версий о том, что именно нашли тамплиеры в Храме Соломона, — сказала Анна, обращаясь теперь к Бестужеву.

Тот потупился.

— Я не знаю, что находится внутри ларца, — ответил Артур, — потому как являюсь только его хранителем...

Глава 21

Хранители ларца

Граф Бежо и четыре сопровождающих его рыцаря выехали из южных ворот Парижа, когда уже стемнело. Всю ночь и весь следующий день они скакали, останавливаясь ненадолго, только чтобы дать отдых лошадям. Храмовники старались не привлекать лишнего внимания и поэтому по дороге огибали все деревни и города. Однако к исходу вторых суток у одной из лошадей отвалилась подкова, и они вынуждены были заночевать в ближайшей деревне. Кузнец, увидев красные кресты на белых плащах рыцарей, быстро и без лишних разговоров подковал лошадей, но отказался брать с них плату за работу, очевидно желая побыстрее их выпроводить. Граф удивился такой щедрости, однако раздумывать над мелочами было некогда, и отряд снова пустился в путь. Лишь подъехав к Марселю, когда они приблизились к местному командорству ордена, загадка невиданной щедрости и торопливости кузнеца прояснилась: над донжоном местной крепости вместо бело-черного штандарта тамплиеров реял королевский стяг. Граф Бежо понял, что случилось что-то чрезвычайное и непоправимое.

Было решено остановиться у верных людей в соседней деревне, снять плащи и другие опознавательные знаки храмовников и отправить двух рыцарей в Марсель, чтобы выяснить, есть ли возможность попасть на корабль. Они вернулись через несколько часов с ужасными

вестями: по приказу короля Великий магистр Жак де Моле и все руководство ордена арестованы, по всей Франции захвачены командорства, корабли ордена под арестом, а на отправление любых судов введен запрет. Покинуть город можно лишь с личного разрешения городского прево.

Остаться в деревне было опасно даже с учетом благожелательного отношения местного сержанта. И тогда граф Бежо принял решение направиться в одно из своих родовых имений, затерянных в горах на юге Португалии. Трудным и опасным было это путешествие, однако рыцари достигли цели. Там, вдали от пап и королей, они нашли кров и приют. Именно там спустя несколько лет они узнали о трагической гибели на костре Жака де Моле и других руководителей ордена: Гуго де Пейро, Жоффруа де Гонвиля и Жоффруа де Шарне. В тот же день рыцари дали клятву хранить ларец, доверенный им Великим магистром, до тех пор, пока они не смогут вернуть его следующему главе возрожденного ордена. Они назвали себя братством *Хами* — хранителей — по примеру древних правителей Иерусалима.

Жак де Моле все рассчитал верно: невзирая на молодость, граф Бежо обладал не только авторитетом среди посвященных членов ордена, но и незаурядными организаторскими способностями. Он собрал под крылом братства несколько десятков тамплиеров из числа спасшихся от преследований католической церкви рыцарей, превратившихся теперь в обычных землевладельцев. Было решено, что из них по традиции будет отобрано девять посвященных членов Внутреннего Храма, в родовых имениях которых, раскинувшихся от Италии до Португалии, ларец будет храниться поочередно. В случае смерти одного из них в братство надлежало принять нового хранителя из числа тамплиеров или верных ордену членов их семей.

Прошли века, на протяжении которых братство *Хами* достойно оберегало свою тайну. Впрочем, с появлением банковского сейфа необходимость скрывать ларец в подземельях и склепах отпала сама собой. Так было принято решение, что каждый хранитель будет ответственным за сохранность ларца на протяжении одного года, в течение которого ларец должен был находиться в депозитном сейфе надежного банка. Затем ларец просто пересылался в выбранный следующим хранителем банк, снова на год. И так должно было бы продолжаться до тех пор, пока новый Великий магистр воссозданного ордена не прервет этот цикл. Никто из хранителей, кроме приора братства, не знал, ни сколько их в мире, ни их имен, ни последовательности их смены. Каждый из членов братства дал самую суровую клятву никогда и ни при каких обстоятельствах не пытаться открыть ларец и узнать о его содержимом. Даже посвященным хранителям было сказано, что вскрытие ларца без оригинального ключа, который будет в руках Великого магистра ордена, приведет к уничтожению реликвии, с которой связано роковое заклятие.

Так было до тех пор, пока волею случая в руки Бестужева, отлично знавшего не только свою родословную, но и старинную легенду о найденной в недрах горы Мориа таинственной реликвии и медальоне с символом Адама Кадмона, не попал сам медальон. Так уж случилось, что среди предков Артура Александровича был приор самого восточного командорства ордена, расположенного в тогдашней Венгрии, а ныне — на Волыни, который в период гонений на тамплиеров нашел спасение и пристанище не на Западе, а на Востоке Европы.

Бестужев хорошо помнил тот день, когда у него дома поздним вечером раздался телефонный звонок и мужской голос по-латыни произнес заветное слово, по которому хранители должны были узнать друг друга: «Единство». Так Артур Александрович впервые

удостоился чести принять на себя хранение реликвии. По чистому совпадению именно в тот момент он был занят разбором переданных в университет архивов и узнал о деле Дубянского и о существовании медальона. Ликованию Бестужева не было предела! И в его голове созрел план, как завладеть жезлом. Возможно, впервые за семь веков появился реальный шанс заполучить в одни руки все необходимые ключи и открыть ларец! Ведь это только сам ларец в банковском хранилище защищен сенсором, но не его содержимое, до которого без ключа не добраться... Разумеется, Бестужев понимал, что тем самым он нарушил бы правила братства и данную клятву, но что это значило по сравнению с перспективой заполучить в свои руки нечто, что столько лет держало в страхе саму католическую церковь! И он решил рискнуть.

План Бестужева предполагал, что расследование дела об утопленнике Федоре Дубянском рано или поздно приведет к жезлу. Затем, когда жезл будет в его руках, должна была состояться поездка на Кипр, поскольку именно остров Афродиты и его банк были выбраны Артуром в качестве места хранения ларца. Однако обстоятельства и упрямство Анны Николаевны не позволили ему сделать это. Теперь, лежа в больнице, Артур Александрович пришел к выводу, что его настигла кара свыше и он утратил жезл именно потому, что поддался искушению нарушить данное им слово.

* * *

— Господин Бестужев? — Голос в телефоне был с легким западным акцентом. Артур Александрович не мог перепутать — этот же голос несколько недель тому назад сказал ему по телефону заветное слово.

— Да, это я.

— Мы узнали, что с вами случилась э-э-э... неприятность. Нельзя допустить, чтобы из-за какой-то случайности главная задача была поставлена под угрозу. Подтвердите, пожалуйста, что с вами все в порядке.

— Да, я действительно был в больнице, но теперь все хорошо, я уже дома... А как вы, собственно, узнали? — Бестужев был крайне удивлен осведомленностью собеседника.

— Прошу прощения, но в данном случае задавать вопросы — моя привилегия. Я хотел бы убедиться, что происшедшее с вами не связано с братством и нашим делом. Прошу вас подтвердить это клятвой. — Голос в трубке был холоден, как айсберг. — И очень советую вам говорить правду.

Бестужев чувствовал себя крайне неуютно. Одну клятву он уже попробовал нарушить, это плохо кончилось, и врать еще раз ему совсем не хотелось.

— Видите ли, у меня в руках был жезл. Так получилось... Я хотел... — попытался он объяснить, но не находил слов.

— Что? Жезл? Жезл Гуго де Пейна? Вы хотите сказать, что у вас в руках был ключ от ларца? А вы знаете, что гласит заповедь братства? Пришедший с жезлом признается Великим магистром и получает право распоряжаться реликвией по своему усмотрению! Он станет главой нового ордена. Это то, что вы собирались сделать?

— Да, то есть нет... Я знаю о заповеди, но не хотел ничего подобного... В любом случае жезл теперь утерян, — наконец он решился сказать правду.

— Вот как? — Голос в трубке совершенно не изменился. Казалось, что он принадлежит роботу или человеку, которого ничто не может вывести из себя. — Вы хотите сказать, что

нам следует ожидать пришествия нового Великого магистра? Мне остается надеяться, что тот, кто теперь владеет ключом, не знает место хранения ларца. Хотя бы в этой любезности вы ему отказали?

Глава 22

Секретарь епископа

Когда на следующее утро Бестужев вышел из дома, знакомый до головной боли «туарег» уже стоял перед парадным. Увидев машину, Артур остановился и инстинктивно попятился. В этот момент задняя дверь машины открылась и из нее вышел молодой человек в плаще, под которым угадывалось черное одеяние католического священника.

— Прошу вас, господин Бестужев, не бойтесь, вам ничего не угрожает, — сказал он по-русски с едва заметным акцентом. — Те бандиты из бывших местных полицейских, которые напали на вас, уволены. Я только хочу с вами поговорить.

— А почему вы решили, что я тоже хочу с вами говорить? — У Артура совершенно не было настроения разыгрывать радость по поводу встречи с этим священником.

— Потому что жезл у нас, а у вас из-за этого неприятности. Ведь так?

Бестужев не ожидал такого поворота.

— Кто вы, собственно говоря, такой? — спросил Артур. — И от чьего имени собираетесь со мной говорить?

— Ну, скажем так, я из Рима. И представляю тех, кто заинтересован в сохранении всеобщего мира и спокойствия. А называть меня можете как угодно, например, кардинал Мазарини.

— А вы не без чувства юмора, — сказал Бестужев, — но для Мазарини вы слишком молоды и слишком чисто говорите по-русски. Впрочем, это и правда не имеет значения. Поднимемся ко мне, но только вдвоем, без сопровождения.

Разговор был продолжен уже в гостиной квартиры Бестужева. Артур все же нашел в себе силы быть гостеприимным и предложил гостю чаю. Тот согласился.

— Прежде всего, хотелось бы понять, откуда вы вообще узнали о моем существовании и о том, что я имею отношение к этому жезлу? Что-то не припомню, чтобы я давал объявление в прессе по этому поводу, — сказал Артур, предлагая гостю присесть в кресло и усаживаясь сам.

— Все намного проще, чем вы думаете. С той самой осенней ночи 1796 года, когда наши друзья из Мальтийского ордена были так близко к заветной цели, но все сорвалось из-за внезапного исчезновения господина Дубянского, мои предшественники пытались найти ответ на вопрос, что же с ним приключилось. Однако все, кто был как-то причастен к этому делу, вскоре ушли из жизни, некоторые из них — таинственным образом, а родственникам Дубянского было официально объявлено, что он просто утонул. Но мы-то знали, что в ту ночь жезл был у него с собой, и потому не верили в подобные совпадения. Чтобы установить истину, нужно было проникнуть в архивы госбезопасности, куда со временем перевезли все бумаги Тайной экспедиции, а это нам никак не удавалось. И вот однажды наш человек, работающий в соответствующих органах, сообщил, что архивы основательно чистят, а все старые и никому не нужные дела передают ученым. После этого оставалось только проследить, что дело Федора Дубянского попало в ваши руки. А когда мы засекли вашу

поездку на дачу духовника Елизаветы Петровны, где и обнаружили давно разыскиваемые нами следы Великой английской ложи, стало ясно: вы, а значит, и мы попали на след жезла.

— Подождите-ка, выходит, что и нападение на меня, и попытка взлома квартиры Анны Шуваловой, и тот случай в киевской гостинице — это все ваших рук дело? То есть на вас работают не только бандиты, но и домушники?

— Это были недостойные и грубые методы, за которые виновные уже понесли суровое наказание, уверяю вас. Мы вовсе не заинтересованы в нарушении законов.

— Но зачем вам нужен жезл?

— Чтобы открыть ларец.

— Но ведь ларец... Какой ларец? — вдруг насторожился Бестужев. — О чем это вы?

— Артур Александрович, — с легким раздражением сказал священник, — ну вы же знаете, что речь идет о ларце, в котором хранится некая главная реликвия тамплиеров. Тайна, к которой имели доступ только члены Внутреннего Храма ордена и которая не дает покоя Церкви уже много веков.

— Очень интересная легенда, только с чего это вы взяли, что я имею к этой истории какое-то отношение?

— Вначале, уж простите за откровенность, вы нас интересовали только как человек, в руках которого находится жезл. Ведь ларец-то — у нас.

Священник замолчал, явно наслаждаясь эффектом, который произвели его слова: Бестужев совершенно не был готов к такому повороту событий. Однако он быстро взял себя в руки.

— Ну и что же в этом ларце оказалось? — спросил он как можно более равнодушно.

— Артур Александрович, понимаете ли вы, что все, о чем я говорил до этого момента, было, в общем-то, только информацией? А вот если я отвечу на ваш вопрос, то вы станете носителем тайны, цена которой — жизнь...

— Да мне нет никакого дела до ваших тайн! Я просто так спросил, хотите — говорите, хотите — нет.

— Неправда. Вам, хранителю, совсем не безразлично то, о чем я говорю. — Голос священника звучал ровно и убедительно. Было очевидно, что он не блефует.

— Простите, я все равно не понимаю, о чем идет речь. — Бестужев не сдавался.

— Послушайте, Артур Александрович! В вашей стране прослушивание телефонных разговоров — это настолько технически просто и дешево с финансовой точки зрения, что не составляет никакого труда. Мы знаем, что вы — один из так называемых *Хами*, то есть хранителей, и что настоящий ларец сейчас на вашем попечении, — сказал священник. — Я предполагаю, на Кипре, куда вы не так давно летали.

— Но ведь вы утверждаете, что ларец у вас. — Артур решил довести свою партию до конца. — Сколько же, по вашему мнению, их существует, этих ларцов?

— Как оказалось, два. Гений Гуго де Пейна создал ситуацию, которая столько лет не давала покоя многим сильным мира сего... Наш ларец был захвачен в резиденции тамплиеров в Труа солдатами короля Филиппа еще семь веков тому назад, в 1307 году, когда орден был разгромлен. Однако не было ключа, а открывать без него, не зная, что там внутри, не решился бы ни один Папа. В наше время ларец был просвечен и изучен вдоль и поперек. Но все снимки и исследования показали, что он пуст, а в это ни один Папа уже не мог поверить. Мы были уверены, что это какая-то хитрость и, если появится оригинальный ключ,

то есть жезл, реликвия как-то обнаружит себя. Увы, наш ларец действительно оказался примитивно пуст.

— Знаете, что я вам скажу. — Бестужев вдруг заговорил напористо, даже агрессивно. — Вы или кто там был от вашего имени — это не суть важно — на протяжении столетий действовали противозаконно, причем делали это многократно. Еще в случае с Федором Дубянским представители Мальтийского ордена хотели нарушить законы как морали, так и страны — пошли на прямой подкуп и контрабанду. И сейчас вы занимаетесь тем же. Попытки проникновения в квартиру, ограбление с нанесением телесных повреждений — да по вам Уголовный кодекс плачет!

— Да нет же! Я могу заверить вас, что мы к этим событиям не причастны. Поймите, неверно отождествлять интересы Ватикана и бывших госпитальеров! Мы заинтересованы, чтобы в мире царили спокойствие и согласие, и поэтому я привез жезл назад.

— Да, конечно, вы хотите спокойствия и согласия, но только на ваших условиях, с целью сохранения существующего порядка вещей, когда только Ватикан решает, кто есть грешник, а кто праведник! Сколько людей погибло из-за вашего мракобесия! Только в средние века восемь миллионов женщин обвинили в том, что они ведьмы, и сожгли на кострах инквизиции! И это по самым скромным подсчетам! Вы даже «апостола апостолов» Марию Магдалину блудницей называли на протяжении пятнадцати веков только из-за буллы какого-то Папы-женоненавистника!

— Сила не в том, чтобы продолжать упорствовать в своем заблуждении, а в том, чтобы уметь признавать и исправлять собственные ошибки. Мы официально признали, что Мария Магдалина блудницей не была. И принесли свои извинения тем, кто пострадал от неверных действий Церкви. Вам станет легче, если я от имени Ватикана попрошу прощения еще и лично у вас?

— Лично мне ваши извинения не нужны. Я просто хочу справедливости.

— Господин Бестужев, давайте перейдем к делу. — Священник, очевидно, посчитал дискуссию оконченной. — Знаете ли вы, что случилось с вашими... коллегами, которые являлись членами братства так называемых хранителей? Ваш предшественник Педро де Сильва умер от инфаркта в сорок два года. А когда его предшественник выбрал для хранения американский банк «Пасифик Юнион», тот обанкротился и ларец лишь чудом удалось оттуда забрать. А перед этим в доме хранителя Йохана О'Хары случился пожар... Продолжать? На самом деле все — без исключения! — хранители испытали на себе проклятие ларца в той или иной степени, поверьте мне на слово. Они, конечно же, не связывали постигшие их несчастья со своим членством в братстве, но мы в деталях все проверили и убедились: связь между ларцом и неприятностями, которые происходят с теми, кто находится возле него, не случайна.

— Вы знаете, что в нем?

— Нет, и это совершенно не важно. В наших архивах достаточно свидетельств и догадок, чтобы принять решение: содержание ларца должно быть доставлено на Святую землю и возвращено туда, где его нашли, — в недра горы Мориа. Пусть тайна тамплиеров упокоится там, откуда она пришла в наш мир, — так для всех будет лучше. Между прочим, именно в этом и заключался план Жака де Моле, когда он отправил графа Бежо с отрядом рыцарей из Парижа накануне той трагической для ордена ночи. Он хотел, чтобы содержимое ларца наконец вернулось на Святую землю и тем самым несчастья тамплиеров прекратились. Великий магистр был суеверен.

— Не смейте даже упоминать его имя! Я не вступлю в сговор с палачами Жака де Моле!

— Но ведь его палачи искупили свою вину смертью! Вы же отлично знаете, что проклятие Великого магистра настигло всех без исключения его мучителей. Ни на каком суде — земном или небесном — не карают дважды! Если благодаря этому ларцу будут разрушены основы Церкви, неужели в мире станет меньше голодных или прекратятся войны? Вы подумайте о той важнейшей роли, которую играет Церковь в обществе! Две тысячи лет она стоит на страже морали и духовности, является неотъемлемой частью жизни для огромной части человечества! Так не лучше ли исключить внешние силы из игры, чтобы не вмешиваться в естественный ход вещей?

— А если там — священный Грааль, который дарует, как говорят легенды, вечную жизнь?

— Ну, подумайте сами, как это было бы странно: Творец даже самому Адаму и его ближайшим наследникам не даровал вечную жизнь. Ведь в Ветхом Завете указан точный возраст каждого... Пусть жили они долго — скажем, по девятьсот лет... Адам, в частности, девятьсот тридцать лет прожил, но ведь все равно все они умерли. Так по какой такой причине какая-то чаша окажется выше воли Господа и будет даровать вечную жизнь каждому, кто из нее выпьет? Тогда ничего не мешало бы напоить всех... К вашему сведению, легенда о священном Граале вообще-то родом из рыцарских романов XII века. Совсем не в каких-то сосудах нужно искать жизнь вечную, а в духовном бессмертии, в продолжении рода, в учениках.

— Кстати, о продолжении рода и об учениках, — подхватил тему Бестужев. — Почему Ватикан не признает тот факт, что Мария Магдалина была Божественной супругой Иисуса Христа и вместе с ним пришла в этот мир с Евангелием?

— Это не относится к делу, о котором мы с вами говорим. И потом, это в любом случае совершенно невозможно — есть предел и для компромисса с нашей стороны.

— Но если в ларце окажутся неопровержимые доказательства этого факта, что вы тогда скажете?

— Все, что необходимо было вам сказать, уже сказано. Сохранится ли спокойствие и стабильность в мире — решать теперь вам. Возьмите жезл, вот он, — и отныне я полагаюсь на ваш разум.

Глава 23

Ларец тамплиеров

В тот же вечер в кухне у Бестужева собрался, как пошутила Шувалова, «малый синедрион» в составе Артура Александровича, Трубецкого и ее собственной персоны. Посередине стола стояла бутылка все того же «Remy Martin», три коньячных бокала и лежал жезл Гуго де Пейна. Все сидели молча. Только что Бестужев передал им свой разговор с гостем из Рима, и теперь следовало решить, что же делать дальше. Трубецкой налил всем коньяка, взял бокал и, не сказав ни слова, выпил. Затем налил себе вторую порцию.

— Ну что, братья-славяне, — не выдержал Бестужев, — вместе впутались в историю, давайте вместе и выбираться. Вариантов у нас, видимо, несколько. Первый: жезл мы отдаем обратно в ложу, ларец я через несколько месяцев отправлю следующему хранителю и больше никогда не увижу, а католическая церковь пусть продолжает самостоятельно искать

и то, и другое. Плюсы этого варианта: ларца от нас отстанет, я не нарушу клятву хранителей, никаких катаклизмов не произойдет, во всяком случае, пока. Минусы: ларец будет продолжать наносить ущерб, охота за ним не прекратится, и поэтому не исключаются новые человеческие жертвы. Второй вариант: я с жезлом заявляюсь в братство *Хами* и объявляю себя, в соответствии с правилами игры, новым Великим магистром. Получаю ларец, с ним — реликвию, и все тридцать три удовольствия, которые с этим связаны. Церковь начинает сначала со мной заигрывать, потом меня же преследовать, и, наконец, кто-то меня отравит или стукнет, как Дубянского, по башке железкой. То есть я буду жить хорошо, но недолго. При этом спокойствие в мире в целом будет соблюдено, если, конечно, я смогу обеспечить сохранность ларца. Это, в принципе, не так уж и сложно, хотя проклятие, связанное с реликвией, никуда не денется и, кроме того, моя персона станет объектом весьма пристального внимания... Третий вариант: еду на Кипр, открываю ларец и забираю то, что в нем хранится. Отвожу содержимое в Израиль, еду в Иерусалим и каким-то образом прячу эту штуку — что бы это ни было. Конечно, если до того она не успеет меня угробить. Плюсы: вся эта тысячелетняя история заканчивается, ларец перестает забирать жизни, Церковь довольна больше всего. Минусы: я могу не успеть спрятать содержимое ларца, его украдут или отнимут силой, и тогда глобальные последствия неизбежны.

— То есть в переводе с литературного на нормальный язык первый вариант называется «моя хата с краю, ничего не знаю». Второй — «ты ж меня пидманула», а третий — «возьми то, не знаю что, и отнеси туда, не знаю куда», — без тени иронии в голосе прокомментировал сказанное Трубецкой.

— Вот за что я тебя люблю, Сергей, так это за тонкое чувство юмора и глубокие знания народного творчества. — Артур старался не терять присутствия духа.

— Ты вот хотя бы медальон обещаю в любом случае оставить Анне — на память. Она его честно заслужила, — сказал Сергей Михайлович.

— Вопросов нет, — согласился Артур.

— Ну, раз вы меня упомянули, придется высказаться, — заявила Анна и залпом выпила свой коньяк.

— А то, — Трубецкой пожал плечами, — как же это можно решать такие важные вопросы без тебя?

— Ну, тогда скажу вам, наконец, что я обо всем этом думаю. Если подняться над ситуацией и внимательно, не спеша рассмотреть все, что случилось вокруг этой таинственной находки тамплиеров, начиная с расцвета и разгрома ордена, многовековой охоты за реликвиями и сокровищами и заканчивая нашими с вами нынешними проблемами, то остается одна мысль, которую я никак не могу выбросить из головы. Ведь все это делалось в конечном счете не ради денег и даже не ради власти. Страшно подумать, но, по моему, выходит, что *вся эта, с позволения сказать, деятельность — убийства, предательства, заговоры — совершалась на протяжении веков только ради того, чтобы сохранить в неприкосновенности господствующую ныне в мире доктрину о примате мужского начала и сберечь в тайне один-единственный, совершенно очевидный для человека разумного факт: то, что во Вселенной мужское и женское пребывают на самом деле в гармонии и единстве...* И что не только и не столько для того дано людям физическое различие, чтобы продолжать род, но чтобы совершенствоваться духовно! Ведь не зря же сказано апостолами: *«Если двое в мире друг с другом в одном и том же доме, они скажут горе: переместись! — и она переместится».*

Если принять, что душа приходит в тело, как вода в сосуд, и наполняет его, и живет с ним в материальном мире по его законам, то нужно понимать, что она тоже имеет свою цель — совершенствование во имя достижения высшего уровня развития. А для этого душа, как писал поэт, «обязана трудиться», и происходит это именно через единство и борьбу противоположностей — мужского и женского, духовного и материального. Но духовное совершенствование невозможно без Любви. Ведь Любовь — это и есть тот величайший закон Вселенной, который позволяет двум частям одного целого распознать, и приблизиться друг к другу, и соединиться — в первую очередь через обмен энергией на духовном уровне, а уж потом — через физические отношения. Любовь и есть та сила, которая движет самыми мощными порывами души, обеспечивает циркуляцию Божественной энергии через наш физический и множество духовных миров... Именно поэтому каждый такой порыв сродни акту Божественного Творения. Ни страх, ни наслаждение от власти или от удовлетворения физических потребностей — ничто не может сравниться с Любовью по энергетическому потенциалу.

Я вообще не знаю, существует ли в этом мире что-то более важное, чем достижение гармонии мужского и женского начал, их согласованного взаимодействия. Именно в этом заключается разгадка вечности жизни: если душа в результате проделанной ею работы очищается и совершенствуется, она приближается к тому идеалу, который был заложен Создателем при Сотворении мира и поднимается все выше и выше в иерархии духовных миров. В конце концов она достигает того уровня, где, как говорят каббалисты, «лишь тонкая завеса отделяет ее от Бога». Если же душа не выполнила свое предназначение в земной жизни, она снова и снова будет возвращаться в бранные тела, чтобы продолжать трудиться на низших уровнях.

— Ну, ты и картину нарисовала — просто кошмар, — сказал Трубецкой.

— Да нет, кошмар — это то, что творится вокруг этой никому не известной находки тамплиеров. Вы только подумайте: никто не знает, что это такое, но все ее почему-то ужасно опасаются! Складывается впечатление, что именно на ней сконцентрировался поиск ответа на основной вопрос бытия: что есть Бог, а что есть человек и какая взаимосвязь существует между ними? Ведь если допустить, что *Святой Дух — это фактически женское начало, и если справа от Бога Отца на Небесах пребывает Бог Сын, то слева нужно помещать Богиню Дочь, но «Дочь», так сказать, «в законе», то есть Божественную супругу Сына*. И тогда становится понятным то, что называется «священными узами брака», и почему «браки заключаются на небесах». И тогда нужно иначе интерпретировать Ветхий Завет: дело не в том, что это *женщина* первая согрешила, послушавшись Змия и уговорив Адама попробовать яблоко, а они *оба* одинаково ответственны: не хотел бы Адам — не ел бы сам и ей бы не дал! Так что на самом деле не женщина является — как бы по определению — источником греха и разврата, а все имеет две стороны, два источника и два начала... И с первородным грехом неувязочка вышла, ведь сказал же Господь на шестой день: плодитесь и размножайтесь. Грех же заключался в нарушении запрета Божьего, вот и все, и ни при чем тут интимные отношения мужчины и женщины. Почему женщины могут быть монахинями, а священниками быть не могут? Вот пример Досифеи вообще ярчайшим образом продемонстрировал — мне даже слово правильное трудно подобрать — весь гротеск, что ли, этой ситуации, когда молодая девушка перевоплотилась в святого старца, которого вся Русь знала и уважала за подвиги его духовные, а ведь ее при этом даже постричь в монахи отказывались! Приближение к Богу происходит не иначе, как через восстановление

андрогинического образа и подобия Божьего, искаженного распадом на мужское и женское в человеческом роде. Обожаю Бердяева: «Тайна о человеке связана с тайной об андрогине»!

И чем дольше я об этом думаю, тем больше мне нравится представлять Иисуса и Марию, которые вместе, но при этом каждый по-своему принесли человечеству и новую заповедь, и новое мировоззрение, и надежду на спасение, и вечную жизнь... Вспомните, как полностью звучит эта заповедь из все того же Евангелия Любви, то есть от Иоанна: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как возлюбил Вас, так и вы да любите друг друга; по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13:34—35).

— Анечка, здесь, на этой кухне, ты видишь конкретных представителей мужского начала, которые с тобой согласны, честное благородное слово! Но сейчас нам надо вернуться к решению второго главного русского вопроса: «что делать?», поскольку первый главный русский вопрос «кто виноват?» ответа не имеет в принципе. — Бестужев постучал пальцем по жезлу. — Эта штука не даст нам покоя, пока мы ее не пристроим.

— У меня есть конкретное предложение, — вдруг сказал Трубецкой очень серьезно. — Мы все вместе летим на Кипр. Ты, — он указал на Бестужева, — идешь в банк, открываешь ларец, забираешь то, что там находится, и немедленно отправляешься в Иерусалим. Там несколько лет назад отрыли туннель Хасмонеев — подземный водовод, которым через всю Храмовую гору подавали воду. Он проходит очень близко от Стены Плача, которая и есть то, что осталось от иудейского Храма. Так вот, мне кажется, именно там стоит поискать место вечного пристанища для содержимого ларца. Во всяком случае я не представляю, как иначе в современных условиях можно проникнуть в недра горы Мориа поближе к Святой Святым, — ведь уровень нынешнего Иерусалима чуть ли не на двадцать метров выше того города, что был при Иисусе Христе. А мы с Анной Николаевной в это время перевозим жезл обратно в Санкт-Петербург и отдаем его масонам — пусть хранят его дальше. По возвращении ты встретишься с этим священником из Рима и расскажешь ему о наших успехах — надеюсь, подрыв основ Церкви совершенно не входит в наши планы. Мне кажется, что так все останутся довольны, включая твоих хранителей, которым теперь предстоит оберегать пустой ларец, хотя они и не будут догадываться об этом. Просто ларец станет для них безопасен. А легенды о таинственных находках тамплиеров и подвигах рыцарей Храма пусть и дальше живут — в книгах и кино, — это же так красиво...

Глава 24

Загадки цистерцианского монастыря

План Трубецкого, как и решение незамедлительно лететь на Кипр, были приняты единогласно. Никаких особенных приготовлений не требовалось. Анна лишь связалась по телефону с Алексеем Григорьевичем и, клятвенно пообещав через пару дней вернуть жезл, попросила никаких действий, связанных с правоохранительными органами, до их возвращения не предпринимать.

Кипр встретил их радушно, и в банке, как всегда, были счастливы видеть господина Бестужева. Единственное, что изменилось с его предыдущего визита, — это явно повышенные меры безопасности возле банка. Как объяснил управляющий, связано это было с попыткой дерзкого ограбления, которая приключилась несколько дней тому назад. К

счастью, тогда все обошлось без жертв и финансовых потерь, однако решение усилить внешнюю охрану все же было принято — в качестве профилактики.

Трубецкой и Анна остались в машине. Они пожелали Бестужеву успеха и пообещали ждать его так долго, как ему будет нужно, хотя и с учетом запланированных на этот же день авиарейсов: для них — в Санкт-Петербург, для него — в Тель-Авив. В свою очередь, Артур Александрович держался молодцом до того самого момента, когда его привели в уже знакомую комнату, где клиенты банка могли обслужить свои вещественные депозиты самостоятельно. На этот раз он взял с собой небольшую кожаную сумку, которая в случае необходимости закрывалась на ключ. Сейчас в ней лежал только жезл. Последовала обычная процедура с набором кодового слова на сенсорном экране, и через минуту перед ним стоял уже знакомый металлический контейнер, внутри которого хранился ларец. Дальше для него все происходило как во сне.

Он достал ключ и открыл контейнер.

Ларец был на месте, как и прикрепленное к нему намертво сенсорное устройство. Бестужев достал жезл... и вдруг присел за стол, почувствовав, что силы покидают его.

«Сохранится ли спокойствие и стабильность в мире, решать теперь вам. Возьмите жезл — отныне я полагаюсь на ваш разум», — вспомнились слова священника из Рима. Бестужев постарался собраться с духом. Перед ним, традиционно выходящим победителем из всяких рискованных историй, теперь стоял вопрос, на который не было простого ответа. «Анна права, — мелькнула наконец оформившаяся мысль. — Нужно прекращать эту гонку за тенью. Священный Грааль, таинственные рукописи, голова Бафомета, пальцы Иоанна Крестителя, брачное свидетельство Иисуса Христа, корона иудейских царей — чего только не приписывали тамплиерам. А ведь они искренне служили своему Богу, были образцом мужества, бескорыстия и отваги, того, что теперь называют рыцарством... И избавить наконец человечество от всех этих домыслов и фантазий можно вот здесь и сейчас!» Артур Александрович достал жезл. «А если там нечто, с чем невозможно будет расстаться? А если там смертельный вирус или какая-нибудь другая пакость? Вот глупости, совсем потерял чувство реальности! Ведь столько людей соприкасалось с ларцом в течение этих веков, и ничего... Стоп, но ведь священник говорил, что ларец приносит несчастье, значит, не все так просто...» — продолжало крутиться у него в голове. И вдруг он вспомнил: дерзкая попытка ограбления банка, причем предпринятая вскоре после того, как ларец поселился в его хранилище! Еще одно совпадение? «Нет, этому должен быть положен конец!» — решил он, взял жезл и вставил в замок ларца.

Замок тихонечко щелкнул, как будто сработал хорошо смазанный механизм. Крышка приоткрылась. Бестужев медленно, стараясь перебороть слабость и неуверенность, поднял крышку, откинул бархат... и двумя руками достал завернутое в него сокровище...

Ничего более великолепного ему не приходилось видеть в жизни. В его руках сверкал золотой кристалл идеальной формы в виде двух правильных пересекающихся пирамид. На подставке он увидел выгравированные три буквы, которые на иврите — а Артур Александрович немного знал этот язык — составляли слово «единство». «Так вот откуда пошло волшебное слово, — подумал он, продолжая разглядывать кристалл. — Интересно, что же этот кристалл означает?» Он вдруг понял, что не может отвести от него взгляд. Кристалл притягивал, манил, кружил голову...

«Как такое совершенство можно отдать? Вернуть вглубь горы? Никогда! Что за дурацкие предрассудки! Я буду им владеть, тайно и бескорыстно...» — возникла в голове

шальная мысль. Он сделал над собой еще одно усилие, бережно положил кристалл в сумку, щелкнул замком, затем закрыл ларец и металлический контейнер. Теперь пустой ларец и контейнер отправятся обратно в хранилище, сумку же он заберет с собой. Все, дело сделано, можно возвращаться в мир!

Покидая комнату для клиентов, Бестужев был настолько взволнован и погружен в собственные мысли, что едва ли обратил внимание на необычное поведение уже знакомого служащего банка, который не спускал с него глаз. Когда Артур Александрович прошел через операционный зал к выходу, крепко сжимая в руке сумку, тот снял трубку телефона, торопливо набрал номер, дождался ответа и заговорил по-английски, прикрывая микрофон рукой:

— Он только что покинул банк. В этот раз он был в хранилище с сумкой и вел себя очень странно. Я уверен — ларец был вскрыт, реликвия похищена.

— Вы хотите сказать, что он нарушил клятву? — спросили на том конце линии.

— Да, именно это я и хочу сказать. По-моему, настало время действовать.

— Спасибо, брат. Да настигнет кара каждого клятвоотступника!

По дороге из Лимассола в аэропорт в машине царила тишина. Никто и не пытался разрядить напряженную атмосферу, возникшую сразу, как только Бестужев вышел из банка и сел в машину. Трубецкой и Анна ожидали, что, по меньшей мере, он им скажет, что же было в ларце, если не предложит продемонстрировать реликвию живьем. Артур же был как будто в трансе и не предпринимал никаких действий. Он покинул банк в крайне возбужденном состоянии. Точнее говоря, он уже сожалел, что не сдержался и взглянул на содержимое ларца. Теперь золотой кристалл не шел у него из головы... В таком состоянии ему было не до эмоций Трубецкого и Анны.

В напряженном молчании они добрались до аэропорта. Трубецкой чувствовал, что с Бестужевым что-то не так. Обиженный, он уже собрался пожелать Артуру хорошего перелета в Израиль, поскольку, согласно плану, они с Анной возвращались в Санкт-Петербург, как по громкой связи объявили, что единственный на сегодня рейс в Тель-Авив отменен. Сергей Михайлович заметил, как Бестужева мгновенно прошиб пот, — прямо на глазах его рубашка стала мокрой, несмотря на вполне прилично работающие внутри аэропорта кондиционеры. Анна посмотрела на часы.

— Пять вечера, — сказала она. — Банк уже закрыт.

На Бестужева стало больно смотреть. Без слов было ясно, что он не представляет, как провести еще день с тем грузом, который в этот момент находился в его сумке.

— Артур, ты ли это? — вдруг откуда-то сзади раздался возглас на ломаном русском языке. Все трое обернулись. Прямо к ним направлялся невысокий мужчина средних лет, бородатый, с кругленьким брюшком, одетый в шорты, ботинки для походов по горам, рубашку-поло фирмы «Тимберленд» и в помятой брезентовой шляпе.

— Бен! — едва выдохнул Бестужев. — Шалом, какими судьбами? Машлом-ха? Как поживаешь?

— Шалом, адони! Аколь бе-седер, уважаемый Артур, все в порядке. — Бен подошел к ним, обнялся с Бестужевым и представился Трубецкому с Аней: — Бен Цви, Иерусалимский университет, очень приятно.

— Это мой старый друг, археолог из Иерусалима. — Бестужев действительно был рад встрече. Появление Бена Цви как-то сразу разрядило ситуацию.

— Ты на Кипр по делам или на отдых? — поинтересовался Бен мимоходом, вроде как просто из вежливости.

— Какой там отдых осенью. — Артур досадливо махнул рукой. — Дела, все дела. А теперь вот хотел лететь в Тель-Авив, есть там у меня одно дело, так рейс отменили. Просто какое-то невезение!

— Ты собрался в Израиль, а я об этом не знаю? Смертельная обида на всю жизнь! В наказание я тоже тебе не сообщу, когда буду в Петербурге. А впрочем... — Бен вдруг хлопнул себя по бедру. — Так я же с собственным транспортом, полетели со мной! Я сегодня добрый!

— Что ты имеешь в виду?

— Да меня тут в этот раз местные археологи с комфортом зафрахтовали — прислали маленький чартерный самолетик. Там четыре посадочных места, а я один. Полетели вместе, какая тебе разница, а?

Артур переглянулся с Трубецким и Анной.

— Почему бы и нет? — сказал Трубецкой. — Тут лететь-то всего ничего, часа два.

— Значит, так тому и быть! — сказал Артур. — Прощайте, до встречи в Санкт-Петербурге. Я мигом — в Иерусалим и домой. Спасибо за помощь и поддержку, без вас бы не справился. — Он пожал руку Трубецкому, чмокнул Анну в щечку и вместе с Беном отправился куда-то вглубь аэропорта.

— Кажется, немного отошел, — заметила Анна, — а то так нервничал, что я уж подумала — инфаркт получит.

— А ведь он так и не сказал, что там за штука была, — с сожалением констатировал Сергей Михайлович. — Ладно, может, у него потом совесть проснется. Пойдем, нам тоже пора на самолет.

Вдруг Трубецкой заметил, что Бестужев спешит к ним обратно.

— Сергей, совсем забыл: заберите жезл с собой. Все должно быть, как договаривались. — Он протянул Трубецкому завернутый в кусок ткани жезл. — Верни его хозяевам, пусть радуются. Все равно он уже никому и никогда больше не понадобится.

Ничто, кроме этого короткого эпизода («Возвращаться — плохая примета», — подумала тогда в этой связи Анна), не предсказывало несчастья. Однако по прилете в Санкт-Петербург Сергей Михайлович и Шувалова узнали из новостей, что самолет Бена Цви исчез с экранов радаров над Средиземным морем и упал в воду по неизвестным, скорее всего, техническим причинам. Как сообщили спасательные службы, на месте крушения ни одного из тел найти не удалось, однако было очевидно, что все находящиеся на борту пассажиры и члены экипажа погибли. Услышав эту новость, Анна Николаевна потеряла сознание и слегла на неделю с нервным расстройством. Трубецкой неотлучно находился при ней все это время, а после выздоровления уговорил немедленно вернуть жезл масонской ложе, чтобы поскорее разделаться со всей этой историей. Его же не покидала мысль, что авиакатастрофа была не случайной: реликвия тамплиеров забрала с собой на морское дно свои последние жертвы и теперь была утеряна, очевидно, навсегда.

А вот чего они так никогда и не узнали, так это то, что уже утром следующего дня после их посещения в Банк Кипра пришло письменное предписание за подписью Артура Бестужева переслать находящийся у них на хранении депозит в Банк Ватикана на имя кардинала Мазарини, что и было немедленно исполнено.

* * *

Прошло несколько месяцев после возвращения Сергея Михайловича в Киев. И вот однажды в продолговатом импортном конверте ему пришло приглашение на конференцию во Францию, посвященную исследованию гностических христианских текстов II—V веков. Ему предстояло путешествие в тот самый городок Везеле, что в Бургундии, где был провозглашен Второй крестовый поход. Кроме того, именно в местном аббатстве, как утверждали официальные источники, была захоронена часть мощей Марии Магдалины. С учетом указанных обстоятельств Трубецкой с радостью принял это приглашение.

В конференции принимали участие как университетские ученые, так и духовные лица, а среди обсуждаемых тем важное место занимали раннехристианские образы святых апостолов, в том числе Марии Магдалины, в рукописях Наг-Хаммади. Особенно запомнилось Сергею Михайловичу выступление, или скорее проповедь, монаха местного бенедиктинского монастыря о Марии Магдалине как святой жене и образце любви к Иисусу. Забавно было, что вместе с собой он привел слушательниц — группу молоденьких симпатичных монашек, мгновенно исчезнувших после окончания его выступления. Собравшиеся вежливо выслушали монаха, но позднее, когда дело дошло до публикации материалов конференции, организаторы почему-то отказались печатать его проповедь.

Кстати, именно во время этой конференции Сергей Михайлович узнал кое-какие удивительные подробности, имеющие отношение к делу Дубянского. Так, некоторые маститые историки утверждали, что орден госпитальеров, или иоаннитов, а именно такие названия Мальтийский орден носил во времена крестовых походов, был назван в честь святого Иоанна Иерусалимского. Однако нигде — ни в церковных источниках, ни в исторической литературе — не обнаружилось ответа на вопрос, а кто такой, собственно, был этот Иоанн Иерусалимский. Из порядка тридцати различных святых, носящих имя Иоанн, канонизированных и почитаемых христианскими церквями, ни один не имел прозвища «Иерусалимский». Удалось лишь обнаружить единственное упоминание о монахе с таким именем, который оставил после себя необыкновенное наследие.

Выяснилось, что Иоанн Иерусалимский был монахом из местного Бенедиктинского аббатства в Везеле. Он жил в Иерусалиме примерно в 1100 году и работал врачом, или целителем. Иоанн Иерусалимский умер в 1120 году и якобы оставил после себя ни много ни мало, а семь книг под общим названием «Тайный реестр пророчеств», написанных в стихотворной форме. Этот монах, возможно, поддерживал связь с орденом рыцарей Храма, поскольку имелись свидетельства, что после его смерти одна из книг написанного им «Тайного реестра» обнаружилась во владении храмовников. В 1307 году книга Иоанна Иерусалимского была якобы конфискована в Париже вместе со всей собственностью ордена и даже служила уликой предполагаемого «пакта рыцарей Храма с дьяволом», поскольку Церковь объявила, что эти сочинения «продиктованы сатаной».

На протяжении веков «Тайный реестр пророчеств» Иоанна Иерусалимского считался запрещенным текстом, однако недавно выдержки из него все же были опубликованы. Утверждается, что одна из копий оригинальных текстов находится в Ватикане. Еще одна хранилась якобы в Загорском монастыре близ Москвы и исчезла во времена Октябрьского переворота (хотя для Трубецкого так и осталось загадкой, как она вообще могла оказаться в России). Полагали, что эта копия была уничтожена, однако позднее она вроде бы была найдена и переправлена на Запад. В литературе же был опубликован один-единственный

отрывок из «Тайного реестра» под названием «Видение “золотого века”», в котором содержались пророчества о том, что случится в «тысячелетии, следующем за этим тысячелетием». Как утверждал Иоанн, через тысячу лет человечество вступит в «золотой век», «но все это произойдет после войн и пожаров; все это возникнет из пепла сожженных вавилонских башен». Как тут было не вспомнить про башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке...

Таким образом, оказалось, что Иоанн Иерусалимский не имел никакого отношения к названию ордена иоаннитов, или госпитальеров. В то же время между ним и госпитальерами существовала связь совершенно иного рода. Ведь на самом деле свое название упомянутый орден получил в честь Иоанна Крестителя, поскольку начинался он с госпиталя в Иерусалиме, находившегося возле церкви Святого Иоанна Крестителя недалеко от Храма Гроба Господня. Помощь там оказывалась раненым и больным любого вероисповедания, что, между прочим, приносило госпиталю немалый доход. Госпиталь был организован в двух отделениях — одно (для мужчин) было посвящено Святому Иоанну, другое (для женщин) — Марии Магдалине, и оба отделения пребывали первоначально под властью находящегося неподалеку аббатства Святой Марии Латинской. В госпитале и в церкви служили монахи-бенедиктинцы, и вот среди них-то и был тот самый Иоанн Иерусалимский. Однако в 1118 году он покинул Иерусалим, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Впрочем, Сергея Михайловича заинтересовала не столько история Иоанна Иерусалимского, сколько содержание приписываемого ему пророчества. Удивительным было для монаха оставить предсказание о том, что фактически будущее человечества связано с приходом женщины:

«...Потому что прибудет женщина, чтобы царствовать в высочайшей степени. Она обусловит ход будущих событий и предпишет свою философию человеку. Она будет Матерью этого тысячелетия, следующего за нашим тысячелетием. Она будет, после эпохи дьявола, излучать ласковую нежность. Она будет, после эпохи варварства, воплощать красоту. Тысячелетие, следующее за этим тысячелетием, превратится в эпоху озарения: Люди будут любить друг друга, всем делиться, обо всем мечтать, и мечты будут осуществляться.

Так человек получит свое второе рождение...»

Само собой разумеется, что впоследствии данный пассаж был особенно высоко оценен Анной Николаевной Шуваловой. Однако даже она выразила сомнение, что подобные вещи мог написать монах католического ордена...

Программой конференции было также предусмотрено посещение расположенного в соседнем городке цистерцианского монастыря XII века, в котором за несколько лет до описываемых событий было сделано удивительное открытие. Во время обследования древних построек с помощью современной сверхчувствительной аппаратуры совершенно случайно была найдена потайная часовня, а в ней — отлично сохранившаяся уникальная икона, аналогов которой до сих пор не встречалось. В верхней ее части посередине был изображен как бы восседающий на троне Бог Отец в образе сурового старца с нимбом в виде шестиконечной звезды. Ниже Его, симметрично правее и левее, располагались две сидящие фигуры, повернутые вполборота друг к другу: справа — Иисус Христос с поднятой в

благословляющем жесте рукой, а слева — неземной красоты женщина с белой розой. Надпись на иконе гласила, что женщина эта — Мария Магдалина, «apostola apostolorum». По мнению археологов, изумительное состояние столь древней иконы объяснялось отсутствием в помещении прямого солнечного света, а также постоянной температурой и влажностью, которые естественным образом поддерживались в закрытой для доступа воздуха часовне на протяжении веков.

С помощью этой же аппаратуры был обнаружен вмурованный в стену за иконой тайник с весьма любопытными документами. Это были копии старинных рукописей на древнееврейском языке, а также свитки на латыни. На одном из свитков было указано, что они есть перевод с этих самых древнееврейских рукописей, «записанный со слов помощника раввина местной синагоги «Золотая Роза» Иегуды Коэна октября 13-го числа 1117 года от Рождества Христова». При этом профессор-лингвист из университета Париж V—VI по имени Жаннетт Безю, которая и затеяла эту экскурсию, рассказала, что такая синагога в городке когда-то действительно существовала, но затем была закрыта то ли в XV, то ли в XVI веке. Когда же французские ученые провели сравнительный анализ этих текстов, было установлено, что между ними нет ничего общего. Древнееврейские рукописи оказались частью Танаха, а именно выдержкой из Откровений пророка Иезекииля, а вот так называемый «перевод» с иврита на латинский содержал не имеющие никакого отношения к Ветхому Завету тексты, по содержанию очень близкие к гностическим. В них шла речь о том, что Господь Всемогущий являет собою Божественное единство мужского и женского начал, которые были Им воплощены в Адаме Кадмоне — Человеке Первоначальном и Совершенном... и именно в Боге эти два начала пребывают в единстве и гармонии. Там же имелось предсказание о том, что тот Мессия, который явится для спасения и очищения человечества от греха непослушания Всевышнему, придет не один, но со своей Божественной спутницей, чтобы восстановить нарушенную гармонию и единство этих двух начал. Утверждалось также, что это предсказание свершилось, когда в мир пришли посланники Силы — Иисус Христос и Мария Магдалина... Подобные предсказания уже встречались в той или иной форме в апокрифах и рукописях, найденных в Наг-Хаммади, но почему в данном случае этот латинский текст был назван анонимными авторами «переводом» с древнееврейского, так и осталось загадкой.

Глава 25

Посылка с того света

Анна Николаевна ждала Трубецкого и его рассказа о командировке с нетерпением. После исчезновения Бестужева она ушла из университета и, поскольку в Санкт-Петербурге ее больше ничего не удерживало, переехала в Киев к Сергею Михайловичу, о чем ни разу не пожалела. Он оказался нежным, заботливым и хозяйственным, с ним было надежно и спокойно. Так уж случилось, что родители Анны погибли в авиакатастрофе, когда ей было всего двенадцать лет, и поэтому она с раннего возраста знала, что всего в жизни следует добиваться самой. Из-за постоянной борьбы за существование личная жизнь отошла на второй план: в университете было не до сердечных переживаний — приходилось учиться и работать одновременно, а в дальнейшем никак не встречался мужчина, который был бы ей по-настоящему интересен. В течение определенного времени кандидатом на эту роль

рассматривался Бестужев, но в нем постоянно чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, которое очень мешало развитию их отношений. И только Сергей Михайлович, столь неожиданно появившийся в жизни Анны, тронул ее сердце. Это чувство было настолько волнующим, что ради него не жалко было решиться даже на переезд в другой город. И все было бы замечательно, если бы, как это часто бывает, за положительные изменения в личной жизни не пришлось пойти на определенные жертвы в профессиональной сфере. Вопреки ожиданиям в Киеве значительно меньше, чем в Санкт-Петербурге, занимались исследованиями европейского средневековья, и Шувалова ощущала постоянный интеллектуальный голод. Поэтому любая новая информация, особенно на грани сенсации, была для нее на вес золота. Анна Николаевна попыталась было потребовать от мужа отчет сразу же по прибытии Сергея Михайловича домой, однако Трубецкой оказался стойким приверженцем принципа русских народных сказок «ты сначала накорми, напои да в баньке попарь, а уж потом спрашивай». Так что Анне пришлось запастись терпением, дожидаясь выполнения как минимум первых двух условий. Теперь же, сытый и довольный, он честно отработывал ужин, подробно пересказывая все, что ему удалось увидеть и услышать во Франции.

— Вот на какую икону, оказывается, молились обитатели этого цистерцианского монастыря, принадлежащего, кстати, к одному из самых ортодоксальных католических орденов, которые когда-либо существовали, — такими словами Сергей Михайлович закончил свой обстоятельный рассказ о поездке в Везеле. — Жаль, что сфотографировать ее не дали, — боятся, что вспышки фотоаппаратов приведут к быстрой деградации иконы. Она и так темнеет не по дням, а по часам. А я очень хотел тебе ее показать.

Анна Николаевна выслушала его рассказ с нескрываемым интересом.

— Спасибо, все это весьма любопытно. Потом детальнее посмотрю материалы конференции, если не возражаешь. Но у меня для тебя тоже кое-что есть. Вот пришла посылка, неизвестно откуда. — Анна вышла в прихожую и вернулась с небольшим пакетом. — Два дня назад принесли. Наш адрес написан по-английски, но я нигде не нашла обратного адреса и имени отправителя.

— А как же ее доставили? Ты ходила на почту?

— Нет, курьер принес, в форменной одежде.

— В какой еще форменной одежде? Ты где это видела, чтобы почтовым курьерам форму выдавали?

— Ну, я ваших порядков не знаю. Принес молодой парень, чернявый, смуглый до невозможности, но вежливый очень — вручил и даже денег не взял.

Трубецкой тем временем аккуратно распечатал посылку. В ней оказалась небольшая коробочка, завернутая в несколько слоев грубой коричневой бумаги. Сергей Михайлович медленно и осторожно развернул бумагу, осмотрел коробку со всех сторон, затем поднял крышку. Внутри лежал весьма странный предмет. Это было необычное сувенирное изделие в виде серебряной змейки, свернутой овальной конической спиралью. Сергей Михайлович поставил это изделие на стол, чуть отошел и стал рассматривать на расстоянии. По форме эта конструкция была похожа на холмик в миниатюре с одним чуть более пологим склоном, вокруг которого обвилась змея. При этом голова змеи с небольшими цветными камешками вместо глаз покоилась на вершине этого «холмика».

— Ничего не понимаю, — наконец сказал он. — Работа грубая, как будто самоделка. Камни явно не драгоценные. Кому бы это понадобилось мне такое присылать?

— А это еще не все, — вдруг заметила Анна. — Тут что-то типа сопроводительного письма. Она достала из коробки небольшой клочок бумаги, на котором было написано всего три слова, причем на иврите. Вот они:

Святее Святая Святых.

Но самым неожиданным был рисунок под надписью: шестиконечная звезда с глазом внутри...

— Да ведь это такой же рисунок, как на том медальоне из дела Дубянского! — воскликнула Анна. — Ничего себе... Кто, кроме нас, еще знает о его существовании?

— Все те же — масоны, тамплиеры... — Трубецкой выглядел озабоченным. — Господи, а я-то думал, мы уже с ними распрощались.

— Мне кажется, что этим посланием нам хотят сказать что-то очень важное. Здесь все неспроста, и надпись тоже... А вот рисунок, я так думаю, для подсказки, — предположила Анна. — Давай рассуждать. Если это масоны, то не исключено, что им снова понадобился медальон. Тогда что такое эта горка-змейка? Кто или, скорее, что может быть святее Святая Святых? В иудейском мировоззрении нет более священного места, чем Святая Святых, — это мне тот холеный масон, Алексей Григорьевич, весьма красочно рассказывал вечером при свечах на даче Дубянского. Если же это тамплиеры, то тогда я вообще не понимаю, что им нужно. Ведь медальон не их реликвия и вряд ли может быть для них важен, если только они не завладели шкатулкой с жезлом... Но как они тебя-то вычислили, ведь ты адрес им не оставлял? И что со всем этим теперь делать?

— Для таких крутых ребят чей-то адрес найти — не проблема, — задумчиво произнес Трубецкой. — Слушай, а давай-ка на выходных слетаем в Питер, мы ведь все равно собирались, а там зайдём к этим твоим масонам. С ними мы, по крайней мере, знакомы. Их и спросим, все ли реликвии на месте. Нам бояться нечего: дел у них с нами больше нет, вот и выясним, не их ли это затея. Однако что-то мне подсказывает, что на самом деле тут все намного сложнее...

Трубецкой и Шувалова вылетели в Санкт-Петербург вечером ближайшей пятницы. В субботу с утра они уже стояли у ворот знакомой дачи в Богодуховке и не верили своим глазам.

Во-первых, исчезла табличка, что эта дача — памятник истории и имеет какое-либо отношение к духовнику Елизаветы Ф. И. Дубянского. Во-вторых, калитка, на которой раньше красовались масонские символы, блистала девственной чистотой — ни намёка на циркуль и латинскую букву «G». Они даже засомневались, то ли это место, но потом все же позвонили в дверь. Через несколько минут калитка распахнулась и вышел хорошо знакомый слуга, только в этот раз уже без белых перчаток.

— Что вам угодно? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Нам бы Алексея Григорьевича повидать, — сказала Анна. — Вы нас не помните?

Слуга и бровью не повел.

— Эта территория — частная собственность. Никакого Алексея Григорьевича тут нет и никогда не было. Вы, видимо, ошиблись адресом.

— Но позвольте... — Трубецкой попробовал было возразить.

— Сожалею, однако меня ждут дела. — Слуга не стал слушать и собрался захлопнуть калитку прямо перед их носом.

— А эта штука не поможет ли? — Как когда-то, Анна достала медальон из сумочки и показала слуге.

— Прощу прощения, не понимаю, о чем вы, — ответил тот и намертво захлопнул калитку.

— Вот тебе и раз. — Анна выглядела разочарованной. — Мне, в общем-то, не очень-то и хотелось видеть снова этого сноба, но все-таки...

— Однако результат есть: раз этот тип так себя ведет, значит, здесь нас не ждут. Предполагаю, что это не их идея с посылкой и, более того, шкатулка с жезлом все еще тут. Значит, это и не тамплиеры...

Они вернулись к машине. Вдруг Анна воскликнула:

— Слушай, у меня появилась идея. Раз мы уже в Питере, давай заедем к Синельникову. Тебе тоже будет интересно с ним познакомиться, он — умница, ходячая энциклопедия, может, что и подскажет... Я ему сейчас позвоню.

С профессором им повезло больше, чем с масонской ложей. Иван Степанович не только находился дома, но, невзирая на болезнь, был по-прежнему бодр и активен, а потому с нескрываемым удовольствием пригласил их к себе.

— Это все наука и красивые женщины. Когда еще столько непознанного вокруг, я просто не могу унывать и отчаиваться! — так объяснил он свое приподнятое настроение. — И потом, пока мужчина оборачивается вслед красивой даме, он жив! А я очень даже оборачиваюсь, не сомневайтесь!

Расположились в кухне. Анна помогла Ивану Степановичу заварить чай, Трубецкой же тем временем рассказал о странной посылке и выложил все: и спиральную змейку, и клочок бумаги с надписью и рисунком. Пока Анна накрывала на стол, Синельников с огромным и нескрываемым любопытством рассматривал необычное изделие. При этом он просто светился от удовольствия.

— Вот что скажу, ребятки, — наконец произнес он. — Тот, кто это вам прислал, — настоящий профи, у меня нет сомнений по этому поводу. Это целое послание, мудро и тонко зашифрованное.

Трубецкой и Шувалова переглянулись.

— Да-да. Слушайте же!

Синельников устроился поудобнее в своем кресле и начал говорить:

— Дело в том, что змея, как и спираль, — весьма сложный символ, который использовался многими народами и известен со времен палеолита. Его находили в Египте, на Крите, в Микенах, Месопотамии, Индии, Китае, Японии, доколумбовой Америке, Европе, Скандинавии и даже на островах Океании. Есть множество интерпретаций змея, но почти все их можно разделить на две группы. С одной стороны, это символ богини, Темной Луны, Преисподней. Каждое ее кольцо, скрученное в спираль, обозначает день в лунном календаре. Спираль же сама по себе символизирует концентрацию энергии. Надо еще обратить внимание, куда она направлена, вниз или вверх, потому что концентрация энергии этого символа там, где ее вершина... Причем, если спираль вершиной вверх, — это мужской, фаллический символ, а если вниз — женский. Спираль, как часть плавной и бесконечной линии, означает также развитие, продолжение, непрерывность, центростремительное и

центробежное движение, ритм дыхания, то есть самой жизни. И здесь возникает другой важный аспект: в йоге существует понятие ключевой, жизненной, основной энергии человека — Кундалини, вы, наверное, об этом слышали. Эта энергия находится в самой нижней чакре, энергетическом центре — Муладхаре и является основой для человеческого телесного существования. И она имеет вид скрученной спирали, как в заводных часах: спираль работает — часы идут, завод кончился — часы остановились. Змей — прообраз спирали, то есть Кундалини — основы нашей телесной жизни. Ну что, я вас не утомил? — Синельников посмотрел на Шувалову и Трубецкого, которые внимательно его слушали.

— Нет, что вы, — поспешила заверить его Анна, — это все безумно интересно, но я совершенно не понимаю, что же тут зашифровано.

— А вот теперь, — Иван Степанович просто сиял, — давайте-ка вашу спираль, так сказать, раскрутим. Моя интерпретация такая, хотя я на ней и не настаиваю. Это изделие послал мужчина — спираль вершиной вверх. То, что это змея — темная энергия, означает, что он в беде. Спираль раскручена, значит, его энергия на исходе. Здесь, если я правильно посчитал, восемь витков — значит, он просит вас о помощи в течение восьми суток.

Да, я забыл упомянуть, что спиралевидные символы могут быть связаны с душами богов и королей. Поэтому место, где он находится, возможно, расположено вблизи какого-то храма или гробницы. И вот тут-то стоит обратить внимание на рисунок и надпись. Рисунок крайне необычен. Он как бы объединяет две древние культуры — Египет и Израиль: звезда Давида и око Бога Ра... Это очень странно. Я лично думаю, что человек, который рисовал, был уверен, что вы сразу узнаете изображение, значит, он видел его раньше. Однако не исключено, что место, о котором идет речь, как-то связано с одним из известных персонажей древнего Израиля или Египта.

Теперь про надпись... Места святее, чем Святая Святых, в классическом иудаизме существовать не может. Однако есть тут одна зацепочка. Она, конечно, может вас удивить, но все же... В Ветхом Завете есть упоминание об уникальной фигуре, которая в божественном плане непосредственно предшествовала праотцу Аврааму, а также царям Давиду и Соломону и признавалась Авраамом в качестве первосвященника Всевышнего. Это — царь Салима Мелхиседек, — почти торжественно произнес Синельников. — Слышали о таком?

Шувалова кивнула.

— Конечно, мы знаем это имя, но только как упоминаемое к месту и не к месту в современных мистических учениях, а также по роману «Алхимик» Пауло Коэльо.

— «Алхимик» — это хорошо, но Ветхий Завет тоже можно было бы иногда почитать на ночь глядя, — пробурчал Синельников, — очень, знаете ли, способствует... Впрочем, это не столь важно. Говорят, что город, где правил этот царь-священник, и стал потом Иерусалимом: само название Иеру-Салим говорит об этом. Из этого вытекает, что нечто, к чему имел отношение Мелхиседек, может быть и «святее» Святая Святых, так как предшествовало самому храму. Мой совет: поищите предмет или, скорее, место, связанное с этим персонажем. Не исключаю, что именно там ждут вашей помощи...

При этих словах Шувалова и Сергей Михайлович тревожно переглянулись. «Но кроме нас с Трубецким медальон держал в руках еще только Артур Бестужев... — мелькнуло у Анны в голове. — Как же это может быть? Мистика какая-то... Однако тело-то Бестужева тогда так и не нашли... Формально говоря, он и не погиб вовсе, а пропал без вести. А что,

если он как-то выжил и эта посылка от него, с того света?!» По глазам Сергея Михайловича она поняла, что у него мелькнула та же мысль.

Они распрощались с профессором.

— Вы нас снова выручили, дорогой Иван Степанович. — Анна расцеловала его на прощание. — Просто и не знаю, что бы мы без вас делали.

— Учили бы материальную часть, как говорил мой сержант пятьдесят пять лет тому назад, — добродушно пробурчал Синельников. — Удачи!

Все остальное было делом техники. На всем земном шаре обнаружилось лишь одно место, связанное легендами с именем великого и таинственного царя Салима Мелхиседека, — вершина горы Фавор в Святой земле. Там, по преданиям, свершилось преображение Иисуса Христа, там же находилась пещера первосвященника Всевышнего Мелхиседека, из которой он выходил встречать войско Авраама, завоевателя Ханаана, с вином и хлебом.

Неудивительно, что много столетий назад на Фаворе были основаны как католический, так и православный монастыри, которые и поныне являются местом паломничества верующих со всего мира. При этом особого внимания заслуживал тот факт, что в XII веке укрепления на горе Фавор были захвачены крестоносцами, которые хозяйничали там довольно продолжительное время. Нельзя было исключать, что в их числе были и тамплиеры. А уж когда Трубецкой увидел фотографию горы Фавор, ему оставалось только покачать головой — форма присланного ему с того света сувенира в точности повторяла ее характерные и легко узнаваемые очертания.

Глава 26

Гора Фавор

— «На востоке, неподалеку от Назарета, на западе от моря Генисаретского, в северной оконечности обширной, цветущей Ездрилонской долины одиноко стоит величественная гора Фавор. По своему месторасположению и великолепию она, без сомнения, является одной из самых примечательных гор в Святой земле. Почти правильный конус с одним чуть более пологим склоном, покрытая от подошвы до вершины плодоносной почвой, ароматическими травами и цветами, тенистыми рощами и плодоносными деревьями — вот та великолепная риза, которая облекает священный Фавор со времен Христа и до наших времен. В новозаветную историю святая гора Фавор вошла как гора Преображения Господня:

“По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии” (Мф. 17: 1—5).

С IV века на горе существуют христианские храмы и монастыри. Само же место Преображения Господня ныне находится в католическом монастыре — так повелось с XII века после захвата горы крестоносцами...» — Шувалова, наконец, оторвалась от путеводителя, который читала вслух.

Трубецкой уверенно вел машину вдоль шоссе Тель-Авив—Хайфа, стараясь не пропустить поворот на Галилею.

«Анонимный греческий паломник 1253—1254 годов, говоря о Фаворской горе, замечает, что *“на середине горы находится та пещера, в которой Мелхиседек пробыл сорок лет”*. Однако о каких-либо иных сооружениях здесь, монастырях или храмах он хранит полное молчание», — прочитала еще один абзац Анна и закрыла книгу.

Они свернули направо, к горам.

— Пока все сходится, — констатировала Шувалова. — Хотя, конечно, остается вопрос: насколько можно верить всем этим путеводителям и анонимным греческим паломникам. А ты что думаешь? — спросила она Сергея Михайловича.

— Я думаю, что ты — очень красивая женщина и к тому же умница, и мне приятно ехать с тобой в машине по Святой земле, — ответил Трубецкой. — Куда бы эта дорога нас ни привела...

— Спасибо, очень романтично. — Анна чмокнула его в щеку. — А если серьезно?

— Знаешь, что написал по этому поводу мой любимый писатель А. И. Куприн в очерке «Лазурные берега»? «Параграф первый того путеводителя для русских за границей, который мы надеемся в скором времени выпустить в свет, будет гласить: не верьте ни одному книжному путеводителю». А если серьезно, то менее чем через час мы будем на месте и во всем разберемся.

Бедуинская деревня Дебурия у подножия горы, как и большинство арабских поселений Израиля, не поражала богатством домов и архитектурными излишествами. В то же время было видно невооруженным глазом, что здесь мирно сосуществовали христианство и ислам, а местные жители, предлагающие туристам и паломникам множество сувениров, были весьма приветливы, настойчивы и терпеливы. Дорога на гору проходила через всю деревню, которая между тем жила своей суетной жизнью. Узкие улицы кишели народом и повозками, поэтому Трубецкому приходилось ехать очень медленно, чтобы никого не задеть. Анна с любопытством рассматривала окрестности, выбирая место, где можно было бы купить воды. Вдруг почти в самом конце длинной торговой улицы, уже на выезде из деревни, она заметила лавку с медными и серебряными изделиями. Возле входа стоял грубо нарисованный от руки плакат, на котором красовалась скрученная в несимметричную спираль змея под короткой надписью на арабском и иврите. Выведенные куском угля три слова означали «Святее Святая Святых».

— Кажется, приехали, — сказала Шувалова. — Сережа, останови-ка.

— Что случилось? — спросил Трубецкой. Шувалова указала на плакат, который он поначалу не заметил.

— Любопытно. Держу пари, это не совпадение. Видимо, нас здесь ждут. — Сергей Михайлович притормозил, выключил зажигание, и они вышли из машины.

На улице и в лавке было очень жарко и душно. Но внутри как ни в чем не бывало под допотопным вентилятором сидел молодой, загорелый до шоколадного оттенка черноволосый парень и пил чай.

— Ас-салям алейкум! — поздоровался Трубецкой. Это была единственная фраза на арабском, которую он знал.

— Ва алейкум ас-салям, — ответил парень. И по-английски спросил: — Хотите чаю?

— Спасибо, — Сергей Михайлович тоже перешел на английский, — но мы тут по делу.

Он достал из сумки змейку.

— Мы ищем того, кто это изготовил. Вы случайно не подскажете, кто бы это мог быть?

— И воды хотим купить, — вставила Шувалова, — а то в такую жару недолго и в пепел превратиться.

Увидев изделие, парень молча встал, вышел из лавки на улицу и тут же вернулся с плакатом в руках, который немедля порвал на куски. Затем прошел куда-то внутрь и принес две большие пластиковые бутылки воды. Он поставил их перед Трубецким и сказал:

— По сто долларов за бутылку. Плюс сто долларов за сувенир. С вас — триста долларов. Сергей Михайлович подумал, что ослышался.

— Ты шутишь? — спросил он.

— Нет. Твой друг, который там, на вершине, обещал, что ты заплатишь мне за работу. Он сказал, что ты — богатый и влиятельный, а я, между прочим, рисковал. Так что триста долларов...

— Почему именно триста?

— На калым не хватает. Женюсь. — Губы парня растянулись в белозубой улыбке.

Сергей Михайлович понял, что торговаться бесполезно. Он достал деньги и заплатил.

— Что нам делать дальше? Где наш друг? — спросил он, забирая воду.

Бедуин сделался серьезным.

— Езжайте на гору. Там сегодня множество паломников, и вы легко среди них затеряетесь. На вершине есть два монастыря — православный и католический. Ваш друг содержится в подземельях, которые с давних времен были прорыты между ними. Попасть туда можно с католической стороны, но вход, спрятанный под алтарем, охраняется стражниками. Вам придется самим придумать, как их отвлечь. Вечером можете переждать в пещере Мелхиседека, что рядом с греческим храмом, а ночью — действуйте. Обычно эта пещера на ночь запирается, но сегодня решетка будет открыта. Все остальное — сами решайте, а если что — я вас никогда не видел и знать ничего не знаю.

Он вернулся к своему чаю, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Трубецкой и Шувалова вышли из лавки. Впереди их ждала дорога на Фавор.

* * *

Бестужев сидел на каменном полу, и уже в который раз обдумывал ситуацию. В подземелье, где его содержали на цепи, прикованной к ноге, сегодня было прохладно. Через крошечное отверстие вверху скалы, которое служило для вентиляции и поступления внутрь камеры дождевой воды, проникал солнечный свет — значит, настал очередной день. Восьмой день с того момента, как его предупредили о предстоящем суде. Если Трубецкой не успеет на помощь, то, по-видимому, придется предстать перед судом тамплиеров, которые, как выяснилось, и поныне руководствуются средневековыми представлениями о правосудии и абсолютно игнорируют такие пустяки, как право на защиту и достойное содержание под стражей.

Лишь однажды ему позволили высказаться и соизволили выслушать. В тот день его посетил представитель ордена и сообщил, что его дело будет рассмотрено высшим судом тамплиеров через девять дней. Раскаянием и оправданиям Бестужева он не внял, был сух и лаконичен. Однако Артур Александрович понял, что его вовсе не случайно привезли и содержат в таком значительном для христиан месте, как гора Фавор: тамплиеры

намеревались устроить из суда особенно торжественное событие. Проведенная ночью при свете факелов на горе Преображения первая со времен разгрома ордена в начале XIV века церемония была призвана не только покарать виновного в измене, но и укрепить колеблющихся из непрерывно редющего числа их сторонников. Бестужеву оставалось надеяться, что молодой бедуин выполнит свое обещание, а Трубецкой сможет прочитать послание и прибыть на помощь вовремя...

* * *

Несмотря на висящее прямо над головой ближневосточное солнце, воздух на вершине горы был удивительно свеж. Там царил будничная атмосфера, характерная для любого туристического объекта. Несколько автобусов на стоянке, суетливые гиды, говорящие на разных языках, в том числе и на русском, столпотворения возле особенно значимых святых мест — все это было хорошо знакомо. Сергей Михайлович и Анна нашли укромное, расположенное в тени место для парковки, оставили там машину и смешались с одной из групп. Они терпеливо осмотрели православный монастырь, постояли в очереди, чтобы, не вызывая подозрения, посетить пещеру Мелхиседека. Пещера оказалась ровная, как небольшой погребец, высеченный в камне, с небольшим оконцем вверху и деревянными дверями древнего вида при входе. В пещеру вел узкий ход, который перекрывался металлической решеткой.

— Как он мог прожить тут сорок лет? — шепотом спросила Анна. — Здесь же развернуться негде!

— Так он же был не от мира сего — таинственная личность, что тут скажешь, — шепотом же ответил Трубецкой. На поверхности, рядом с пещерой, туристам и паломникам предлагалась трапеза из вина и хлеба — по легенде, именно так встретил Мелхиседек Авраама.

Затем они вместе с группой отправились к католическому монастырю. В одном из путеводителей его описывают так: «Красивый фасад возникает из окружающих масс темного камня, многочисленных развалин отдельных зданий, храмов и келий. Видимо, здесь и наблюдались в средние века четыре храма. Две башни фасада справа и слева от входа стоят над часовнями — одна во имя преподобного Илии, а другая — Моисея, на месте древних им же посвященных малых церквей. Отсюда колоссальный корабль базилики направляется к главному алтарю, куда вниз ведут несколько мраморных ступеней, — древнему уровню места, — и здесь можно видеть камни первоначальной византийской базилики».

Именно там, по дороге к главному алтарю, и заметил Трубецкой боковой ход и ступени вниз, перекрытые табличкой, написанной на разных языках: «Хода нет».

Сергей Михайлович указал Анне на табличку и шепнул:

— Думаю, нам нужно туда.

Наступил вечер, и последние автобусы с туристами отбыли восвояси. Трубецкой с Анной уже четырежды успели все тщательно осмотреть и продумать план своих действий. Когда стемнело, они осторожно, чтобы не привлекать внимания монахов, вернулись к пещере Мелхиседека. Как и обещал бедуин, решетка была на месте, но на замок не заперта. Они тихонько проскользнули внутрь и прикрыли решетку за собой. В пещере их ждали свежий

хлеб и кувшин с прохладным вином. Это было очень символично и кстати. Они перекусили и уточнили все детали плана.

Еще днем, присоединившись к очередной группе паломников в храме Преображения, они успешно разыграли сценку под названием «тупой турист». Тогда Анна, надев темные очки и платок, сделала вид, что заблудилась, и будто ненароком прошла за табличку «Хо́да нет». Она успела преодолеть не более двух десятков ступеней вниз по лестнице, которая вела куда-то вглубь горы, под алтарь, когда путь ей преградил невесть откуда взявшийся монах в белом одеянии с черным наплечником, черным капюшоном и черным же шерстяным поясом. На его груди красовался красный восьмиконечный крест. Монах весьма сердито заговорил на латыни, потом на английском и жестами показал ей, чтобы она возвращалась. Он вел себя крайне решительно и настойчиво, если не сказать агрессивно.

— Кажется, ты прав, там явно «закрытая зона», — сообщила Анна Трубецкому, вновь присоединившись к группе. — Будем отрабатывать эту версию.

Окончательный план созрел, когда они осматривали монастырь со стороны леса, куда туристов не водят, и заметили, что во внутреннем дворе, огражденном низкой кирпичной стеной, сохнет на солнце с десятков монашеских ряс, видимо недавно из прачечной. Делом пяти минут для Трубецкого было перескочить через стену и одолжить — на время — три комплекта: два для них с Анной и один для Артура. Далее предполагалось, что они, облачившись в эти рясы, проникнут в монастырь и попробуют отвлечь внимание стражей. После этого остается найти и освободить Бестужева, добраться до машины и бежать. Основной расчет был на то, что их появление будет неожиданным... «Наглость города берет», — перефразировал Трубецкой известную пословицу, подводя итог обсуждению. Теперь оставалось лишь дожидаться полуночи.

Глава 27

Побег

Время утекало неумолимо. Бестужев вдруг начал почти физически ощущать, как в последние дни оно ускорило свой бег, хотя до этого на протяжении многих недель тянулось еле-еле. «Длина одного часа и даже одной минуты зависит от того, по какую сторону от тюремной решетки ты находишься, — подумалось ему. — Особенно если впереди не перспектива свободы, а как раз наоборот, — суд и неотвратимое наказание». Наступила ночь, но Артур Александрович не мог сомкнуть глаз. Очевидно, его отчаянный план спасения провалился и помощи ждать больше неоткуда. Ему ничего не оставалось, как собраться с духом и подготовиться к достойному участию в суде.

Сколько недель он пробыл здесь? Восемь? Десять? В камере не было ничего, чем можно было бы делать отметки. Смены дня и ночи, наблюдаемые через отверстие вверху камеры, уже примелькались, и он сбился со счета. Бестужев вдруг понял, как наступает духовное просветление у монахов-отшельников: находясь в заточении и в одиночестве, либо сходишь с ума, либо начинаешь видеть и понимать то, что в обычной жизни прячется за бесконечным потоком информационной шелухи, окружающей современного человека. В тех же случаях, когда условия существования способствуют сосредоточению, открываются такие глубины сознания, которые ставят под сомнение бытующее представление о наличии у человека всего пяти чувств, функционирующих при этом в весьма ограниченном диапазоне.

«Ведь то, что произошло со мной, сродни грехопадению Адама и Евы... Вот он, истинный, кондовый, первородный источник греха — искушение! Так, наверное, бывает в жизни каждого человека: однажды в известный одному Всевышнему, а может, одному сатане день и час перед тобой появляется соблазн: украсть, соврать, предать, оболгать, — крутилось у него в голове, — и устоишь ли ты — вот в чем вопрос. На первый взгляд все происходит как бы случайно, само по себе, по стечению обстоятельств, а на самом-то деле ничего случайного не бывает. И ведь зря искушение связывают только с темными силами. Не действуют ли они в этом случае по своеобразному контракту с Небесами? Ведь как узнать, истинно ли добродетелен человек? А может, он не крадет только лишь потому, что не было подходящего случая? Вот и возникает искушение проверить на прочность такого праведника...

Но кристалл, кристалл был божественно прекрасен. Какой же волей должен был обладать Гуго де Пейн, чтобы такое чудо держать запертым в ларце столько лет? А может, именно в этом и заключалась истинная тайна могущества тамплиеров — в железной воле и следовании раз и навсегда определенным принципам?»

Бестужеву вдруг сделалось нехорошо. Мысль о кристалле была какой-то неуместной, неправильной, возникшей не вовремя. Более того, она его беспокоила, поскольку была... зловещего темно-фиолетового цвета. Было невозможно объяснить, откуда он знает цвет мысли, но соответствующее ощущение было абсолютно материальным. Для разнообразия он попробовал подумать о чем-то еще, и те, другие мысли вдруг тоже заиграли для него всеми цветами радуги. «Ничего себе, — подумал Бестужев, как бы наблюдая за собой со стороны. — А ведь в разговорном языке используют только понятие «черные мысли», а они, оказывается, бывают разноцветные... Интересно, это я уже помешался или шестое чувство открылось напоследок?» И тут он решил на эксперимент.

В самых тайных глубинах его души, которые есть у каждого человека, там, куда вход посторонним строго-настрога заказан, хранилось под семью замками одно воспоминание. Дело в том, что Артур Бестужев был однажды женат. Брак состоялся по любви и обоюдному согласию, и последовавшее через некоторое время известие о беременности супруги было воспринято им с радостью. Однако беременность протекала крайне тяжело и трагически закончилась преждевременными родами. И вроде Артур вел себя достойно, как любящий мужчина, и вроде супруга смогла справиться с бедой, но взаимные чувства покинули их.

Однажды он узнал, что супруга не устояла перед искушением, у нее появился другой мужчина, и они расстались. И дело-то, в общем, было не в самой измене, ведь хранить верность без любви вовсе не обязательно. Ему до смерти обидно было то, что новым избранником бывшей супруги стал человек, по мнению Бестужева, крайне недостойный. Это было больно, поскольку задевало его мужской инстинкт собственника, и все воспоминания о том браке он запечатал и спрятал очень глубоко, на самое дно души. Теперь, перед лицом вечности, было самое время открыть потайной сундучок и разобраться со всем этим.

Он осторожно — мысленно, конечно, — приподнял крышку сундучка и позволил давним воспоминаниям потихоньку просочиться на свободу. Они были черного цвета и причиняли ужасный, почти физический дискомфорт: распространялись, как яд в крови, и постепенно заполняли все пространство души. Тогда Бестужев понял, что нужно срочно что-то делать, иначе общее отравление неизбежно, а это сейчас совершенно некстати. И он принялся неторопливо размышлять. Черную мысль о супруге очистил воспоминаниями о том, как им было здорово вдвоем, и о том, что она, как всякий человек, имеет право и на

счастье, и на ошибку. Ведь жизнь больше, чем любовь, и теперь, по прошествии многих лет, он и сам был не вполне уверен, что рано или поздно не ушел бы от нее. Бестужев честно признался сам себе, что первым мог изменить и он, если бы подвернулась оказия: это было просто делом времени и случая.

Вернувшись от размышлений к созерцанию, Бестужев с удивлением обнаружил, что мысль о бывшей супруге была уже не черной, а лишь светло-серого цвета. Он проделал то же самое с мыслью о сопернике, который, вполне возможно, был вовсе не таким плохим человеком, — если честно, Артур и не знал-то его как следует. Затем он очистил мысль об обиде на них двоих, послав им мыслеформу любви нежно-розового цвета... Он снова и снова возвращался к своим, ранее черным мыслям и очищал их светом, пока не убедился, что в его душе больше не осталось злобы. Без нее стало несоизмеримо легче, и теперь он был готов предстать перед любым судом.

* * *

На Фавор опустилась южная ночь. Небо было чистым и безлунным. Хотя бы раз в жизни каждый человек должен увидеть такое небо собственными глазами... Мириады ярчайших звезд, складывающихся в знакомые и не очень созвездия, названия которых, может, и не помнишь, но все равно узнаешь их очертания и воспринимаешь каким-то шестым чувством. Именно в такую ночь кажется, что ты наконец остался один на один с космосом: звезды мигают, подмигивают, разговаривают с тобой своей особенной азбукой Морзе...

Уже облачившись в монашеские рясы, Сергей Михайлович и Анна стояли возле пещеры, затаив дыхание. На несколько мгновений были забыты все планы и тревоги, хотелось только смотреть, не отрываясь, вверх.

— Теперь я начинаю понимать, как тут можно прожить сорок лет, — тихо сказала Анна.

Ответить ей Сергей Михайлович не успел. Со стороны дороги, ведущей на гору, послышался шум двигателей, вспыхнул яркий свет фар, и к храму Преображения, куда они как раз собирались направиться, подъехали несколько машин. Из них неторопливо, с достоинством стали выходить пассажиры, все как один облаченные в белые плащи с красными крестами. Навстречу им вышла целая процессия монахов с огромными свечами в руках. Вмиг вокруг стало светло, и южное звездное небо утратило свой шарм.

— Пойдем скорее туда, — сказал Трубецкой, — вот удача!

Они незаметно присоединились к группе встречающих гостей монахов. Было ясно, что гости приехали важные и следует ожидать важных событий.

Внутри храма царил суеда. Сергей Михайлович и Анна, накинув капюшоны и смиренно опустив головы, прошли в направлении алтаря и, стараясь не привлекать внимания, свернули к лестнице, ведущей вниз. Они успели спрятаться за балюстрадой, когда возле них остановились двое из гостей. Они говорили по-английски. Трубецкой и Шувалова превратились в слух, оставаясь для них невидимыми.

— Все ли готово для церемонии? — спросил один из них.

— Да, ваша светлость, — ответил второй и указал рукой на ведущую вниз лестницу. — Узник здесь, в подземелье. Стражники лишь ждут ваших приказаний.

— Пришли их ко мне, я сам дам им инструкции.

— Да, ваша светлость.

Трубецкой понял, что момент действовать настал. Прямо напротив них, с другой стороны лестницы, был устроен боковой приход в честь какого-то католического святого. Сергей Михайлович и Анна перебежали туда и спрятались за алтарем. Там они дождались, пока оба стражника, которых пожелало видеть начальство, проследовали мимо них наверх, и кинулись по ступенькам вниз.

Лестница и длинный коридор, ведущий вглубь горы, были преодолены в течение нескольких секунд. Однако в конце коридора они уткнулись в чугунную решетку, которая была заперта.

— Вот незадача! — вымолвил с досадой Трубецкой. — Как же я забыл взять с собой инструменты!

— Артур Александрович! — Анна подошла к решетке и снова позвала: — Артур!

Она вздрогнула от неожиданности, когда из темноты вдруг послышалось:

— Аня, ты ли это? Неужели успели? Трубецкой с тобой?

Этот голос невозможно было спутать. Ее версия подтвердилась: таинственным узником подземелья был не кто иной, как профессор истории Артур Бестужев.

— Мы-то здесь, только ключей нет. Сейчас что-нибудь придумаем, — включился в диалог Сергей Михайлович.

В этот момент сзади неожиданно возник один из стражников и с громким криком кинулся на Трубецкого. Завязалась борьба. Анна тем временем просунула сквозь решетку рясю, бросила ее как можно дальше в темноту и сказала:

— Переодевайтесь, Артур Александрович, время дорого!

Охранник был силен, и через несколько минут Трубецкой начал изнемогать от борьбы. Кроме всего прочего, была опасность появления его напарника, что грозило полной катастрофой. В какой-то момент Трубецкому удалось сорвать с пояса стражника связку ключей и бросить ее Анне.

— Открывай скорее, я этого буйвола долго удерживать не смогу, — прохрипел он.

Шуваловой дважды повторять не пришлось. Она потратила еще несколько драгоценных секунд на поиск подходящего ключа, затем — на то, чтобы открыть решетку и замок цепи, которой был прикован Бестужев. Наконец Артур был свободен. Он выскочил из камеры и помог Трубецкому скрутить охранника. Вместе они затащили его в камеру, связали, засунули в рот кляп и приковали за ногу к цепи вместо Бестужева.

— Все, теперь тихонечко наверх, — скомандовал, отдуваясь, Трубецкой. — И быстро, пока этого парня искать не начали.

Очевидно, Небеса благоволили к ним. Все трое с осторожностью поднялись в храм, где уже царил тишина: видимо, гости и хозяева находились сейчас в другом помещении монастыря. Двери церкви были закрыты изнутри на задвижку, открыть которую труда не представляло. На улице было тихо, и уже через минуту они сидели в машине. Путь к свободе был открыт.

Глава 28

Преображение

Бестужев сидел на пассажирском сиденье рядом с Трубецким и напряженно молчал. В этом заросшем, бородатом, сильно исхудавшем и усталом человеке трудно было узнать

респектабельного университетского профессора из Северной Пальмиры. Сергей Михайлович, решив не смущать Бестужева расспросами, лишь мельком взглянул на него, мысленно оценил масштаб происшедших в его внешности перемен и теперь сосредоточенно вел машину по извилистой горной дороге. Светало. И все-таки довольно скоро Трубецкой не выдержал.

— Ты, Артур Александрович, раз уж вернулся к нам с того света, хоть Расскажи, как там. — Сергей Михайлович так устал, что ему даже не хватало сил ехидничать в полную силу.

— Да, Артур, — подхватила Анна, — и начни, пожалуйста, с самолета. Я неделю в больнице пролежала с нервным срывом после той авиакатастрофы и честно заслужила компенсацию.

— Я перед вами в вечном долгу, друзья мои, — произнес после довольно длительной паузы Бестужев. — Гнить бы мне до конца дней в этих катакомбах, если бы вообще оставили в живых... Ладно, Расскажу все по порядку.

Когда мы взлетели в самолете с Беном Цви, сначала все было, как обычно. Я только удивился, что самолетик-то маленький, багажного отделения нет, а в салоне не было никаких ни коробок, ни сумок, хотя Бен Цви говорил, что он из археологической экспедиции возвращается... Ладно, думаю, может, он просто в этот раз с собой ничего не взял. Мы поднялись на высоту две или три тысячи метров — я уже и не припомню, что именно сказал пилот, — и летим себе потихоньку. И вдруг из кабины выходят оба — представляете, оба! — пилота и спокойно так говорят: ты нарушил клятву хранителей, вскрыл ларец и потому будешь наказан. Достают из кабины парашюты, надевают их сами, дают один мне, один — Бену Цви, отбирают у меня сумку с реликвией ордена и готовятся прыгать. Я им говорю: что вы делаете, я же никогда не прыгал и все такое прочее, но никто не слушает...

— А Бен Цви? — перебила его Анна.

— Очевидно, был с ними заодно, поскольку ничему не удивлялся, не протестовал и тоже надел парашют. Короче, пилоты открывают двери и прыгают — один за другим. Самолетик начинает накреняться и вот-вот свалится в штопор. Мне ничего не остается, как тоже прыгать. Мы опускаемся на воду, а там уже ждет огромная яхта. В общем, выловили нас, парашюты тоже подобрали, и яхта на всех парах покинула район «катастрофы». Потому и тел-то никаких не нашли, что они в это время уже сошли далеко от места крушения, только тела пилотов и Бена, очевидно, отдыхали на палубе с виски, а мое — прело запертое в каюте без иллюминатора. Тогда же они заставили меня подписать телекс в банк, чтобы ларец куда-то отправить, — я даже не знаю куда. Потом один из «пилотов» зашел и дал мне выпить воды. После этого я отключился и ничего не помню. Очнулся уже в подземелье. Меня непрерывно охраняли, днем и ночью, а потом стал приходиться этот бедуин из ближней деревушки, приносить еду. Мне понадобилось несколько недель, чтобы установить, где я и что я, а недавно явился какой-то бородатый старик в плаще тамплиеров и сообщил, что через девять дней состоится суд Братства хранителей, на котором мне вынесут приговор. Я так понял из его слов, что суд будет проведен в соответствии с церемонией и правилами ордена, а нарушение клятвы может стоить мне жизни, и решил действовать. Мне удалось уговорить бедуина изготовить сувенир, который впоследствии вам и отправил... Слава Богу, вы успели.

— Почему же было прямо не написать, что и как? — снова спросила Анна. — А если бы мы не поехали к Синельникову или даже его интеллекта не хватило бы расшифровать твое мудреное послание?

— Я не мог прямо написать — бедуина обыскивали перед каждым заходом в камеру, невозможно было пронести ни клочка бумажки, ни карандаш — ничего... Кроме того, стоило подстраховаться на тот случай, если бы бедуина с посланием перехватили люди из ордена. Одно дело — письмо от узника на волю с мольбой о помощи, другое — безобидный сувенир, образец местного примитивизма. С таким сувениром его никто ни в чем не заподозрил бы. В безвыходной ситуации становишься креативным.

— Как же тебе удалось завербовать этого бедуина?

— А мы потихоньку начали с ним разговаривать — на смеси английского и иврита, — и мне удалось убедить его, что я... — Артур несколько замешкался, — ну, как бы это сказать... святой, что ли.

— Святой? — воскликнул Трубецкой. — Ну, ты и скромняга, ничего не скажешь...

— Посиди с мое на цепи — и не то запоешь, — огрызнулся Бестужев. Потом добавил, мгновенно взяв себя в руки: — Я даже не знаю, как и сказать, самому трудно поверить... В общем, видение мне было.

— Что-что? Видение? — встрепелась Анна.

— Понимаю, звучит странно... Короче говоря, вот как все приключилось. Однажды ночью я не спал. Вдруг стало очень душно, как будто кто-то взял и враз изъял весь кислород из воздуха, можно было просто с ума сойти. Воды на горе, кроме дождевой, нет, ее снизу доставляют, а пить хотелось страшно. Даже молиться начал — так было плохо, подумал, что все, конец. И вдруг ни с того, ни с сего началась гроза — ничего кошмарнее я в жизни не видел. Молнии, ураганный ветер и ливень — все как положено. В общем, воды стало предостаточно. И тут я увидел, как возле дверей моей пещеры-камеры в свете от вспышек молний, проникающем через маленькое отверстие в потолке, материализовался женский силуэт — дева красы необычайной. Сразу даже про грозу забыл. Сначала как будто молча рассматривала меня, а затем произнесла несколько фраз на языке, который я не знаю, но понимаю! «Это место — святее Святая Святых, — сказала она, — ибо здесь сам Авраам вкусил вина и хлеба от Мелхиседека и поделился с ним десятиной; ибо здесь преображаются человеки и их души, как преобразился Сын Человеческий... Ты не подсуден суду земному за грехи твои, а вот прощение Всевышнего нужно заслужить...» Она что-то еще говорила, о Свободе, о Единстве, но я уже плохо помню.

Я потом у бедуина начал расспрашивать, кто такой Мелхиседек, ну и про видение тоже пришлось упомянуть. Вот тогда он меня за святого и стал признавать... Чтобы получить возможность хоть как-то с ним общаться, мы начали вместе молиться — для стражников это оказалось святым делом, и они не возражали. Мне удалось убедить его, что теперь мне помогает сама Пресвятая Дева и что это она меня надоумила передать друзьям особое послание. Я рассказал ему в деталях, как изготовить «сувенир», а слова этой Девы про «святее Святая Святых» велел на записке написать как подсказку. И рисунок с медальона добавить, чтобы вы поняли, от кого послание.

— Так, может, это видение было просто плодом твоей фантазии, вызванное жарой и грозой? — высказал сомнение Трубецкой.

— Не знаю, все может быть... В общем, теперь это уже неважно. Главное, что он мне поверил и пообещал в течение одного-двух дней изготовить сувенир и доставить посылку непосредственно к вам, что, как я понимаю, и случилось. Я не знал, что там происходит в университете, где Анна, поэтому решил рискнуть и дал домашний адрес Сергея — сам не

знаю, как я умудрился его не забыть во время всех этих событий. Я рад, что дважды не ошибся.

В голосе Бестужева прозвучали нотки ревности, но Анна и бровью не повела.

— Знаете, друзья мои, — продолжил он после паузы, — я дорого заплатил за нарушение клятвы и очень сожалею, что втянул вас в эту историю. Бес попутал... Видимо, не всем дано выдержать искушение вековой тайной, вот на мне хранители и споткнулись...

— Мы тебе не судьи и мораль читать не собираемся, Артур Александрович. Лучше думай, как теперь домой с того света возвращаться. Тебя ведь там уже в расход списали. А у тебя и документов-то нет.

— А я уже все решил, пока на горе этой сидел. Никуда я не поеду отсюда, останусь здесь, на Святой земле. Только подамся к грекам, они все-таки православные. Мне бедуины подсказали, что тут, в Галилее, есть несколько православных церквей и монастырей, отправлюсь туда. Нет мне теперь возврата в прежнюю жизнь. Хотите — верьте в чудо преображения на горе Фавор, хотите — нет, но со мной что-то реально произошло. Да и всю эту многовековую историю про тамплиеров я вновь и вновь в голове прокрутил — ведь я же с детства рос с этой тайной и всегда очень гордился своей причастностью к ней... Просто невероятно, сколько людей погибло, сколько сил было потрачено, чтобы найти, а потом никому не показывать нечто, о чем достоверно никто ничего не знает, но все боятся, как первобытные люди — грома и молнии. И все это ради всепоглощающего стремления к власти! Можно объяснять такое стремление любыми благими намерениями — служить Иисусу Христу, интересам народа, Церкви, государства — все равно изначальная цель, погребенная под наслоениями словесной шелухи, одна: власть! Это такой наркотик, ради которого идут на любые преступления и жертвы, и я чуть было тоже не ступил на этот путь... А ведь не в ларцах, медальонах, чашах или в других подобных «сувенирах» заключена реальная Сила, и уж точно — не в богатстве и не во власти, а в совершенствовании и развитии Духа! Я теперь это точно знаю...

Это как будто стоишь перед запотевшим зеркалом и мучительно пытаешься разглядеть черты собственного лица — и все безрезультатно. Но потом берешь и рукой вытираешь капельки воды, сначала чуть-чуть, затем еще, затем — насухо, и твое отражение постепенно проявляется, пока не становится кристально чистым. И ты вдруг все видишь и все понимаешь правильно. Это такое чудо — уметь видеть истоки вещей...

Трубецкой остановил машину на развилке дороги, возле поворота, что ведет к Генисаретскому озеру и Тверии. Со стороны Голанских высот вставало солнце. Прощание было недолгим, лишь один вопрос Анна задала своему бывшему научному руководителю:

— Артур Александрович, не откажите в любезности сказать напоследок, а что все-таки было в том ларце?

Бестужев внимательно на нее посмотрел, как будто взвешивая, стоит ли удовлетворить эту просьбу.

— Знаешь, Аня, я столько об этом думал в последнее время... Разве имеет какое-либо значение, что именно было в ларце? Ты уж прости меня за аналогию, но это как в случае, когда расстаешься с любимой женщиной, за которой долго и безрезультатно ухаживал, и потому уходишь к другой: после уже не имеет значения, почему бывшая любимая два месяца назад не пошла с тобой в кино. Есть события или даже этапы в жизни, когда просто подводишь черту и больше к ним не возвращаешься, — нет смысла теревить прошлое.

Важно, что содержимое ларца находится в руках тех, кому оно дорого, сам ларец — у тех, кому он нужен, и пусть все они будут счастливы. Впереди нас ждет новая эра — эра Любви и Добра, когда миром будут управлять совсем другие люди, идеи и энергии. Я в это верю.

Пока Бестужев говорил, Анна обратила внимание, как он преобразился за это время, и не только внешне. Исчезла ранее присущая ему внутренняя скованность: он будто выпрямился, даже выше ростом стал, а в глазах, жестах, манере говорить появились новые черты, свойственные лишь раскрепощенному и свободному духом человеку. Теперь он меньше всего напоминал своего знаменитого однофамильца — великого интригана и политика, канцлера императрицы Елизаветы Петровны графа Бестужева-Рюмина. «Как будто сбросил тяжкий груз, который нес много лет», — подумалось ей в тот момент.

— Я еще кое-что хочу вам сказать напоследок, — как-то нерешительно произнес Бестужев после паузы. — В тот самый день, когда была страшная гроза и дождь лил как из ведра, в какой-то момент вода через отверстие в потолке обильно полилась по стенам моей пещеры. И вот на одной из них, ранее всегда сухой, примерно на высоте человеческого роста я вдруг увидел под вспышками молний явственно проступившую на мокром камне надпись на латыни. Очевидно, кто-то немало потрудился, чтобы выцарапать острым предметом на неподатливом камне короткую фразу, всего несколько слов, которые поразили меня. Там было написано: *«Он не был распят, но спасен»*.

Эти слова можно рассматривать и как пророчество, и как подсказку... Они дали мне надежду, и я пообещал сам себе, что если и буду спасен, как тот, о ком эта надпись, то не вернусь в мир прежде, чем узнаю, что же она означает и кто ее оставил. Пришло время исполнить обещанное. Прощайте, друзья мои, и пусть сопутствует вам удача!

Бестужев помахал им на прощание рукой и пешком, не спеша отправился навстречу рассвету и новой судьбе. Сергей Михайлович и Анна остались стоять возле машины. Трубецкой обнял Анну за плечи и, как бы подводя итог всей этой истории, задумчиво произнес:

— Видишь, как удивительно все устроено: кто-то приходит в мир для спасения всего человечества, а кто-то просто спасает отдельных его представителей.

— Одного без другого не бывает, — ответила Анна.

Они еще долго смотрели вслед Артуру Бестужеву.

Он шел по склону горы, раскинув руки и подставив лицо солнцу. Свободный человек сделал свободный выбор. И это было хорошо.